

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2022

Том 22
Выпуск 4

Дмитрий Балашов

Эффективный альтруизм:
аргументы за и против

Рустэм Ярцев

Научное познание:
эпистемология добродетелей
vs рациональный скептицизм

Николай Шавеко

Этнокультурная справедливость
и мультикультурализм

Екатерина Булипопова

Эвристические возможности
теории архетипов
в политической науке

Татьяна Сухобок

Влияние зарубежных учений
о социальных правах
на российскую политико-правовую
мысль начала XX века

**Олег Болдырев,
Леван Чихладзе**

Экономический
суверенитет государства:
ценность, вызовы, правовые
механизмы защиты

Российская Академия Наук

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 22

Выпуск 4

Екатеринбург – 2022

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, д-р филос. наук, проф. (Екатеринбург, Россия); **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Ань ЦИНЯНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЪЯНОВ**, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (спец.: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 года. В 1999–2018 годы выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 года журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс 43669 через Подписное агентство «Урал-Пресс» (контакты ближайших офисов на сайте www.ural-press.ru).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

Статьи распространяются на основе публичной лицензии Creative Commons

Российская Академия Наук

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 22

Issue 4

Yekaterinburg 2022

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **An QINIAN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal is included into the List of leading research journals for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

Founder and Publisher:

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

The journal is published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal is published under the title "Antinomies". Subscription index 43669 via Subscription agency «Ural-Press» (contacts of the nearest offices to be found on the website www.ural-press.ru).

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

(The Certificate of Registration ПИ № ФЦ77-75331, April 05, 2019)

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620108.

Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

The articles are distributed under a Creative Commons public license

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Балашов Д.В.* Эффективный альтруизм: аргументы за и против7
- Ярцев Р.А.* Научное познание:
эпистемология добродетелей vs рациональный скептицизм.....32

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Шавеко Н.А.* Этнокультурная справедливость и мультикультурализм.....53
- Булипопова Е.В.* Эвристические возможности
теории архетипов в политической науке66

ПРАВО

- Сухобок Т.В.* Влияние зарубежных учений о социальных правах
на российскую политико-правовую мысль начала XX века91
- Болдырев О.Ю., Чихладзе Л.Т.* Экономический суверенитет
государства: ценность, вызовы,
правовые механизмы защиты 110

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

<i>D. Balashov.</i> Effective Altruism: Pro and Contra.....	7
<i>R. Yartsev.</i> Scientific Knowledge: Virtue Epistemology vs Rational Skepticism	32

POLITICAL SCIENCE

<i>N. Shaveko.</i> Ethno-Cultural Justice and Multiculturalism	53
<i>E. Bulipopova.</i> Heuristic Possibilities of the Archetype Theory in the Political Science	66

LAW

<i>T. Sukhobok.</i> The Influence of Social Rights' Foreign Teachings on the Russian Political and Legal Thought at the Beginning of the 20 th Century	91
<i>O. Boldyrev, L. Chikhladze.</i> Economic Sovereignty of a State: Value, Challenges, Legal Mechanisms for Protection	110

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Балашов Д.В. Эффективный альтруизм: аргументы за и против. DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_7 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 7–31.

УДК 17.035.1

DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_7

Эффективный альтруизм: аргументы за и против¹

Дмитрий Викторович Балашов

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

г. Москва, Россия

E-mail: dbalashov@hse.ru

*Поступила в редакцию 13.07.2022, поступила после рецензирования 10.10.2022,
принята к публикации 01.11.2022*

Одной из новейших влиятельных этических и политико-философских концепций XXI в. является эффективный альтруизм. Ее идеи появились еще во второй половине XX в. в работах философа-утилитариста Питера Сингера, но окончательное оформление эффективного альтруизма в единую концепцию произошло во втором десятилетии XXI в. Популярность концепции обеспечивается высокогуманной философией, а также ярко выраженным прикладным характером, нацеленностью на эффективную реализацию. Возникновение эффективного альтруизма во многом

¹ В статье используются фрагменты диссертационного исследования Д.В. Балашова «Проблема справедливости в политико-правовой мысли второй половины XX – начала XXI в.».

© Балашов Д.В., 2022

обусловлено растущими дисбалансами в глобализирующемся мире. На рубеже XX и XXI вв. качество жизни людей в наиболее развитых странах достигло самого высокого уровня в истории человечества, при этом проблемы голода, детской смертности в наименее благополучных странах Африки и Азии так и остались актуальными. Эффективные альтруисты задаются вопросами: как же такое возможно в современном мире, как с точки зрения морали объяснить существование на нашей планете легкоустраимых бед и несправедливостей и что требуется сделать, чтобы решить эти проблемы? Одной из основных проблем, выявленных представителями эффективного альтруизма, является специфика моральных интуиций, присущих как всем людям, так и каждому человеку в отдельности. Данные интуиции блокируют моральное поведение людей, находящихся на расстоянии друг от друга, способствуя при этом моральному поведению во взаимоотношениях с близкими людьми. В настоящей статье характеризуются основные этапы формирования концепции эффективного альтруизма. Ее философские основания исследуются автором на примере работ наиболее известного представителя эффективного альтруизма Питера Сингера. В статье рассматривается критика эффективного альтруизма как со стороны деонтологических подходов, так и со стороны этики добродетелей.

Ключевые слова: утилитаризм, эффективный альтруизм, эффективность, моральные интуиции, универсальная мораль, деонтологическая этика, инструментальная ценность, этика добродетелей

Effective Altruism: Pro and Contra

Dmitry V. Balashov

National Research University – Higher School of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: dbalashov@hse.ru

Received 13.07.2022, revised 10.10.2022, accepted 01.11.2022

Abstract. One of the newest and most influential ethical, political and philosophical theory of the XXI century is “effective altruism”. Its basic ideas firstly appeared in the second half of the XX century in the works of the famous utilitarian philosopher Peter Singer, but the real influence the conception obtained in the second decade of the XXI century. The popularity of the concept is ensured by a combination of a humanistic philosophy, on the one hand, and a concentration on its realistic and effective implementation, on the other. The emergence of the effective altruism is connected with the growing disbalances in the globalizing world. At the turn of the XX and XXI centuries, the quality of people’s lives in the most developed countries reached the highest level in history, while the problems of hunger and child mortality in less developed countries of Africa and Asia remained sharp. Effective altruists wonder how is it possible in the modern world. How, from the point of view of morality, one can explain the existence of easily remedied disasters and injustices on our planet? What needs to be done to solve these problems? One of the main problems identified by representatives of effective altruism is the specificity of moral intuitions inherent both in humankind and in each individual. These intuitions may block the moral intentions toward a person in a distance, while promote them toward people who are close. Effective altruists criticize such situation and try to find a solution. The article observes the main stages of the evolution of the concept of the effective altruism.

The philosophical foundations of the concept are explored based on the works of the most famous representative of the movement – Peter Singer. The philosophical critique of effective altruism from both deontological and virtue ethical theories is considered.

Keywords: utilitarianism; effective altruism; efficiency; moral intuitions; moral universalism; deontological ethics; instrumental value; virtue ethics

For citation: : Balashov D.V. Effective Altruism: Pro and Contra, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 7-31. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_7.

Появление эффективного альтруизма. В 1972 г. австралийский философ Питер Сингер, работавший в то время в Оксфордском университете, опубликовал эссе «Голод, изобилие и мораль» (Singer 1972). Отправной точкой к написанию этой работы послужил масштабный голод в Бангладеш в 1971 г. В данном философском тексте, посвященном моральным обязательствам каждого человека, Сингер отмечает: «Если в наших силах предотвратить что-то плохое, не жертвуя при этом чем-либо сопоставимым... то с моральной точки зрения мы должны это сделать...» (Singer 2016: 5-6, здесь и далее перевод наш. – Д. Б.). Но есть ли какой-то измеримый объем того, чем необходимо жертвовать? Сингер утверждает, что жертвовать следует, «пока мы не достигнем точки предельной полезности, то есть точки, в которой, давая больше, человек или его семья потеряют столько же, сколько выиграют получатели их помощи» (Singer 2015: 13). Постоянно помогать другим людям – наша моральная обязанность, считает философ.

За прошедшие с момента публикации 50 лет текст «Голода, изобилия и морали» многократно переиздавался. Эссе оказало большое влияние на всю мировую моральную и политическую философию, чему способствовал целый ряд аспектов. Во-первых, высказанное Сингером очень радикально для нашей повседневной морали и предлагает каждому пересмотреть меру своей ответственности перед другими. Суть предложенного Сингером заключается в следующем: «Пора осознать... что моральная философия не должна ограничиваться анализом уже существующих этических понятий. Философ может... выступить “экспертом” в моральных вопросах, в определении того, что является морально должным и недолжным, т.е. в определении того, что есть добро и зло» (Васильев и др. 2014: 822). Во-вторых, эссе создано в рамках утилитаристского этического подхода, что само по себе было вызовом, так как в 1970-е гг. главенствующим направлением в этической философии была деонтологическая традиция, а утилитаризм нещадно критиковался со стороны других этических подходов. Эссе и ряд других столь же радикальных работ привлекли к Сингеру повышенное внимание академического сообщества – за ним закрепилась слава автора провокационных текстов и в то же время одного из самых влиятельных мыслителей современности.

Несмотря на то, что эссе Сингера вызвало серьезный резонанс и появлялись отдельные исследования, развивавшие его утилитаристские идеи, в том числе работы экономиста и философа Ю-Кван Нг (см., напр.: Yew-Kwang Ng 2000) и популярная книга Питера Унгера «Жить высоко и позволить умереть: наша иллюзия невинности» (Unger 1996), настоящее возрождение

интереса к утилитаристской этической и политической программе наступило уже в XXI в. Это связано с различными факторами, но нельзя не обратить внимание на широкое распространение многочисленных инициатив, суть которых заключалась в практической реализации идей Сингера, в чем сам философ принял активное участие.

В начале 2000-х гг. два профессора Массачусетского технологического института – супруги Абхиджит Банерджи и Эстер Дюфло, в 2019 г. ставшие лауреатами Нобелевской премии по экономике, – заинтересовались вопросом бедности на планете в контексте того, *насколько эффективно* различные международные механизмы борются с этой проблемой. Сложившаяся к тому времени ситуация позволила Дюфло утверждать: «Мы боремся с бедностью так, как средневековые врачи боролись с болезнями, ставя пиявки» (Duflo 2010). В 2003 г. Банерджи и Дюфло совместно с рядом коллег основали организацию Abdul Latif Jameel Poverty Action Lab¹, благодаря которой смогли существенно повысить эффективность предоставляемой помощи, внедрив в борьбу с бедностью метод, отлично зарекомендовавший себя в медицине, – рандомизированное контролируемое исследование.

В 2007 г. два финансиста, сотрудники хедж-фонда Холден Карнофски и Эли Хассенфельд, учредили организацию GiveWell², задачей которой стало увеличение прозрачности деятельности многочисленных благотворительных организаций. GiveWell начала осуществлять аудит в сфере благотворительности, прежде всего проверяя, насколько эффективна благотворительная деятельность. Эти данные организация предоставляет всем заинтересованным на своем официальном сайте.

В Великобритании в 2009 г. два выпускника Оксфордского университета Тоби Орд и Уильям Макаскилл основали организацию Giving What We Can. Участники данного сообщества принимали на себя обязательство тратить как минимум 10% от своего дохода на борьбу с бедностью в мире³. В 2011 г. Макаскилл совместно с Бенджамином Тоддом создал еще одну организацию – «80 000 часов» (80,000 Hours)⁴, поставившую целью провести анализ *эффективности* различных профессий с точки зрения возможности приносить пользу другим. Название организации выбрано неслучайно – именно такое количество времени в среднем за свою жизнь человек тратит на работу. Данная организация оказалась крайне нужной многим, кто хотел, чтобы его работа приносила как можно больше пользы обществу.

Это далеко не полный перечень возникших в 2000-х гг. похожих инициатив, которые в итоге породили целое движение, чья суть заключается в *максимально эффективном* принесении пользы тем, кто в этом особо нуждается. Все эти инициативы были названы «зонтичным» термином «эффективный альтруизм», который с 2012 г. начал активно использоваться во всем мире.

¹ URL: <https://www.povertyactionlab.org/>

² URL: <https://www.givewell.org/>

³ URL: <https://www.givingwhatwecan.org/>

⁴ URL: <https://80000hours.org/>

На сегодняшний день эффективный альтруизм объединяет большое количество последователей в самых разных областях знаний. Обобщая формы, в которых существует эффективный альтруизм, принято выделять философское и практическое направления эффективного альтруизма. Несмотря на то, что практические результаты в эффективном альтруизме имеют первостепенное значение, их вряд ли можно было ждать без фундаментального философского обоснования моральной правоты такого подхода. Появившись как моральная доктрина, эффективный альтруизм постоянно должен доказывать свою состоятельность в споре с другими этическими и политико-философскими теориями.

Среди большой плеяды философов, которых называют сторонниками эффективного альтруизма, в первую очередь можно выделить Питера Сингера, Питера Уингера, Ю-Кван Нг и Уильяма Макаскилла. Кроме того, похожие взгляды разделял один из самых влиятельных моральных философов рубежа XX–XXI вв. Дерек Парфит (см. об этом: Grimes 2017). Далее мы рассмотрим основные положения эффективного альтруизма, проанализировав взгляды Питера Сингера, который по праву считается идейным вдохновителем данного подхода.

Философские основания взглядов Питера Сингера. Питер Сингер работает в области моральной философии, а проблемы, которые он поднимает, напрямую касаются как политико-правовых аспектов организации общества, так и непосредственно вопросов социальной справедливости. За свою карьеру Сингер опубликовал целый ряд знаковых работ, в их числе «Освобождение животных» (Сингер 2021), «Практическая этика» (Singer 1993), «Один мир: этика глобализации» (Singer 2002), «Жизнь, которую вы можете спасти» (Сингер 2018) и др. Как было отмечено выше, Сингер принадлежит к утилитаристской традиции и в настоящий момент является самым известным представителем этого направления. Так, в 2013 г. он вошел в первую пятерку ста наиболее влиятельных глобальных мыслителей по рейтингу, составленному швейцарским Институтом Готлиба Датвейлера (см.: Сингер 2019: 52).

Утилитаристская традиция исторически близка к либерализму, хотя и специфическим образом понимает его. К примеру, один из классиков утилитаризма Дж.С. Милль вошел в историю и как классик либеральной теории. Ключевыми аспектами либеральной традиции выступают акцент на индивидуе и равенство всех людей. «В соответствии с основами нашей демократии и нашей часто декларируемой верой в неотъемлемое достоинство человека мы также согласны с тем, что все люди сотворены равными, по крайней мере, в той степени, в которой отрицаются различия пола, этнического происхождения, национальности и места проживания. Место жительства не изменяет ценность человеческой жизни», – пишет Сингер (Singer 2016: 52). Для Сингера индивид является конечной целью, а равенство не подлежит сомнению. Главное отличие классического утилитаризма от либерализма в сегодняшнем его понимании заключается в скептическом отношении к категории *прав человека* и акценте на благе как цели.

Сингер придерживается утилитаристского стандарта, по которому этические правила предназначены для максимизации общего блага. Правда, в своих концепциях Сингер не предпринимает существенных попыток показать, какое именно благо должно быть максимизировано. Для него гораздо более существенным является вопрос снижения страдания в обществе. При этом недопустимость страдания Сингер рассматривает как самоочевидный факт, подтверждение которому он находит в самых разных философских традициях, в том числе в деонтологических подходах, а также в религиозной морали восточной и западной цивилизаций: «Я начну с предположения, что страдания и смерть из-за отсутствия крыши над головой, от недостатка еды и медицинской помощи – это плохо. Я думаю, что большинство людей согласятся с этим, хотя к одному и тому же взгляду можно прийти разными путями» (Singer 2016: 6).

Обозначив ряд базовых положений своей теории: приоритетный характер индивида, равенство всех индивидов и недопустимость (минимизация) в нашем обществе страдания, Сингер приводит примеры, демонстрирующие состояние дел в современном мире, которые говорят об острой необходимости новой этико-философской концепции.

Глобальные проблемы. Несмотря на то что за последние несколько веков человечеством был достигнут значительный прогресс в борьбе с голодом и нищетой, сегодня можно говорить о вопиющей несправедливости по отношению к развивающимся странам, и прежде всего странам Африканского континента. Сингер отмечает, что «за последние 20 лет из-за нищеты погибло больше людей, чем за весь XX век из-за войн и репрессий» (Сингер 2018: 16). Так, «по данным ЮНИСЕФ, ежегодно почти 10 миллионов детей младше пяти лет умирают из-за того, что слишком бедны и не могут получить помощь» (Сингер 2018: 19). По подсчетам ЮНИСЕФ, «сотни тысяч детей, каждый год умирающих от кори, могла бы спасти вакцина, одна доза которой стоит меньше доллара» (Сингер 2018: 101).

Для развитых стран западного мира такие проблемы на сегодняшний день неактуальны, однако их острота для всей планеты не исчезает. Более того, Сингер подчеркивает, что существование голода и огромное количество смертей, им вызванных, так же, как и огромное количество смертей от известных болезней, которые можно было легко предотвратить, не оправдывается какими-либо объективными факторами, свидетельствующими о ресурсных ограничениях. На рубеже XX–XXI вв. уровень жизни ведущих стран Запада, и прежде всего США, достиг максимального уровня в истории человечества. При этом уровень потребления в развитых обществах можно назвать чрезмерным. Сингер на примере проведенного по заказу правительства США исследования отмечает, что «14% домашнего мусора – это прекрасная еда, в закрытых упаковках и непросроченная, в основном сухие или консервированные продукты, которые долго хранятся... жители США каждый год выбрасывают еды на 100 миллиардов долларов» (Сингер 2018: 26). Показателен тот факт, что «в США даже самая бедная пятая часть населения тратит на еду только 16% своих доходов, в Нигерии эти траты достигают 73%» (Сингер 2018: 139).

Такие огромные разрывы на глобальном уровне между различными обществами напрямую связаны с вопросами экономической (дистрибутивной) справедливости. Данные вопросы отнюдь не являются исключительно темой работ академического сообщества, они приковывают внимание ведущих международных организаций (как было показано на примере ЮНИСЕФ), которые ставят своей целью решение проблем бедности, голода, инфекционных болезней и преодоление других вызовов беднейшей части населения нашей планеты. Рассматривая деятельность таких организаций, Сингер обращает внимание на еще один существенный факт. Так, в 2006 г. наиболее экономически развитые страны, входящие в группу ОЭСР, в среднем жертвовали в год на помощь бедным странам примерно 46 центов из каждых 100 долл. ВВП, тогда как США, богатейшая страна в мире, отдавала на международную помощь бедным странам только 18 центов из 100 долл. ВВП (Сингер 2018: 50). При этом, по оценкам ООН, для преодоления вышеуказанных глобальных проблем развитые страны должны выделять на помощь развитию (*англ.* development aid) 0,7% от странового ВВП (Singer 2002: 180), что равняется 70 центам с каждых 100 долл. В процентном соотношении объем необходимых средств является совсем незначительным по сравнению с тем результатом, которого можно достичь, – спасти десятки миллионов жизней.

Сингер отмечает, что «по данным Giving USA 2008, самого авторитетного исследования американской благотворительности, треть денег, которые жертвуют американцы, идет религиозным организациям, а те тратят их на зарплату священникам, на строительство и поддержку церквей, синагог и мечетей. Какая-то часть этих денег – по самым оптимистичным подсчетам, менее 10% – идет на помощь развивающимся странам. Следующий по величине сектор, куда направляются деньги, – это образование, в том числе университеты, колледжи и библиотеки. И опять лишь небольшой процент этих денег уходит на стипендии для студентов из развивающихся стран или финансирование исследований, которые могли бы помочь в борьбе с бедностью и болезнями» (Сингер 2018: 39).

Если обобщить все вышеперечисленное, то можно сделать важные выводы о проблемах справедливости в глобальном масштабе. Но, кроме констатации факта голодных смертей и других решаемых проблем на фоне доселе невиданного богатства западных стран, необходимо обратить внимание на то, что помогать развивающимся странам даже под эгидой международных организаций развитые страны не спешат. Более того, масштаб расходов в благотворительной сфере на примере США демонстрирует, что, несмотря на огромное количество людей, находящихся в бедственном положении, благотворители предпочитают концентрироваться на локальных или национальных вопросах, не требующих экстренной помощи, а также зачастую на целях крайне спорных и необязательных, вроде приобретения дорогостоящих экспонатов для местных музеев (Сингер 2018: 170). Сингер озадачивается вопросом, что же движет людьми, которые так легко отбрасывают вопиющие проблемы глобальной несправедливости и сосредотачиваются на чем-то другом.

Моральные интуиции. В одной из первых работ, посвященных проблеме глобальной справедливости, «Голод, изобилие и мораль», ученый

проводит мысленный эксперимент: «Представьте себе такую ситуацию. По дороге на работу вы идете мимо небольшого пруда. Он мелкий, воды в нем только по колено, и в жару здесь иногда играют дети. Но сегодня прохладно, время раннее, и вы с удивлением обнаруживаете, что в пруду плещется какой-то ребенок. Вы подходите ближе и видите, что он совсем маленький, просто младенец, он машет ручками и не может ни встать на ноги, ни выбраться из пруда. Вы оглядываетесь в поисках его родителей или няни, но никого вокруг нет. Ребенку уже явно непросто держать голову над поверхностью воды. Если вы не броситесь в воду и не вытащите его, он, скорее всего, утонет. Вы можете легко зайти в воду, вашей жизни ничего не угрожает, но вот только испортятся новые туфли, купленные всего несколько дней назад, одежда испачкается и вымокнет. К тому же, пока вы найдете кого-то, кому сможете передать ребенка, еще и опоздаете на работу. Что же делать?» (Сингер 2018: 18).

Сингер пишет, что подавляющее большинство людей, которым был предложен данный мысленный эксперимент, отвечали однозначно: ребенка необходимо спасти. Но чем же данный случай отличается от проблемы голодных смертей, которых можно было бы избежать, потратив на спасение жизни примерно столько же, сколько и на новую пару обуви?

Философ обращается к феномену моральных интуиций. То, что человек гораздо более лоялен к близким ему людям, к своей группе, для Сингера является ярким примером действия интуиций, которые в современном глобальном мире ведут к драматическим последствиям, если рассматривать это в категории справедливости. Опираясь на исследования в области современных естественных наук, Сингер приходит к выводу, что интуиции, отдающие приоритет близким, продиктованы целым рядом причин.

Причина 1: *идентифицируемая жертва*. Как показали многочисленные исследования (Västfjäll et al. 2014; Kogut, Ritov 2005a; Kogut, Ritov 2005b; McKie, Richardson 2003), человек испытывает гораздо больше эмпатии, если может конкретно идентифицировать того, кто находится в бедственном положении. Образ человека, находящегося в тяжелом положении, влияет на наши эмоции. Отсутствие прямого контакта (фото, имени, знания личных особенностей человека) приводит к тому, что индивид не испытывает чувства долга перед другими.

Работы Пола Словика (см. об этом: Epstein 1994), Д. Канемана и других ученых (Канеман 2013; Канеман, Словик, Тверски 2005; Tversky 2004) демонстрируют, что человеческий мозг воспринимает реальность при помощи двух разных систем: аффективной и делиберативной. Аффективная система основана на эмоциональных реакциях, которые приводят к интуитивному пониманию, в то время как делиберативная система, отвечающая за рациональные рассуждения, работает с абстрактными понятиями. В данном примере интуиция, сообщающая о долге перед конкретным человеком, оказывается значительно сильнее, чем абстрактные рассуждения о бедах людей на другом конце планеты.

Причина 2: *парохиализм*. Многочисленные факты регулярно происходящих на планете катастроф ярко демонстрируют, как к ним относятся

отдельные индивиды. Если кто-то не находится в эпицентре проблемы, то заинтересованность в данной проблеме, как и чувство долга по отношению к жертвам трагедии, быстро ослабевает. Человека интересуют те вещи, которые его непосредственно касаются. Как показали исследования в области эволюционной биологии, такое отношение людей к окружающему миру и забота только о близких связаны с тем, что на протяжении миллионов лет человек развивался как социальное млекопитающее, чье выживание зависело от помощи ближайших членов группы – племени (Сингер 2018: 67).

Причина 3: *распыление ответственности*. В социальной психологии хорошо известен случай Китти Дженовезе – молодой женщины из Нью-Йорка, которая была жестоко убита в 1964 г. на пороге собственного дома. У этого преступления было много свидетелей из числа соседей жертвы, но никто не вмешался, чтобы спасти женщину, и даже не вызвал полицию. Участвовавшие в данном случае психологи Джон Дарли и Бибб Латане дали такому поведению название «феномен распыления ответственности» (см.: Сингер 2018: 69). Когда тех, кто должен выполнить какой-то долг, много, то в итоге, в самом радикальном случае, вместо активного участия это может привести к полному бездействию каждого в отдельности.

Причина 4: *личное чувство справедливости*. В психологическом эксперименте «Ультиматум» (см.: Nowak et al. 2000) исследователи предложили нескольким незнакомым людям разделить некоторую сумму денежных средств. По условиям задания один участник, получивший от организаторов деньги, должен был предложить какую-то часть из них другому. Если второй участник отказывался от предложенной суммы, то денег не получал никто. С точки зрения рационального человека (*homo economicus*), второму участнику было бы выгодно взять любую предложенную сумму. Но, как показал эксперимент, большинство людей отказываются от денег, если считают, что предложение несправедливо, поскольку составляет значительно меньше 50% от общей суммы денежных средств. Люди предпочитают остаться ни с чем, лишь бы не допустить несправедливости по отношению к себе. Такие моральные интуиции также являются следствием эволюции человека и заложены на генетическом уровне (Сингер 2018: 71).

Применительно к проблеме глобальной справедливости данная моральная интуиция работает во вред, так как, видя, что окружающие не выполняют свой долг помощи наиболее в ней нуждающимся, люди не считают своим долгом помогать в индивидуальном порядке. Если не делают *они*, то почему должен *я*?

Сингер приводит еще ряд исследований, объясняющих, как работают наши моральные интуиции, и делает вывод, что существующие интуиции являются препятствием для теории глобальной справедливости, необходимой в современном мире: «Поведение, которое помогало выживать и размножаться нашим предкам, не принесет никакой пользы ни нам, ни нашим потомкам в сегодняшней, совершенно изменившейся ситуации. Даже если какие-то наши чувства или действия все еще связаны с выживанием и размножением, то, как признавал сам Дарвин, это еще не значит, что они правильны. У эволюции нет моральной составляющей» (Сингер 2018: 76).

Двухуровневый утилитаризм Ричарда Хэара. Один из выдающихся представителей классического утилитаризма Генри Сиджвик писал: «Благо одного человека с точки зрения, если так можно выразиться, Вселенной имеет не больше значения, чем благо любого другого, если только нет особых причин считать, что в одном случае благо окажется больше, чем в другом» (Sidgwick 1962: 382). Сингер, как утилитарист, разделяет позицию своего предшественника и предпочитает смотреть на нормативное устройство общества с так называемой точки зрения Вселенной (*The Point of View of the Universe*) (Сингер 2019: 9), критически оценивая при этом разнообразные свойственные человеку интуиции. В то же время Сингер понимает, какие проблемы создает такая попытка *пойти против природы человека*. Он пишет: «Некоторые авторы, в том числе Сиджвик и Урмсон, утверждали, что нам необходимо иметь базовый моральный кодекс, который не слишком далеко выходит за пределы возможностей обычного человека, иначе будет иметь место общее нарушение соблюдения морального кодекса» (Singer 2016: 19).

Проблема разработки специального свода утилитаристских моральных правил и имплементации их в жизнь была в центре одной из главных дискуссий среди утилитаристов XX в. Решая данную проблему, Сингер солидаризируется с позицией Ричарда Хэара, который предложил интегративный подход, стремящийся объединить «утилитаристов правил» и «утилитаристов действия». Разделяя убеждения «утилитаристов правил», Хэар указывал, что для того, чтобы суждения считались моральными, они должны быть универсализируемыми, то есть говорящий должен быть готов предписать, чтобы они выполнялись во всех реальных и гипотетических ситуациях: не только когда он получает выгоды, но и когда он что-то теряет (см.: Hare 1981).

При этом, осознавая проблемы использования таких универсализируемых правил, Хэар отмечал, что «в повседневной жизни часто бывает слишком сложно продумать последствия каждого решения, которое мы принимаем, и, если бы мы попытались это сделать, мы рисковали бы ошибиться из-за нашего личного участия и давления, оказываемого ситуацией. Чтобы направлять наше повседневное поведение, нам нужен набор принципов, к которым мы можем обращаться без долгих размышлений. Эти принципы образуют интуитивный, или повседневный, уровень нравственности. С другой стороны, в более спокойный или более философский момент мы можем поразмышлять о природе наших моральных интуиций и спросить, развили ли мы правильные интуиции, то есть те, что приведут к наибольшему благу, если рассматривать их беспристрастно. Во время этого размышления мы переходим на критический уровень морали, который формирует наши мысли о том, каким принципам мы должны следовать на повседневном уровне. Таким образом, критический уровень служит испытательным полигоном для моральных интуиций» (Hare 1981).

Сингер вслед за Хэаром предлагает использовать двухуровневый моральный подход для обеспечения справедливости на глобальном уровне, где как раз интуиции часто противоречат необходимости. Это возможно реализовать, по мысли Сингера, поскольку спасение огромного количества жизней по всему миру не приведет к серьезному моральному конфликту на

уровне отдельного человека. Часто приводимые критиками утилитаризма примеры экстремальных ситуаций, которые связаны с необходимостью выбора между спасением жизни близкого человека и незнакомца, в реальной жизни практически не встречаются. В подавляющем большинстве жизненных ситуаций человек может руководствоваться «повседневным моральным кодексом», базирующимся на моральных интуициях. При этом не возникает конфликта между моралью и природой человека. Глобальный уровень – это уровень действия правил «универсального морального кодекса». Самые животрепещущие проблемы сегодняшнего мира сначала требуется осмыслить с универсалистских позиций, то есть признать, что все люди равны и у нас нет оснований расставлять приоритеты между индивидами, – только после этого можно решить, каким образом способствовать достижению глобальной справедливости. Следование установленным таким образом правилам является долгом и обязанностью каждого человека, но при этом данные правила не будут создавать риск морального конфликта для самого «обязанного», как и существенно влиять на привычную для него жизнь.

Эффективный альтруизм. Ранее было отмечено, что Сингер стоял у истоков этого нового практико-ориентированного философского направления. Как и другие утилитаристские подходы, эффективный альтруизм ставит своей целью максимизацию конечного блага. Поскольку максимизация конечного блага опирается на измеряемые категории, эффективный альтруизм использует богатый математический и экономический инструментарий, чтобы рассчитать, каким образом лучше решать стоящие перед человечеством проблемы и каких ресурсов это потребует.

К примеру, экономист Джеффри Сакс произвел вычисления объема помощи, который потребуется для обеспечения беднейшим обществам возможности жить достойно, что позволило бы отчасти выполнить требование глобальной справедливости. Так, он подсчитал, что в 2001 г. для того, чтобы все люди, находящиеся в критическом положении, смогли преодолеть черту бедности, понадобилось бы 124 млрд долл. Совокупный доход 22 богатых стран, входящих в ОЭСР, в том году составил 20 трлн долл. Следовательно, вклад, необходимый для преодоления черты бедности, равнялся 0,62% от этого дохода, то есть 62 центам с каждых заработанных 100 долл. Исходя из этого человеку, который зарабатывает 50 тыс. долл. в год, нужно было пожертвовать на эти цели чуть больше 300 долл. Такую сумму вряд ли можно назвать неподъемной (Sachs 2005: 288-309). Для сравнения: в 1999 г. американцы потратили 116 млрд долл. на алкоголь (Foster 2003).

Сингер указывает, что наряду с подсчетами Сакса существуют и другие похожие исследования, кроме того, с учетом фактора времени и изменения экономических условий данные необходимо постоянно актуализировать. Но для утилитаристского подхода это не имеет особого значения, так как основная задача – поиск наиболее эффективного решения проблем. Самое важное, как отмечает Сингер, это то, что необходимый объем ресурсов, которые требуется затратить, не является чем-то настолько существенным, что в корне изменит жизнь граждан наиболее преуспевающих стран. Скорее наоборот, вклад настолько минимальный, что уклонение от его внесения

выглядит абсурдным для человечества, стремящегося к некоему моральному идеалу.

Следует также обратить внимание, что проведенный Саксом расчет предполагает равный вклад всех жителей наиболее преуспевающих и развитых стран в борьбу с глобальными проблемами. Подобный подход не отрицается Сингером, но и не является для него основным – это только первый шаг. Как утилитарист, Сингер вступает в полемику со сторонниками глобальной справедливости, которые придерживаются концепции *равного вклада* в борьбу с коллективными проблемами. Так, философ Кваме Энтони Аппиа в работе «Космополитизм» утверждает: «...если в мире живет много людей, которые не вносят свой вклад, – а это, безусловно, так – то странно требовать от меня разрушить свою собственную жизнь, чтобы возместить недостачу» (цит. по: Сингер 2018: 159). Сингер категорически не согласен с таким подходом. Для ответа сторонникам равного вклада он видоизменяет свой мысленный эксперимент с тонущим ребенком в пруду: «Представьте себе, что вы идете мимо мелкого пруда и видите, что в него упали десять детей, которых надо спасти. Вы оглядываетесь вокруг и не видите ни родителей, ни воспитателей, но замечаете, что кроме вас к пруду только что подошли еще девять взрослых человек, которые тоже увидели тонущих детей и точно так же, как и вы, могут спасти кого-то из них. Вы бросаетесь в воду, хватаете одного ребенка и благополучно вытаскиваете его из воды. Вы думаете, что все остальные взрослые сделали то же самое и все дети уже спасены, но, обернувшись, к своему негодованию, обнаруживаете, что еще четверо взрослых спасли по одному ребенку, а остальные пятеро просто ушли. Пятеро детей все еще находятся в пруду и, похоже, вот-вот утонут. Сторонники теории справедливого вклада сказали бы, что вы уже внесли свою лепту в спасение детей. Если бы каждый поступил так же, то все были бы спасены. У всех равные возможности спасти ребенка, а значит, ваш справедливый вклад сводится к спасению лишь одного и вы ничего больше не обязаны делать. Но сможете ли вы и четверо оставшихся взрослых остановиться, вытащив по одному ребенку, если поймете, что остальные пятеро сейчас утонут?» (Сингер 2018: 165).

Ответ так же очевиден, как и в первом приведенном в статье мысленном эксперименте. Сингер не ставит своей целью найти оптимальный инструмент вроде некоего налога, направленный на решение глобальных проблем справедливости. Его идея заключается в том, что человек должен вносить максимально возможный лично для него вклад в улучшение этого мира. В ранней работе 1972 г. «Голод, изобилие и мораль» (*Famine, Affluence and Morality*) Сингер отмечает, что существуют «сильная» и «умеренная» версии его теории (Singer 2016: 28-29). «Сильная версия», которой придерживается сам мыслитель, состоит в том, что одни люди должны жертвовать в пользу других такой объем ресурсов, который будет вести к соотношению «предельной полезности» между индивидами, то есть к такому состоянию, когда всякое изменение, которое никому не приносит убытков, а некоторым людям (по их собственной оценке) приносит пользу, является улучшением. В этой ситуации все выгоды от обмена можно считать исчерпанными (Блауг 2008: 234). Данный подход требует серьезных жертв. Однако Сингер

отдает себе отчет в том, что для большинства людей на планете, особенно это касается жителей развитых стран, неприемлемо жертвовать чем-то очень большим даже для благой цели справедливости. Именно поэтому он предлагает «умеренную» версию своей теории, которая требует от людей направлять имеющиеся у них блага и другие ресурсы тем, кто находится в наиболее уязвимом положении. Правило, которое можно считать выражением умеренного подхода, можно взять у философа Ричарда В. Миллера: «...единственное, что должно удерживать нас от увеличения суммы пожертвований, – это значительное ухудшение нашей собственной жизни, и эту границу переходить уже не надо» (Miller 2004).

Философская критика эффективного альтруизма. Выше было отмечено, что сформировавшаяся во второй половине XX столетия утилитаристскую позицию Сингера можно считать радикальной *per se*, поскольку в это время утилитаризм подвергался повсеместной критике. Наиболее влиятельными этическими направлениями в этот период были деонтологический подход, (Джон Ролз, Роберт Нозик, Рональд Дворкин и др.), а также этика добродетелей (Элизабет Энском, Бернард Уильямса и др.). Кроме того, нужно указать, что в рамках самого утилитаризма уже долгое время существовали принципиальные разногласия, свидетельствовавшие о том, что данное направление находится в глубоком кризисе.

Ряд внутренних вопросов, которые пытались разрешить философы-утилитаристы, расколот утилитаристское сообщество на несколько движений: на «утилитаристов правил» и «утилитаристов действия», на сторонников различных трактовок полезности и т.д. Вследствие этого возник большой разброс мнений о том, какие идеалы лежат в основе самой концепции утилитаризма. В итоге даже стал использоваться специальный термин «консеквенциализм», который объединил в себе множество различных учений, ориентированных на результат. В качестве обобщающего единую комплексную теорию термин «утилитаризм» закрепился за «классическим утилитаризмом» XIX в.

Разнообразие утилитаристских движений привело к тому, что теоретические конструкции современных исследователей, считающих себя утилитаристами, зачастую зиждутся на совершенно разных идеалах и результатах. Как пишет Уилл Кимлика, «в то время как одни утилитаристы доказывают, что полезность максимизируется масштабным перераспределением богатств в силу уменьшающейся маргинальной полезности денег, другие защищают капитализм *laissez-faire*, потому что он создает больше богатства» (Кимлика 2010: 76). Джордж Шер указывает, что проблема современного утилитаризма заключается в том, что «ветры утилитаристской аргументации дуют в слишком многих направлениях» (Sher 1975: 159).

Большой разброс мнений зачастую становится причиной и другой значимой проблемы современного утилитаризма. Утилитаристские требования имеют тенденцию либо существенно снижаться, практически сводясь к провозглашению полезности «повседневной морали», либо солидаризироваться с другими «неутилитарными» теориями, подобно апелляции к принципу

laissez-faire. При таком подходе утилитаризм открыто не декларируется, а лишь утверждается утилитарная польза принципов, существующих в рамках других концепций. В результате, по словам Бернарда Уильямса, «этот вид утилитаризма опровергает сам себя – он выступает за собственное исчезновение» (цит. по: Кимлика 2010: 75). И дело не в том, что утилитаризм непоследователен, а в том, что он растворяется в других учениях.

Названные выше проблемы утилитаристской теории логично вели к тому, что против эффективного альтруизма во многом использовались критические аргументы, которые ранее были обращены к утилитаризму как таковому. Ниже мы рассмотрим два основных направления критики эффективного альтруизма: со стороны деонтологического подхода и со стороны этики добродетелей.

Критика со стороны деонтологического подхода. В вышедшей в 1971 г. работе Джона Ролза «Теория справедливости» отмечалось, что ключевой проблемой утилитаризма является акцент на конечном благе. Однако вследствие приоритета конечного блага могут быть попораны базовые (естественные) права человека, так как для утилитариста первостепенен конечный результат и зачастую его достижение связано с ущемлением прав индивида. С точки зрения деонтологического подхода, к представителям которого можно отнести самого Ролза, это недопустимо: «Предполагается, что каждый член общества обладает неприкосновенностью, которая основана на справедливости, или, как иногда говорят, на естественном праве, и которая не может быть попорана даже ценой всеобщего благоденствия» (Ролз 1995: 38). Это классический аргумент против утилитаристской программы со стороны «кантианских подходов».

Вместе с тем эффективный альтруизм нельзя обвинить в том, что для представителей данной традиции категория равенства и категория прав – основные для деонтологического подхода – не играют существенной роли. Характеризуя отношение эффективных альтруистов к ключевым деонтологическим ценностям, Сингер пишет: «Они склонны рассматривать такие ценности, как справедливость, свобода, равенство и знания, не как ценные сами по себе, а как ценные из-за их положительного влияния, оказываемого на социальное благополучие» (Singer 2015: 146). По сути, и для деонтологического подхода, и для эффективного альтруизма ценности важны, но для последнего ценность является *инструментальной*, из-за чего в ряде случаев могут возникать противоречия между подходами.

Проведем мысленный эксперимент. Предположим, что в отдаленную деревню прибывает группа врачей и волонтеров. Жители деревни испытывают крайнюю нужду, многие находятся на грани смерти. Часть жителей страдают инфекционными заболеваниями, которые можно вылечить. Снижения общей заболеваемости можно добиться путем вакцинации и других недорогих профилактических мер. Но в этой деревне есть люди, поддержание жизни которых в течение какого-то времени потребует больших ресурсов при очень малой вероятности выздоровления. Врачам и волонтерам необходимо решить, кому оказать помощь и как распределить ресурсы, поскольку они ограничены. С позиции эффективного альтруизма помощь

следует оказать тем, кто от нее получит наибольший результат. Но в данном эксперименте это потребует оставить без помощи тех, у кого слишком мало шансов на выздоровление.

Многим такое решение может показаться *несправедливым*. Похожим образом размышлял Ролз, когда в противовес утилитаризму разрабатывал свою теорию справедливости как честности. Равное отношение к людям, по мысли Ролза, должно предусматривать возможность компенсации незаслуженных неравенств. Поэтому те, кто вынужденно находятся в наиболее сложном положении, могут претендовать на большую долю при распределении ресурсов.

Рассмотрев конфликт между двумя этическими подходами, связанный с проблемой равенства, на примере следующего эксперимента мы обратимся к проблеме базовых прав. Ясон Габриэль описывает эксперимент, названный им «Потогонка»: «Представьте, что в стране, в которой вы живете и работаете, в последние годы наблюдается стремительный рост опасного и плохо регулируемого производства. Этот процесс привел к тому, что большое количество людей смогло выбраться из нищеты, но также он привел и к росту производственного травматизма. К вам обращаются ряд НКО, которые проводят кампанию за улучшение условий труда. Есть основания полагать, что при вашей финансовой поддержке они смогут добиться от правительства изменения законодательства в области охраны труда. Данные законы будут регулировать всю отрасль, но в тоже время снизят возможности для трудоустройства в стране в целом» (Gabriel 2016: 5).

Габриэль задается вопросом, как в данной ситуации поступят представители деонтологического подхода и представители эффективного альтруизма. Для последних вероятно решение не вмешиваться в описанный выше процесс. Эффективность данного вмешательства неочевидна, а может быть и отрицательной. В тоже время решение представителей деонтологического подхода, для которых вопрос соблюдения прав индивидов первостепенен, будет однозначным: трудовые права необходимо защитить. В подтверждение можно привести слова Роберта Нозика: «Жесткие ограничения, накладываемые на действия, отражают основной кантианский принцип: человек – это цель, а не просто средство; людьми нельзя жертвовать или использовать для достижения каких-либо целей без их согласия. Индивид неприкосновенен» (Нозик 2016: 54). Отмеченный «кантианский принцип» является фундаментом современных деонтологических теорий справедливости, права. По мнению Рональда Дворкина, он выполняет функцию «козырей» (*англ.* trumps), способных предоставить защиту любому человеку в сложной ситуации вне зависимости от обстоятельств (Dworkin 1984).

Однако позиция *приоритета прав* не столь однозначна, как хотели бы показать сторонники деонтологического подхода. Критикуя эффективный альтруизм за недостаточное внимание к таким категориям, как базовые права, сами представители деонтологического подхода оказываются в патовой ситуации неразрешимого спора. Четкого определения таких прав, нет, по мнению основателя утилитаризма Иеремии Бентама, это и вовсе «химера воображения» (см.: Исаков 2020: 39). Между представителями

деонтологической школы постоянно велись и ведутся споры о том, какие права считать существующими и требующими защиты и приоритет каких прав следует признать. Конфликт между концепциями так называемых негативных и позитивных прав длился почти весь XX в., но так и не нашел своего разрешения. Возрождение утилитаризма в виде концепции эффективного альтруизма на рубеже XX–XXI вв. произошло в ответ на ту безвыходную ситуацию, в которой оказались деонтологические теории.

Может ли эффективный альтруизм предложить что-то более приемлемой, чем деонтологический подход, находящийся в кризисе неразрешимых противоречий? Преимущества эффективного альтруизма в отсутствии амбиций к решению проблемы с универсальных этических позиций. Утилитаристы так и не смогли сформулировать единую теорию, устойчивую к критике. Эффективные альтруисты и не берутся за эту задачу. В настоящее время ни у эффективного альтруизма, ни у других этических направлений нет однозначного универсального ответа – теории, которая могла бы занять доминирующее положение в мировой науке. Плюрализм мнений – одна из ключевых особенностей современного этапа в этической теории. Английский философ Томас Скэнлон считает вопрос прав неразрешимым, поскольку он непосредственно связан с так называемым вопросом конкуренции этических оснований, которые не подлежат сведению к единой концепции (см.: Scanlon 1998; см. об этом: Сен 2016: 49–52; Балашов 2019: 26–27).

По вышеизложенным причинам представители эффективного альтруизма всячески стараются избежать необходимости ответа на очевидно неразрешимые или трудноразрешимые вопросы, тем более что существует множество других вопросов, требующих решения и споров по поводу которых нет. Ранее отмечалось, что практическая ориентированность и нацеленность на результат являются отличительными чертами эффективного альтруизма. К примеру, одним из основных направлений деятельности организаций, принадлежащих к движению эффективного альтруизма, выступает предотвращение младенческой смертности путем распространения противомаларийных сеток, вакцинации и базовой очистки воды, то есть за счет устранения основных причин данной проблемы. В способствовании практическому решению проблемы младенческой смертности сложно усмотреть ущемление чьих-либо прав, если намеренно не брать во внимание редкие критические ситуации.

Кроме того, эффективный альтруизм достаточно легко идет на компромиссы, когда от этого зависят эффективность и достижение результата. Как было указано, ключевые ценности *равенство* и *права* для эффективных альтруистов не обладают ценностью *per se*, а являются для них инструментальными. Отсюда и возможность искать компромисс в диалоге с представителями других этических подходов. Даже для ключевых деонтологических теорий, и прежде всего для концепции Ролза, такой компромисс возможен благодаря процедуре «перекрывающегося консенсуса». Идею данного «инструмента» Ролз активно развивал в позднейшей версии своей теории справедливости – «политическом либерализме» (см.: Rawls 1996; см. также: Rawls 1987: 6, 24). Ролз утверждал: «Основанные на идее автономии индиви-

дуальные права взывают к идеалам и ценностям, не всеми... разделяемым в демократическом обществе, и поэтому она (такая концепция. – Д. Б.) не может обеспечить достаточного согласия. Основывать либерализм на спорной ценности вроде автономии означало бы, что либерализм становится всего лишь еще одной сектантской доктриной» (Rawls 1985: 246). Приведенные положения поздних работ Ролза демонстрируют, что и в рамках деонтологического подхода существует стремление к компромиссам, хотя, в целом, этому этическому направлению такое и не свойственно. Заведомо постулируемая готовность к компромиссам в конкретных ситуациях ставит эффективный альтруизм в выигрышное положение по сравнению с различными вариациями деонтологических подходов или, по крайней мере, делает его гораздо более устойчивым к критике с этих позиций.

Критика со стороны этики добродетелей. Английский философ Элис Крапи писала об утилитаризме: «Мыслители, принадлежащие к этой традиции часто просто считают само собой разумеющимся, что любые подлинные, объективные свойства мира доступны абстрактно. Знакомство с историей данной традиции показывает, что такая позиция по меньшей мере сомнительна. В оксфордской философии XX века велись серьезные дебаты о том, являются ли субъективные склонности внутренне присущими нашей способности приводить мир в состояние познаваемости. Среди наиболее активных участников этих дискуссий были члены группы женщин-философов из Оксфорда во время и после Второй мировой войны (включая Г.Э.М. Энском, Филиппу Фут и Айрис Мердок), которые дистанцировались от идеи, что субъективные склонности неизменно имеют тенденцию блокировать правильный взгляд на вещи» (Cragy 2021). Отмеченные философы находились у истоков одной из самых влиятельных на сегодняшний день концепций в научном сообществе – этики добродетелей, которая противопоставляет себя как утилитаризму, так и деонтологическому подходу.

Во второй половине XX в. (когда эффективного альтруизма как такового еще не было) критика утилитаризма со стороны представителей этики добродетелей осуществлялась повсеместно. В этом отношении в первую очередь нужно выделить английского философа Бернарда Уильямса, в 1973 г. опубликовавшего ставшую известной работу «Утилитаризм: за и против» (Williams 1973). На протяжении нескольких последующих десятилетий Уильямс пишет работы, частично или полностью посвященные критике этических оснований утилитаризма (Williams 1981; Williams 1985). Уильямс отмечает, что утилитаристские попытки взглянуть на жизнь человека с «архимедовой точки зрения» приводят к тому, что люди должны абстрагироваться даже от самых ценных отношений и практик, то есть утилитаризм начинает представлять угрозу для нас самих (см.: Williams 1973). «Согласно Уильямсу, идентичность каждого из нас складывается из тех смыслов, которые вкладываем мы сами в действия, выполняемые в рамках означенной сферы. Его главная претензия в адрес утилитаризма состоит в том, что “этика пользы” представляет людей чем-то вроде “прислужников” объективного мира, лишает наш собственный мир того “переплетения личных ответственностей”, которое только и делает жизнь человека осмысленной» (Мюрберг 2010: 104).

С похожих позиций выступают и многие критики эффективного альтруизма в наши дни. К примеру, английский философ Амия Шринивасан отмечает: «Вы должны остаться и утешать своего друга не потому, что вы уже выполнили свою норму благодеяний (do-gooding), а потому, что это ваш друг и он попал в беду. Это также причина, по которой вы не должны иметь дело с низкокачественными ипотечными кредитами или зарабатывать деньги на эксплуатации труда, даже если хорошие последствия перевесят плохие: это ваша жизнь, и с моральной точки зрения важно, что вы с ней делаете...» (Srinivasan 2015). Солидаризируясь с ней, другой представитель современной английской философии Джон Грей утверждает: «Для многих из нас мир, в котором наши собственные проекты и привязанности ценятся лишь постольку, поскольку они позволяют нам максимизировать общее благо... вряд ли стоил бы жизни в нем» (Gray 2015).

Сторонники морального интуитивизма критикуют эффективный альтруизм за то, что он *чрезмерно требовательный* (англ. *overdemanding*), что противоречит существующей общечеловеческой морали. По их мнению, такие чрезмерные моральные требования, с одной стороны, не дадут практического результата, так как моральные интуиции окажутся сильнее, с другой стороны, чрезмерные моральные обязательства имеют потенциал вторгнуться в частную жизнь каждого, разрушая то, что конкретный человек привык ценить, и его представления о себе как о моральном субъекте.

Критика с позиции этики добродетелей имеет свои сильные и слабые стороны. К сильным сторонам следует отнести обоснованный аргумент о том, что личные проекты и индивидуальный моральный выбор имеют, вероятно, решающее значение при принятии моральных решений. Однако как далеко могут зайти наши личные предпочтения, когда мы говорим о моральных поступках? Отказ от принятия *универсального* в морали невозможен, иначе наше общество просто не могло бы существовать.

Философ Джефф Макмахан приводит следующие доводы в защиту универсальных моральных требований эффективного альтруизма: «То, что я являюсь собой и имею собственную жизнь, может освободить меня от моральной причины, по которой мне в противном случае пришлось бы спасти какую-то женщину, не связанного со мной (даже если она имеет свою собственную жизнь), и, кажется, ведет к тому, что те же самые факты также должны освободить меня от моральной причины, по которой я не должен убивать эту женщину, если ее убийство было так же важно для меня или моих личных проектов, как и нежелание ее спасти» (McMahan 2016: 94).

Эффективные альтруисты отвечают на критику со стороны этики добродетелей следующим образом. Во-первых, таким ответом может служить двухуровневый моральный подход Сингера, который изначально понимал всю радикальность предложенной им этической модели, основанной на предельной полезности морального поступка. Собственно, никакого радикализма от подавляющего большинства людей эффективный альтруизм не требует. Обычным людям предлагается начать с малого, не меняя коренным образом качество своей жизни. Максималистское требование Сингера не является обязательным – это некий путеводный маяк, идеал. Такой под-

ход не должен существенным образом повлиять на жизнь тех, *кто оказывает помощь*, но при этом он существенно повлияет на тех, *кто ее получает*. По сути, полемика между эффективным альтруизмом и этикой добродетелей остается сугубо академической.

Во-вторых, по мнению эффективных альтруистов, универсализм этических правил нельзя полностью отрицать, и с этим согласится большинство за исключением радикальных моральных релятивистов. Общим также является понимание того, что моральный прогресс возможен. Чрезмерная требовательность и покушение на индивидуальную мораль, в которых обвиняют эффективный альтруизм, могут стать шагом к моральному прогрессу человечества. Если заглянуть в историю, то можно обнаружить целый ряд таких эволюционных переходов, достаточно сказать о проблеме рабства и равноправия женщин. С позиции сегодняшнего дня недопустимость рабства или отказа женщинам в правах кажутся естественными и неоспоримыми, в то время как нашим предкам такие моральные требования могли бы показаться чрезмерными или вторгающимися в чьи-то частные проекты.

Заключение. В 1997 г. Марта Нуссбаум, один из наиболее влиятельных философов современности, написала для издания *London Review of Books* рецензию «Если бы *Oxfam*¹ управляла миром» (Nussbaum 1997) на недавно вышедшую книгу Питера Унгерера «Жить высоко и позволить умереть: наша иллюзия невиновности», которую мы ранее упоминали в настоящем тексте. Работу Унгерера можно назвать ярким примером эффективного альтруизма, хотя сам термин «эффективный альтруизм» еще не был известен.

В своей резко критической рецензии Нуссбаум, воспользовавшись методом *ad absurdum*, максимально развивает логику действий, отстаиваемую Унгерером. Она рисует читателю специфическую антиутопию: далекий от идеала мир, который возникнет в случае, если каждый человек откликнется на призыв Унгерера стать эффективным альтруистом.

Во-первых, такие организации, как *Oxfam* и ЮНИСЕФ, внезапно становятся невероятно богатыми. Именно эти организации Унгерер приводит как хороший пример выбранной цели и эффективности (борьба с детской смертностью/болезнями). Во-вторых, большинство других благотворительных организаций, а также религиозные организации и университеты внезапно теряют все свои доходы. Именно эти получатели средств от доноров называются Унгерером неэффективными, а главное, сосредоточенными совсем не на первостепенных целях. В-третьих, правительства различных стран вдруг оказываются слабее, чем отдельная организация вроде *Oxfam*, которая приобретает огромное количество денежных средств и других ресурсов по всему миру. Нуссбаум утверждает, что хотя государства несовершенны, но только они имеют возможность управлять масштабными проектами во всех сферах жизни общества. В случае же реализации проекта Унгерера такие функции

¹ Международная благотворительная организация, работающая более чем в 90 странах. Целью ее деятельности является решение проблем бедности, неравенства и связанной с ними несправедливости во всем мире.

лягут на плечи *Oxfam* или другой аналогичной организации, изначально к этому не готовой. В-четвертых, какими бы компетентными ни были сотрудники *Oxfam* и какими бы неэффективными и коррумпированными ни были правительства развивающихся стран, управление мировыми процессами посредством *Oxfam* – это власть экспертов, которая не имеет никакого отношения к демократии. «Правительство Индии неэффективно, плохо финансируется и подвержено коррупции. Но Индия – демократическая страна, и ее правительственные чиновники подотчетны своему народу. Мягко говоря, неясно, станет ли лучше, если Индией будут управлять в основном иностранные чиновники из *Oxfam*. Решение Унгера, несомненно, настолько ослабило бы права и прерогативы гражданства, что большинство из нас жили бы в мире без реальной свободы», – пишет Нуссбаум (Nussbaum 1997).

Подобной логикой выстраивания аргументации пользуются и другие критики концепции эффективного альтруизма. Представители деонтологического подхода на примере радикальных экспериментов вроде классической проблемы вагонетки стараются продемонстрировать, что утилитаристская этическая основа эффективного альтруизма не выдерживает критики. Сторонники этики добродетелей утверждают, что вторжение внешней по отношению к индивиду этической обязывающей программы в корне изменит жизнь человека и имеет потенциал уничтожить все то ценное, что в ней есть. Нуссбаум же говорит о том, что, взяв на вооружение программу эффективного альтруизма и максимально ее реализовав, мы получим антиутопию, в которой никому из нас не хотелось бы оказаться.

Хотя приведенная выше критика эффективного альтруизма имеет под собой некоторые основания, она не достигает своих целей. Идеологи эффективного альтруизма с момента его формирования как философского и практического проекта прекрасно осознавали возможность такой критики и, чтобы ее избежать, никогда не ставили перед эффективным альтруизмом радикально-утопических задач. Предъявляя обществу требования, эффективный альтруизм призывает людей лишь немного скорректировать свою жизнь, ничего в ней не меняя. Трудноразрешимые моральные дилеммы, которые могут возникнуть в нашей жизни, теряются в бесчисленном множестве случаев несправедливости, где дилеммы отсутствуют, а ответ на вопрос, помогать или нет, однозначен.

Показателен ответ Унгера на рецензию Нуссбаум: «Предписание, которое она (Нуссбаум. – Д. Б.) цитирует, было адресовано совести отдельного читателя в мире как он есть – мире, в котором правительства делают очень мало для спасения умирающих детей в бедных регионах и в котором такие организации, как *Oxfam America*, *US for Unicef* и *Care*, все вместе получают меньше денег от частных пожертвований, чем один Гарвардский университет. Предписание, конечно, было обусловлено вполне реалистичным предположением, что даже если моя книга окажет максимально возможный эффект, такое положение дел сохранится: в обозримом будущем не произойдет никаких радикальных институциональных изменений, а большинство состоятельных людей будут продолжать жертвовать или почти ничего, или совсем ничего» (Unger 1997).

В завершение необходимо отметить, что критика эффективного альтруизма осуществляется не только на философском уровне. Широкое практическое применение положений данной концепции влечет за собой и критику гораздо более прикладного типа. Ее примером могут служить и так называемая институциональная критика эффективного альтруизма, и многочисленные прикладные исследования, в которых ставится вопрос: а так ли эффективен эффективный альтруизм? Объем и цели настоящего исследования не позволяют охватить все эти аспекты. Тем не менее следует подчеркнуть, что эффективный альтруизм сегодня является одной из самых современных, хорошо проработанных и влиятельных междисциплинарных концепций и поэтому, безусловно, требует дальнейшего изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Балашов Д.В. 2019. Идея справедливости Амартии Сена // *Полития*. № 4. С. 25-38. DOI 10.30570/2078-5089-2019-95-4-25-38.
- Блауг М. 2008. 100 великих экономистов до Кейнса. Москва ; Санкт-Петербург : Омега-Л : Экономика. 346 с. (Б-ка «Экон. шк.» ; вып. 42).
- Васильев В.В. и др. (ред.) 2014. История философии: От философии Древнего Востока до философии XXI века / под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова, Д.В. Бугая. Москва : ЛЕНАНД. 870 с.
- Исаков В.Б. (ред.) 2020. Теория государства и права / под ред. В.Б. Исакова. Москва : Норма : ИНФРА-М. 656 с.
- Канеман Д. 2019. Думай медленно... Решай быстро / [пер. с англ. А. Андреева и др.]. Москва : АСТ. 653 с. (№ 1 в рейтинге Amazon.com).
- Канеман Д., Словик П., Тверски А. 2005. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / под ред. Г.В. Суходольского. Харьков : Изд-во Ин-та прикладной психологии «Гуманит. Центр». 632 с.
- Кимлика У. 2010. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева. Москва : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 588 с. (Полит. теория).
- Мюрберг И.И. 2010. Бернард Уильямс: преобразование этики в политическую философию свободы // *История философии*. № 15. С. 102-110.
- Нозик Р. 2016. Анархия, государство и утопия. Москва ; Челябинск : Ирисэн : Социум. 424 с.
- Ролз Дж. 1995. Теория справедливости / науч. ред. В.В. Целищев. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та. 532 с.
- Сен А. 2016. Идея справедливости / пер. с англ. Д. Кралечкина. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. 518 с.
- Сингер П. 2018. Жизнь, которую вы можете спасти : как покончить с бедностью во всем мире / пер. с англ. Т. Эйдельман. Москва : АНО Портал «Такие дела». 224 с.
- Сингер П. 2019. О вещах действительно важных : моральные вызовы двадцать первого века / [пер. с англ. Е. Фотьяновой]. Москва : Синдбад. 400 с.
- Сингер П. 2021. Освобождение животных: Библия защитников животных. Москва : Синдбад. 448 с.
- Crary A. 2021. Against Effective Altruism // *Radical Philosophy*. № 2.10. Series 2 / Summer. P. 33-43. URL: <https://www.radicalphilosophy.com/article/against-effective-altruism> (дата обращения: 12.07.2022).
- Duflo E. 2010. Social Experiments to Fight Poverty [videorecording] // TED Talk. February 2010. URL: https://www.ted.com/talks/esther_duflo_social_experiments_to_fight_poverty (дата обращения: 12.07.2022).

- Dworkin R. 1984. Rights as Trumps // *Theories of Rights* / Ed. by J. Waldron. Oxford : Oxford Univ. Press. P. 153-167.
- Epstein S. 1994. Integration of the Cognitive and the Psychodynamic Unconscious // *American Psychologist*. Vol. 49, iss. 8. P. 409-424.
- Foster S. 2003. Alcohol Consumption and Expenditures for Underage Drinking and Adult Excessive Drinking // *Journal of the American Medical Association*. Vol. 289, iss. 8. P. 989-995. DOI 10.1001/jama.289.8.989.
- Gabriel I. 2016. Effective Altruism and its Critics // *Journal of Applied Philosophy*. Vol. 33, iss. 3. P. 1-17. DOI 10.1111/japp.12176.
- Gray J. 2015. How & How Not to Be Good, 21.05.2015 // *The New York Review of Books*. URL: <https://www.nybooks.com/articles/2015/05/21/how-and-how-not-to-be-good/> (дата обращения: 12.07.2022).
- Grimes W. 2017. Derek Parfit, Philosopher Who Explored Identity and Moral Choice, Dies at 74 // *The New York Times*. Jan. 4. URL: <https://www.nytimes.com/2017/01/04/world/derek-parfit-philosopher-who-explored-identity-and-moral-choice-dies-at-74.html> (дата обращения: 12.07.2022).
- Hare R.M. 1981. *Moral Thinking: Its Levels, Method and Point*. Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford Univ. Press. VIII, 242 p.
- Kogut T., Ritov I. 2005a. The Identified Victim Effect: An Identified Group, or Just a Single Individual? // *Journal of Behavioral Decision Making*. Vol. 18, iss. 3. P. 157-167.
- Kogut T., Ritov I. 2005b. The Singularity Effect of Identified Victims in Separate and Joint Evaluations // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 97, iss. 2. P. 106-116. DOI 10.1016/j.obhdp.2005.02.003.
- McKie J., Richardson J. 2003. The Rule of Rescue // *Social Science and Medicine*. Vol. 56, iss. 12. P. 2407-2419. DOI 10.1016/s0277-9536(02)00244-7.
- McMahan J. 2016. Philosophical Critiques of Effective Altruism // *The Philosophers' Magazine*. № 73. P. 92-99. DOI 10.5840/tpm20167379.
- Miller R.W. 2004. Beneficence, Duty and Distance // *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 32, iss. 4. P. 357-383. DOI 10.1111/j.1088-4963.2004.00018.x.
- Nowak M. et al. 2000. Fairness Versus Reason in the Ultimatum Game / M. Nowak, K. Page, K. Sigmund // *Science*. № 289. P. 1773-1775. DOI 10.1126/SCIENCE.289.5485.1773.
- Nussbaum M. 1997. If Oxfam Ran the World // *London Review of Books*. Vol. 19, № 17, September 4. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v19/n17/martha-nussbaum/if-oxfam-ran-the-world> (дата обращения: 12.07.2022).
- Rawls J. 1985. Justice and fairness: Political not metaphysical // *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 14, iss. 3. P. 223-251.
- Rawls J. 1987. The Idea of an Overlapping Consensus // *Oxford Journal of Legal Studies*. Vol. 7, № 1. P. 1-25.
- Rawls J. 1996. *Political Liberalism*. New York : Columbia Univ. Press. LXII, 464 p.
- Sachs J.D. 2005. *The End of Poverty : Economic Possibilities for Our Time*. New York : The Penguin Press. XVIII, 398 p.
- Scanlon T. 1998. *What We Owe to Each Other*. Cambridge, Mass. : The Belknap Press of Harvard Univ. Press. 420 p.
- Sher G. 1975. Justifying Reverse Discrimination in Employment // *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 4, № 2. P. 159-170.
- Sidgwick H. 1962. *The Methods of Ethics*. Chicago : Chicago Univ. Press. 503 p.
- Singer P. 1972. Famine, Affluence and Morality // *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 1, № 3. P. 229-243.
- Singer P. 1993. *Practical Ethics*. 2nd ed. Cambridge ; New York : Cambridge Univ. Press. 395 p.
- Singer P. 2002. *One World : The Ethics of Globalization*. New Haven : Yale Univ. Press. 272 p.

- Singer P. 2015. *The Most Good You Can Do : How Effective Altruism is Changing Ideas about Living Ethically*. New Haven : Yale Univ. Press. XIII, 211 p.
- Singer P. 2016. *Famine, Affluence and Morality*. Oxford : Oxford Univ. Press. 120 p.
- Srinivasan A. 2015. *Stop the Robot Apocalypse : the New Utilitarians* // London Review of Books. Vol. 37, № 18. P. 3-6. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v37/n18/amia-srinivasan/stop-the-robot-apocalypse> (дата обращения: 12.07.2022).
- Tversky A. 2004. *Preference, belief, and similarity: Selected writings / Massachusetts Institute of Technology*; ed. by Eldar Shafir. Cambridge, Mass. ; London : A Bradford Book : The MIT Press. 1032 p.
- Unger P. 1996. *Living High and Letting Die: Our Illusion of Innocence*. New York : Oxford Univ. Press. 200 p.
- Unger P. 1997. [Unger's answer M. Nussbaum for a book review] // London Review of Books. Vol. 19, № 19, October 02. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v19/n17/marthanussbaum/if-oxfam-ran-the-world> (дата обращения: 12.07.2022).
- Västfjäll D. et al. 2014. *Compassion fade: Affect and charity are greatest for a single child in need / Daniel Västfjäll, Paul Slovic, Marcus Mayorga, Ellen Peters* // PloS One. Vol. 9, iss. 6. e100115. 10 p. DOI 10.1371/journal.pone.0100115.
- Williams B. 1973. *Critique of Utilitarianism* // Smart J.J.C., Williams B. *Utilitarianism: For and Against*. Cambridge : Cambridge Univ. Press. P. 77-150.
- Williams B. 1981. *Utilitarianism and Moral Self-Indulgence* // *Moral Luck: Philosophical Papers 1973–1980*. Cambridge : Cambridge Univ. Press. P. 40-53.
- Williams B. 1985. *Ethics and the Limits of Philosophy*. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press. 230 p.
- Yew-Kwang Ng. 2000. *Efficiency, Equality and Public Policy. With a Case for Higher Public Spending*. London : Macmillan Press Ltd. 189 p.

References

- Balashov D.V. Amartya Sen's idea of justice, *Politeia*, 2019, no. 4, pp. 25-38. DOI 10.30570/2078-5089-2019-95-4-25-38 (in Russ.).
- Blaug M. *Great Economists before Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past*, Moscow, St. Petersburg, Omega-L, Ekonomikus, 2008, 346 p. (in Russ.).
- Crary A. Against Effective Altruism, *Radical Philosophy*, 2021, no. 2.10, Series 2, Summer, pp. 33-43, available at: <https://www.radicalphilosophy.com/article/against-effective-altruism> (accessed July 12, 2022).
- Duflo E. Social Experiments to Fight Poverty [videorecording], *TED Talk*, February, 2010, available at: https://www.ted.com/talks/esther_duflo_social_experiments_to_fight_poverty (accessed July 12, 2022).
- Dworkin R. Rights as Trumps, *J. Waldron (ed.) Theories of Rights*, Oxford, Oxford Univ. Press, 1984, pp. 153-167.
- Epstein S. Integration of the Cognitive and the Psychodynamic Unconscious, *American Psychologist*, 1994, vol. 49, iss. 8, pp. 409-424.
- Foster S. Alcohol Consumption and Expenditures for Underage Drinking and Adult Excessive Drinking, *Journal of the American Medical Association*, 2003, vol. 289, iss. 8, pp. 989-995. DOI 10.1001/jama.289.8.989.
- Gabriel I. Effective Altruism and its Critics, *Journal of Applied Philosophy*, 2016, vol. 33, iss. 3, pp. 1-17. DOI 10.1111/japp.12176.
- Gray J. How & How Not to Be Good, 21.05.2015, *The New York Review of Books*, 2015, available at: <https://www.nybooks.com/articles/2015/05/21/how-and-how-not-to-be-good/> (accessed July 12, 2022).
- Grimes W. Derek Parfit, Philosopher Who Explored Identity and Moral Choice, Dies at 74, *The New York Times*, 2017, Jan. 4, available at: <https://www.nytimes.com/2017/01/04/>

world/derek-parfit-philosopher-who-explored-identity-and-moral-choice-dies-at-74.html (accessed July 12, 2022).

Hare R.M. *Moral Thinking: Its Levels, Method and Point*, Oxford, Clarendon Press, New York, Oxford Univ. Press, 1981, viii, 242 p.

Isakov V.B. (ed.) *Theory of State and law*, Moscow, Norma, Infra-M, 2020, 656 p. (in Russ.).

Kahneman D. *Thinking, fast and slow*, Moscow, AST, 2019, 653 p. (in Russ.).

Kahneman D., Slavic P., Tversky A. (eds.) *Judgment Under Uncertainty: Heuristics and biases*, Kharkov, Izdatel'stvo Instituta prikladnoy psikhologii «Gumanitarnyy Tsentr», 2005, 632 p. (in Russ.).

Kogut T., Ritov I. The Identified Victim Effect: An Identified Group, or Just a Single Individual? *Journal of Behavioral Decision Making*, 2005, vol. 18, iss. 3, pp. 157-167.

Kogut T., Ritov I. The Singularity Effect of Identified Victims in Separate and Joint Evaluations, *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2005, vol. 97, iss. 2, pp. 106-116. DOI 10.1016/j.obhdp.2005.02.003.

Kymlicka W. *Contemporary Political Philosophy. An Introduction*, Moscow, Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshey shkoly ekonomiki, 2010, 588 p. (in Russ.).

McKie J., Richardson J. The Rule of Rescue, *Social Science and Medicine*, 2003, vol. 56, iss. 12, pp. 2407-2419. DOI 10.1016/s0277-9536(02)00244-7.

McMahan J. Philosophical Critiques of Effective Altruism, *The Philosophers' Magazine*, 2016, no. 73, pp. 92-99. DOI 10.5840/tpm20167379.

Miller R.W. Beneficence, Duty and Distance, *Philosophy and Public Affairs*, 2004, vol. 32, iss. 4, pp. 357-383. DOI 10.1111/j.1088-4963.2004.00018.x.

Myrberg I.I. Bernard Williams: Transforming Ethics into a Political philosophy of Freedom, *History of Philosophy*, 2010, no. 15, pp. 102-110. (in Russ.).

Nowak M., Page K., Sigmund K. Fairness Versus Reason in the Ultimatum Game, *Science*, 2000, no. 289, pp. 1773-1775. DOI 10.1126/SCIENCE.289.5485.1773.

Nozick R. *Anarchy, State and Utopia*, Moscow, Chelyabinsk, Irisen, Sotsium, 2016, 424 p. (in Russ.).

Nussbaum M. If Oxfam Ran the World, *London Review of Books*, 1997, vol. 19, no. 17, September 4, available at: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v19/n17/martha-nussbaum/if-oxfam-ran-the-world> (accessed July 12, 2022).

Rawls J. *A Theory of Justice*, Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1995, 532 p. (in Russ.).

Rawls J. Justice and fairness: Political not metaphysical, *Philosophy and Public Affairs*, 1985, vol. 14, iss. 3, pp. 223-251.

Rawls J. *Political Liberalism*, New York, Columbia Univ. Press, 1996, lxii, 464 p.

Rawls J. The Idea of an Overlapping Consensus, *Oxford Journal of Legal Studies*, 1987, vol. 7, no. 1, pp. 1-25.

Sachs J.D. *The End of Poverty : Economic Possibilities for Our Time*, New York, The Penguin Press, 2005, xviii, 398 p.

Scanlon T. *What We Owe to Each Other*, Cambridge, Mass., The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1998, 420 p.

Sen A. *The Idea of Justice*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2016, 518 p. (in Russ.).

Sher G. Justifying Reverse Discrimination in Employment, *Philosophy and Public Affairs*, 1975, vol. 4, no. 2, pp. 159-170.

Sidgwick H. *The Methods of Ethics*, Chicago, Chicago Univ. Press, 1962, 503 p.

Singer P. *Animal Liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals*, Moscow, Sindbad, 2021, 448 p. (in Russ.).

Singer P. *Ethics in the real world*, Moscow, Sindbad, 2019, 400 p. (in Russ.).

- Singer P. *Famine, Affluence and Morality*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2016, 120 p.
- Singer P. *Famine, Affluence and Morality*, *Philosophy and Public Affairs*, 1972, vol. 1, no. 3, pp. 229-243.
- Singer P. *One World : The Ethics of Globalization*, New Haven, Yale Univ. Press, 2002, 272 p.
- Singer P. *Practical Ethics*, 2nd ed., Cambridge, New York, Cambridge Univ. Press, 1993, 395 p.
- Singer P. *The Life You Can Save: Acting Now to end World Poverty*, Moscow, ANO Portal «Takie dela», 2018, 224 p. (in Russ.).
- Singer P. *The Most Good You Can Do : How Effective Altruism is Changing Ideas about Living Ethically*, New Haven, Yale Univ. Press, 2015, xiii, 211 p.
- Srinivasan A. Stop the Robot Apocalypse : the New Utilitarians, *London Review of Books*, 2015, vol. 37, no. 18, pp. 3-6, available at: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v37/n18/amia-srinivasan/stop-the-robot-apocalypse> (accessed July 12, 2022).
- Tversky A. *Preference, belief, and similarity: Selected writings*, Cambridge, Mass., London, A Bradford Book, The MIT Press, 2004, 1032 p.
- Unger P. [Unger's answer M. Nussbaum for a book review], *London Review of Books*, 1997, vol. 19, no. 19, October 02, available at: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v19/n17/martha-nussbaum/if-oxfam-ran-the-world> (accessed July 12, 2022).
- Unger P. *Living High and Letting Die: Our Illusion of Innocence*, New York, Oxford Univ. Press, 1996, 200 p.
- Vasiliev V.V., Krotov A.A., Bugay D.V. (eds.) *The History of Philosophy: From the Philosophy of the Ancient East to the philosophy of the XXI century*, Moscow, Lenand, 2014, 870 p. (in Russ.).
- Västfjäll D., Slovic P., Mayorga M., Peters E. Compassion fade: Affect and charity are greatest for a single child in need, *PloS One*, 2014, vol. 9, iss. 6, e100115, 10 p. DOI 10.1371/journal.pone.0100115.
- Williams B. Critique of Utilitarianism, *Smart J.J.C., Williams B. Utilitarianism: For and Against*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1973, pp. 77-150.
- Williams B. *Ethics and the Limits of Philosophy*, Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1985, 230 p.
- Williams B. *Utilitarianism and Moral Self-Indulgence, Moral Luck: Philosophical Papers 1973–1980*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1981, pp. 40-53.
- Yew-Kwang Ng. *Efficiency, Equality and Public Policy. With a Case for Higher Public Spending*, London, Macmillan Press Ltd., 2000, 189 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Викторович Балашов

кандидат юридических наук, старший преподаватель Департамента теории права и сравнительного правоведения Факультета права НИУ ВШЭ, Стажер-исследователь Центра фундаментальных исследований Лаборатории комплексных междисциплинарных проектов НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия;
Google Scholar: https://scholar.google.ru/citations?view_op=list_works&hl=ru&user=umtlUccAAAAJ;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9427-2039>;
ResearcherID: Y-5714-2018;
SPIN-код: 7711-2803;
E-mail: dbalashov@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Balashov

Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer, School of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics", Intern Researcher at the Center for Fundamental Research of the Laboratory of Complex Interdisciplinary Projects by National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia;
Google Scholar: https://scholar.google.ru/citations?view_op=list_works&hl=ru&user=umtlUccAAAAJ;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9427-2039>;
ResearcherID: Y-5714-2018;
SPIN-code: 7711-2803;
E-mail: dbalashov@hse.ru

Ярцев Р.А. Научное познание: эпистемология добродетелей vs рациональный скептицизм. DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_32 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 32–52.

УДК 165.0

DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_32

Научное познание: эпистемология добродетелей vs рациональный скептицизм

Рустэм Альбертович Ярцев

Уфимский университет науки и технологий (УУНиТ)

г. Уфа, Россия

E-mail: rust-66@yandex.ru

*Поступила в редакцию 05.09.2022, поступила после рецензирования 25.11.2022,
принята к публикации 26.12.2022*

Статья посвящена критическому анализу эпистемологии добродетелей как относительно нового философского направления, интерес к которому заметно возрастает. Данный анализ базируется на авторской концепции рационального скептицизма, предлагающей обоснование научного познания. В ходе решения поставленной задачи выясняется, что концепции эпистемологии добродетелей не поддерживают разделение познания на когнитивные практики и не указывают, к какой из них должен относиться тот хороший когнитивный характер, который данное направление стремится установить. Сравнение же требований этих концепций с когнитивными нормами науки выявляет нарушение таких ее принципов, как веритизм, эвиденциализм, интернализм, скептицизм и деонтологическое нормирование. При этом стандарты аретического подхода, развиваемого эпистемологией добродетелей, оказываются недостаточными для реализации научных норм, вырождаясь в тривиальную идею о том, что когнитивный успех познания обуславливается применением интеллектуальных добродетелей субъекта и является его заслугой. Применительно к науке опровергается решение проблемы ценности знания, предлагаемое эпистемологией добродетелей: показывается, что знаменитая аналогия познания с кофемашиной здесь некорректна и научная истина ни в коей мере не «поглощает» (swamp) своего обоснования. Кроме того, раскрывается, что решение проблемы Геттиера, основанное на интересубъективном определении знания, достается сторонникам аретического подхода неприемлемо высокой ценой превращения их когнитивных концепций в пустой формализм. В качестве альтернативы обсуждаются решения указанных проблем, поддерживаемые рациональным скептицизмом, которые свободны от выявленных недостатков: так, ценность научному знанию придает его обоснованность, а проблема Геттиера не возникает, если считать это знание

© Ярцев Р.А., 2022

допускающим пересмотр знанием конкретного субъекта. Основным выводом статьи является опровержение того «ценностного поворота» в познании, на необходимости которого настаивает эпистемология добродетелей.

Ключевые слова: эпистемология добродетелей, рациональный скептицизм, знание, истина, ценность, поворот, проблема Геттиера

Scientific Knowledge: Virtue Epistemology vs Rational Skepticism

Rustem A. Yartsev

Ufa University of Science and Technology

Ufa, Russia

E-mail: rust-66@yandex.ru

Received 05.09.2022, revised 25.11.2022, accepted 26.12.2022

Abstract. This article is devoted to a critical analysis of the epistemology of virtues as a relatively new philosophical trend, the interest in which is noticeably increasing. This analysis is based on the author's concept of rational skepticism, which offers a justification for scientific knowledge. In the course of solving this problem, it turns out that the concepts of the epistemology of virtues do not support the division of cognition into cognitive practices and do not indicate which of them should include the good cognitive character that this direction seeks to establish. A comparison of the requirements of these concepts with the cognitive norms of science reveals a violation of its principles such as veritism, evidentialism, internalism, skepticism and deontological rationing. At the same time, the standards of the aretic approach developed by the epistemology of virtues are insufficient for the implementation of scientific norms, degenerating into the trivial idea that the cognitive success of cognition is conditioned by the application of the intellectual virtues of the subject and is its merit. As applied to science, the solution to the problem of the value of knowledge proposed by the epistemology of virtues is refuted; it is shown that the famous analogy of cognition with a coffee machine is incorrect here, and scientific truth in no way “absorbs” (swamp) its justification. In addition, it is revealed that the solution to the Gettier problem, based on the intersubjective definition of knowledge, gets to the supporters of the aretic approach at an unacceptably high price of turning their cognitive concepts into an empty formalism. As an alternative, solutions to these problems are discussed, supported by rational skepticism, which are free from the identified shortcomings; thus, the validity of scientific knowledge gives value to its validity, and the Gettier problem does not arise if this knowledge is considered to be the knowledge of a particular subject that allows revision. The main conclusion of the article is the refutation of the “value turn” in cognition, the necessity of which the epistemology of virtues insists on.

Keywords: epistemology of virtues; rational skepticism; knowledge; truth; value; turn; Gettier problem

For citation: Yartsev R.A. Scientific Knowledge: Virtue Epistemology vs Rational Skepticism, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 33-52. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_32.

Введение. За минувшие годы в отечественной философии, судя по публикациям, заметно вырос интерес к такому достаточно новому философскому направлению, как эпистемология добродетелей. Оно привлекло и наше внимание по двум главным причинам. Во-первых, это собственные интересы в теории познания, где нами разработана концепция рационального скептицизма, наследующая идеям К. Поппера и предлагающая новые основания для науки (см.: Ярцев 2018). Во-вторых, это высокие амбиции эпистемологии добродетелей как проекта, совершающего «ценностный поворот в современной аналитической эпистемологии» (Каримов 2021: 6) и приобретающего «равноправный статус наряду с другими подходами в теории познания» (Каримов 2019: 12). Отсюда возникло желание исследовать, опираясь на положения рационального скептицизма, вопрос о том, способен ли подход эпистемологии добродетелей или аретический подход (Каримов 2019: 24) предложить адекватную теорию научного познания.

Наш ответ на данный вопрос однозначно отрицателен, и необходимые доказательства приводятся в настоящей статье. Конечно, такой ответ вряд ли устроит сторонников эпистемологии добродетелей, что с нашей стороны означает лишь готовность к продолжению дискуссии.

Теория познания и когнитивные практики. Как известно, эпистемология предполагает наличие множества когнитивных практик, каждая из которых действует согласно собственным эпистемическим нормам или стандартам. Выбрать из них какую-то одну наиболее эффективную практику невозможно, поскольку понадобится обосновывать свой выбор стандартами иной практики, превосходство которой сомнительно. Кроме того, людям недостаточно в познании всего лишь одной практики: так, решать все бытовые вопросы научным путем столь же неуместно, что и в судебном порядке, как неуместно и всегда поддерживать мнение авторитета или выдавать желаемое за действительное вне сеансов психотерапии. Из сказанного ясно, что нормы различных когнитивных практик могут противоречить друг другу и, следовательно, требовать от субъекта познания противоречивых эпистемических добродетелей. Например, догматизм, добродетельный в отношении канонических религиозных текстов, становится пороком применительно к положениям науки, всегда открытым для критики и пересмотра.

Специалисты по эпистемологии добродетелей, несомненно, отдадут себе во всем этом отчет. Однако решаемая ими задача экспликации эпистемических добродетелей и их интеграции в хороший когнитивный характер (Pritchard 2016: 45-46), благодаря которому знания субъекта будут достойны похвалы как успех, не предполагает релятивизма добродетелей к знанию когнитивных практик. При таком подходе авторам остается лишь опираться на интуицию, когда встает вопрос об исключении тех или иных «недобродетельных» свойств из «хорошего» характера: Д. Греко, например, отказывается интегрировать в такой характер способность ясновидения (Greco 2010: 153), а Л. Загзебски считает догматизм добродетельным лишь в узкой области, где он способствует истине (Zagzebski 1996: 193). На наш взгляд, этот путь по эффективности вполне сопоставим с пирроновским «поиском

золота в темноте» (Sosa 2007: 129, здесь и далее перевод наш. – Р. Я.), поэтому не стоит удивляться, что до сих пор еще нет общепринятой системы интеллектуальных добродетелей, на которой могла бы основываться альтернативная теория познания (Каримов 2019: 157).

Известен также прием устранения противоречий среди эпистемических добродетелей, который связан с нахождением меры или «золотой середины» между добродетелями, конфликтующими в той или иной ситуации (Каримов 2019: 222). Нахождение такой меры предполагает не комбинирование конфликтующих добродетелей, а нахождение баланса между ними, что возлагается на специальную добродетель более высокого уровня – мудрость (Zagzebski 1996: 221-222). Тем самым, однако, в скрытой форме поддерживается контекстуализм аретических когнитивных стандартов, который в явном виде отрицается (Zagzebski 2020: 202). А поскольку еще и мера интеллектуальных добродетелей у каждого субъекта своя (Каримов 2019: 221), то можно утверждать неспособность современной эпистемологии добродетелей предложить сколько-нибудь эффективный в практическом применении эпистемический стандарт. Допустим, однако, что подобный стандарт все же удалось получить. Какой тогда когнитивной практике будет соответствовать его применение? Если одной из известных практик, то этот факт нужно будет еще доказать нетривиальным выводом норм этой практики из предложенной системы добродетелей. Если же создается новая практика, то обосновывать придется необходимость ее введения в сравнении с уже известными практиками. И то и другое предусматривает существенную доработку, в которой нуждаются современные концепции эпистемологии добродетелей.

Теория познания и научные принципы. Теперь обратимся к критике эпистемологами добродетелей нормативных эпистемических принципов науки, одним из которых является **эвиденциализм**, или причинно-следственная доказательность научного знания. Конечно, доказывать – «это всего лишь один из многих способов приобрести знания» (Greco 2010: 60), но особенность науки в том, что субъект здесь не может получить извне готовый результат исследования, а вынужден автономно вырабатывать научное знание своей интеллектуальной активностью, от которой требуется предоставление непротиворечивых доказательств. В науке, правда, есть еще предпосылочное знание, которое может приниматься на веру, извлекаться из памяти или бессознательных восприятий (Greco 2010: 61), однако данный вид знания не считается здесь достижением. Поэтому в случае науки Д. Греко ошибается и тогда, когда выступает против эвиденциалистских теорий (Greco 2010: 11), и тогда, когда допускает возможность игнорирования контрфактических доказательств (Greco 2010: 11). Сам он, кстати, не уклоняется от полемики с оппонентами, выступая на страницах своих работ как вполне добродетельный научный субъект.

Из эвиденциализма науки вытекает ее **интернализм**: ведь если научное знание должно быть надлежащим образом обосновано познающим субъектом, то последнему также вменяется в обязанность иметь когнитивный доступ к любой обосновывающей аргументации. Позиция

интернализма придает субъективный характер всякому конкретному научному знанию, тогда как обратная точка зрения – экстернализм, согласно которому на получение знания могут влиять недоступные субъекту внешние факторы, – несовместима с эвиденциализмом науки и догматизирует научное знание, препятствуя его пересмотру. Для представителей же эпистемологии добродетелей выбор между интернализмом и экстернализмом становится проблемой с неоднозначным решением (Zagzebski 1996: 5; Pritchard 2016: 12 и др.). Например, Л. Загзебски считает возможность согласования внешних и внутренних компонент в нормативном аспекте знания достоинством аретического подхода (Zagzebski 1996: 332), а Д. Греко вообще утверждает ложность интернализма (Greco 2010: 12). Заметим в ответ, что если экстернализм и можно положить в основу той или иной когнитивной практики, то это лишь добавляет ей антинаучных особенностей.

Другой принцип науки – **скептицизм** – обусловлен невозможностью субъекта достичь абсолютно достоверной истины: ведь он не только вынужден опираться на непроверяемое предпосылочное знание, но и не в состоянии гарантировать ни полного перебора исследуемых гипотез, ни исчерпывающего анализа возможной аргументации. Отсюда ясно, что к любому научному знанию должен быть применен радикальный скептицизм, означающий сомнение в истинности и возможность пересмотра: сходный принцип действует в судопроизводстве, где закон оговаривает возможность пересмотра решений по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Внутри исследования, правда, такой скептицизм ограничен условием истинности явных или неявных предпосылок, которое позволяет достичь конструктивного эпистемического результата, релятивизируя его истинность. При этом важно, что субъект науки полностью свободен в выборе предпосылочного знания, если оно непротиворечиво, и для установления истины не имеет значения, какие внутренние причины побудили субъекта осуществить этот выбор. Например, если в обыденном познании человек и верит, что его тело существует в реальном мире, то для философской концепции он может считать себя «мозгом в чане», что лишь затруднит осуществление этого исследовательского проекта и снизит его популярность в случае когнитивного успеха.

Теоретики эпистемологии добродетелей, однако, в «экзистенциальном ужасе» от радикального скептицизма (Каримов 2019: 232). Л. Загзебски считает скептическую проблему тупиком для эпистемологии и призывает в исследованиях ее обходить (Zagzebski 2020: 58). Э. Соза ищет решение в рефлексивном знании (Sosa 2007: 136), которое для ученого с навыками исследования вовсе не обязательно: также и философы науки не обязаны следовать в своих построениях за И.Г. Фихте или Р. Авенариусом. В свою очередь, Д. Греко стремится преодолеть скептицизм с помощью замшелых аргументов Д. Мура и Т. Рида, апеллирующих к обыденному здравому смыслу (Greco 2010: 184), тогда как философу науки больше подобало бы опираться на профессиональный здравый смысл, ведущий к скептицизму. Безрадостный итог здесь подводит Д. Притчард: «Таким образом, нет простого ответа на проблему радикального скептицизма. Возможно, однако,

нам не следует ожидать, что это произойдет» (Pritchard 2016: 109). Мы же думаем, что пора, наконец, расстаться с предубеждением против скептицизма, вызванным деструктивной попыткой применения его ко всему познанию, а не к отдельно взятой научной практике. Ведь важный шаг уже сделан К. Поппером, обосновавшим необходимость фаллибилизма из-за недостоверности подтверждающей аргументации: избавившись же от иллюзии абсолютной достоверности опровержений, мы получим превращение фаллибилизма в полноценный радикальный скептицизм.

Однако принципом, напрямую опровергающим основы эпистемологии добродетелей, является **нормирование** научного познания, требующее от субъекта науки безусловного соблюдения когнитивных норм или правил при проведении исследования (например, нормы непротиворечивости знания), что является необходимым и достаточным условием когнитивного успеха в науке. При этом основным или базовым видом такого успеха выступает приобретение устанавливаемым знанием статуса научности, достижение которого открывает возможность иных, в большей степени выдающихся научных успехов. Следовательно, соблюдение эпистемических норм можно считать в науке базовой добродетелью хорошего когнитивного характера, а другие добродетели могут быть установлены либо путем анализа и конкретизации данных норм, либо путем анализа отвечающих им когнитивных действий субъектов: в обоих случаях ясно, что философия эпистемических добродетелей должна следовать в развитии за теорией научного познания, основанной на нормах, но не наоборот.

Итак, традиционный подход признает и наличие у субъекта науки когнитивных добродетелей, и достижение, благодаря им, когнитивного успеха в виде знания, и возникающую при этом заслугу (*англ.* credit), которая приписывается субъекту. Иначе говоря, он признает истинность всех положений, на основе которых определяют знание так называемые теории познавательной заслуги (Zagzebski 2017: 187). Но, несмотря на это, такой подход все же неприемлем для эпистемологии добродетелей, которая желает иметь в основе теории познания хороший когнитивный характер, вследствие чего ей необходимо заменить традиционно принятую здесь деонтологическую нормативность правил аретической нормативностью интеллектуальных добродетелей. В науке эта задача может быть решена только через опровержение деонтологической нормативности, что, в свою очередь, требует опоры на некоторые правила, пусть это даже единственное правило «отрицания всех правил» в «анархизме» П. Фейерабенда (Фейерабенд 2007: 30). Поэтому любая критика такого рода опровергается уже самим принципом построения когнитивных практик на правилах, чего не учитывают возражения Д. Греко (Greco 2010: 18). В данном случае его критическая позиция наследует опровергаемым нами взглядам П. Фейерабенда, хотя тот решал более простую задачу, отрицая не научную рациональность, а лишь ее универсальное значение, поскольку считал «анархизм» не самостоятельной философией, а «лекарством» в дополнение к другим философским теориям (Фейерабенд 2010: 187). Д. Греко же необходимо доказывать и несостоятельность конкурирующей теории, и фундаментальность своей. Видимо,

по этой причине он сначала утверждает ложность основанных на правилах теорий эпистемической нормативности (Greco 2010: 18), а затем, с нарушением логики рассуждений, ставит в заслугу теоретико-добродетельному подходу его согласованность как с гипотезой о том, что познание управляется правилами, так и с альтернативной гипотезой (Greco 2010: 45).

Но что же получается в результате? Устранив из своего когнитивного стандарта все познавательные нормы и правила, эпистемологи добродетелей сталкиваются с невозможностью «специфицировать в определении относительно обстоятельств» (Каримов 2019: 218) когнитивные качества субъекта: проще говоря, они не могут заменить все требования деонтологических норм адекватными им аретическими нормативными требованиями. Возникающее упрощение стандартных требований можно было бы хоть как-то возместить, сославшись на контекстуализм стандартов (Каримов 2019: 215), но не все представители эпистемологии добродетелей с этим согласны (Zagzebski 2020: 202; Greco 2010: 107), видимо, по той причине, что сразу же возникает проблема инвариантности самого аретического стандарта. В любом случае, упрощенный стандарт в его практическом применении заставляет гораздо больше полагаться на интуицию, что увеличивает риск возможной ошибки. Покажем это на примере из работы Д. Греко «Достижение знаний». Так, футболист Тед не обратил внимания на блестящую голевую передачу, но мяч все же отскочил от его головы, попав в ворота. Автор считает, что Тед не заслуживает похвалы за гол, поскольку он не был вовлечен в процесс должным образом (Greco 2010: 83). Однако применение деонтологической нормативности говорит нам об обратном: да, Тед не проявил в данной ситуации своего футбольного мастерства, но он и не нарушил правил, коснувшись мяча рукой. Поэтому с точки зрения норм игры в футбол он действовал добродетельно, и благодаря этому был достигнут заслуженный успех – гол был засчитан.

Деонтологический подход способен учитывать и условия среды, в которой фиксируются достижения, и условия, которым должен соответствовать действующий субъект. Так, если лучник не может проявить способности стрельбы при сильном ветре или магнитном поле, то правила должны фиксировать пороговые значения этих факторов, при которых соревнования переносятся в закрытое помещение или отменяются. Рассмотрим также другой известный пример. Балерина с «предельной грацией» исполнила программу, но потом мы узнаем, что она была накачана наркотиками и ее движения были лишь спотыканиями. Публика реагирует противоречиво: одни продолжают восхищаться увиденным, тогда как другие сильно разочарованы, поскольку грациозные движения балерины больше не объясняются ее искусством (Sosa 2007: 75-76). Оставив в стороне реалистичность примера, потому что речь докладчика, даже слегка «подшофе», изобилует такими «спотыканиями», которые не демонстрируют никакой «грации» мышления, допустим, что прием наркотиков никак не сказался на качестве выступления балерины. Можно ли тогда приписать ее успех способностям? Нет, если правила обязывают балерину быть трезвой во время выступления, перед которым проводится допинг-контроль. Да, если такой контроль не преду-

смотрен, а балерина безупречно выполнила свои обязанности. В последнем случае можно считать ее способность протанцевать, не выдав опьянения, своего рода удачей, которую приходится допускать, потому что выявить и побороть ее нельзя даже с помощью деонтологических норм, не говоря уже об упрощенной аретической нормативности. Поэтому соблюдение данных норм в человеческих практиках, к числу которых относится и наука, всегда строится по принципу «разрешено все, что не запрещено».

Ценность истины и веритизм. Обсудим теперь проблематику ценности научных знаний. Следуя традиционному для эпистемологии принципу веритизма, прежде всего уточним ценность научной истины как фундаментального когнитивного блага. Как и всякое благо, истина является инструментом удовлетворения конкретных потребностей человека, среди которых для нас важно выделить когнитивные потребности, связанные с желанием иметь ответ на интересующий вопрос, противопоставив их прочим, некогнитивным потребностям, связанным с иными жизненными целями. Согласно такому делению можно уже не только ввести понятия когнитивной и некогнитивной ценности истины, но также различать когнитивный и некогнитивный аспекты познания, связанные, соответственно, с установлением истины «самой по себе» и обеспечением ее ценности «за пределами эпистемического домена» (Каримов 2021:8). На автономном изучении указанных двух аспектов в науке настаивает рациональный скептицизм, поскольку это позволяет разделить строго конкретизируемые когнитивные нормы научности, направленные на установление истины «самой по себе», и нечеткие в применении организационные нормы, обеспечивающие некогнитивный ценностный отбор научного знания. Согласно нашим результатам все когнитивные нормы науки обобщаются универсальным методом, который обязателен к применению в каждом исследовании и состоит из этапов постановки вопроса, выдвижения гипотез, их проверки и обоснования ответа, скептической рефлексии над ответом (Ярцев 2018: 150).

Следует отметить, что два основных вида ценности истины не равнозначны для людей, занятых практическими делами и нуждающихся прежде всего в полезной для этих дел истине, а не в истине «самой по себе». Однако, какими бы ни были первоначальные мотивы поиска, истина не может быть получена без обращения к когнитивному аспекту познания, когда исследователь занят исключительно установлением истины «самой по себе», абстрагируясь от вопросов ее последующего использования, если эти вопросы не составляют содержания текущего исследуемого вопроса. Поэтому демаркация когнитивного аспекта и его изучение как основы научного познания очень важны для решения многих эпистемологических проблем. Например, можно наглядно продемонстрировать веритизм науки, затронув при этом вопросы философии добродетелей. Так, из некогнитивной ценности истины вытекает ее ценность «в пределах эпистемического домена», где установлению истины служат когнитивные нормы научного познания, охватываемые универсальным методом, в соответствии с которым уже могут быть конкретизированы задачи поиска норм добродетельного когнитивного характера и мотива субъекта науки. По-

добные аретические задачи могут ставиться и в организационном аспекте научного познания.

Ведущие представители эпистемологии добродетелей непоследовательны в различении когнитивных и некогнитивных познавательных ценностей. Например, Д. Притчард, с одной стороны, отрицает автономию знания и понимания относительно истины, различает познавательную и неэпистемическую ценность средств познания, а также призывает эпистемологов возвратиться к ортодоксальному веритизму прежних времен (Pritchard 2021: 22, 34). Но, с другой стороны, он неверно решает так называемую проблему «тривиальных» истин, которая состоит в том, что вытекающая из веритизма равноценность всех истин дезориентирует исследователя, побуждая его либо к поиску истин без учета ценности, либо даже к максимизации числа устанавливаемых «тривиальных» истин (Pritchard 2021: 22): вместо того, чтобы искать решение «за пределами эпистемического домена», Д. Притчард смешивает оба аспекта исследования, объясняя выбор в пользу «весомых» истин интеллектуальной добродетельностью субъекта и его мотиваций (Pritchard 2021: 31-33). Д. Греко в ответ на это резонно замечает, что понятие интеллектуально добродетельного исследователя может быть применено и для обоснования противоположной точки зрения, утверждающей плюрализм эпистемических благ (Греко 2021: 53). Еще одним примером непоследовательности может служить концепция Л. Загзебски, положения которой о внутренней ценности (самоценности) истины (Zagzebski 2020: 162), о разделении теоретических и рассуждающих причин, где первые используются для доказательства, а вторые – для внутреннего убеждения в истинности тех или иных положений (Zagzebski 2020: 246), поддерживают демаркацию двух видов ценностей познания, однако общий вывод вновь смешивает их в положении о том, что с учетом всех внутренних и внешних обстоятельств могут существовать истинные убеждения, не имеющие ценности или даже имеющие отрицательную ценность (Zagzebski 2020: 162).

Из различения двух ценностных аспектов познания сразу становится ясно, например, что когнитивная ценность обоснованной научной истины, обусловленная ответом на исследуемый вопрос, не может быть отрицательной или даже нулевой до тех пор, пока результаты исследования не опровергнуты: в отличие от нее, организационная ценность, действительно, может быть отрицательной, если предполагаемый вред от неэпистемического использования истины превышает ожидаемую полезность. Ясно также, что целью познания в когнитивном аспекте не может быть увеличение числа научных истин, поскольку каждое исследование, если не считать дочерних, вспомогательных изысканий, стремится к установлению лишь одной истины по изучаемому вопросу, и если для этого потребуется опровергнуть десяток уже известных ранее истин, то, согласно нормам науки, именно так и надлежит поступить. Наконец, скептицизм в отношении научных истин означает, что ни одна из них не является тривиальной в своей абсолютной достоверности, а допускает бесконечное продолжение исследований, например с каждым пересчетом травинки на газоне (Pritchard 2021: 30)

индуктивное обоснование устанавливаемой в когнитивном аспекте истины становится более полным, а вероятность ошибки снижается, никогда не достигая, впрочем, нулевой величины. Поэтому «весомость» или «тривиальность» истины – это внешние, некогнитивные оценки: они не имеют никакого отношения к установлению данной истины как таковой и связаны с принятым в исследовании организационным критерием сложности. И такой критерий, действительно, может быть важен для выбора задач в организационном аспекте науки, если ученый игнорирует «тривиальные» задачи, которые не сулят ему профессиональных дивидендов, или, наоборот, слишком «весомые», которые выходят за пределы его исследовательских возможностей. Заметим также, что подобный выбор не предопределен, однако, для общего случая, поскольку иногда практически более важными оказываются иные критерии: так, в примере с газоном можно представить, что кто-то заключил пари на крупную сумму денег о числе травинок.

Веритизм и трудности эпистемологии добродетелей. В отношении же плюрализма эпистемических благ науки мы будем утверждать, что возможности защиты веритизма против новаций эпистемологии добродетелей еще далеко не исчерпаны. Так, если показать ценностную связь между истиной и знанием, то понимание естественно будет представить как разновидность знания, что и делается обычно в философии науки, где оно считается пропозициональным знанием причин (Pritchard 2016: 127). Однако теоретики аретического подхода пытаются обосновать понимание как самостоятельное эпистемическое благо. Например, Д. Притчард ссылается на различие между интернализмом понимания и экстернализмом знания (Pritchard 2016: 128), благодаря которому возможны случаи обладания пониманием, но не знанием. Вот один из таких случаев. Некто Итан, обнаружив, что его дом объят пламенем, спрашивает человека в форме пожарного о причине пожара. Полученный ответ – неисправная проводка – согласуется с тем, что известно Итану о возможных причинах пожаров. Также и человек в форме действительно оказывается пожарным, компетентно установившим причину возгорания. Однако другие люди в форме около дома – это не члены пожарной команды, а участники костюмированной вечеринки: если бы Итан задал свой вопрос кому-то из них, то был бы введен в заблуждение. Читателю предлагается поверить в то, что Итан ничего не знает о причине пожара, поскольку он устанавливает этот факт по счастливой случайности, но зато понимает ее, потому что истинное убеждение было установлено правильным образом (Pritchard 2016: 130). Мы же выше указали на то, что экстернализм в принципе несовместим с научным познанием. Но если понимать овладение знанием интерналистски, то Итан может ничего не знать о причине пожара лишь от момента получения информации о вечеринке, опровергающей достоверность первоначальных сведений про неисправную проводку, и до момента частичного опровержения уже этой информации доказательствами профессионализма ответившего на вопрос лица. Очевидно, однако, что Итан не может также понимать причину возгорания своего дома на данном интервале времени, когда она еще достоверно не установлена.

В свою очередь, Л. Загзебски вообще считает понимание более высоким уровнем эпистемического состояния, чем пропозициональное знание; постижение пропозициональной структуры выступает у нее частным случаем понимания, а знание и истинная вера – формами понимания (Zagzebski 2020: 3). При этом постижение пропозициональных структур рассматривается ею как особая когнитивная деятельность, отличная от познания «дискретных» объектов в виде предложений: «Ментальное представление того, что человек понимает, скорее всего, включает в себя такие вещи, как карты, графики, диаграммы и трехмерные модели в дополнение или даже вместо принятия ряда предложений» (Zagzebski 2020: 65). Такая деятельность, по Л. Загзебски, не кодифицируется правилами (Zagzebski 2020: 67). Представляется, однако, что ее утверждения не выдерживают критики с позиций технических наук, где всевозможные структуры устанавливаются с помощью процедур системного анализа и описываются математически, то есть такими же «дискретными» предложениями, что и предложения естественных языков. Часто подобные описания дополняются альтернативными графическими средствами передачи информации, которая относится к описываемой структуре как любое научное знание к своему объекту и потому является пропозицией. Абстрактный же характер представлений о структуре не мешает субъекту считать ее частью познаваемой системы как объекта некоторой реальности, включающего другие «дискретные» части в качестве элементов состава. Удивительно, однако, что после всей аргументации Л. Загзебски в поддержку понимания мы сталкиваемся с признанием в том, что альтернативная гипотеза ею вовсе не исключается (Zagzebski 2020: 69), причем конкретного определения термина «понимание» она не предлагает (Zagzebski 2020: 75). Д. Греко при всех своих высказываниях о плюрализме эпистемических благ также считает, что на вопрос об особой эпистемической ценности понимания, которое он связывает с рефлексивным знанием, «нет хорошего ответа», а «рефлексивное знание вообще не является особым эпистемическим видом» (Greco 2010: 146). Следовательно, и понимание можно пока что не считать самостоятельным видом эпистемической ценности.

Веритизму и разделению познания на два аспекта подчинена также другая эпистемическая ценность – мудрость, понимаемая как особый практический здравый смысл, направляющий субъекта науки к профессиональному успеху. Ведь ясно, что научная деятельность не сводится к установлению истины: необходимо также предпринимать организационные действия, связанные с выбором исследовательской задачи, подготовкой необходимых материалов, опубликованием результатов и т.п. А поскольку в данном аспекте науки исследователь опирается главным образом на обыденное познание, то он нуждается в спонтанных, но эффективных решениях, которые можно отнести на счет практической мудрости в ее научной специализации. И, конечно, такую мудрость можно понимать как главную организационно-научную добродетель, управляющую применением всех добродетелей для обеспечения таких организационных норм науки, как актуальность, новизна или практическая ценность.

Лучше всего, на наш взгляд, решению этой задачи соответствует концепция мудрости Л. Загзебски, в основе которой лежит понимание интеллектуальных добродетелей как разновидности моральных, вследствие чего эпистемическая оценка оказывается формой моральной оценки, а нормативная эпистемология – разделом этики (Zagzebski 1996: 256, 258). В самом деле, ответственность ученого за нарушение норм науки носит этический характер, но в узком смысле, когда регулируются мыслительные действия. При этом вид и мера такой ответственности зависят от аспекта научной практики: если в организационном аспекте в случае обоснованного выбора эпистемического окружения субъект действительно освобождается от ответственности за ложность убеждения вследствие ошибок источника предпосылочного знания (Шевченко 2021: 209), то в когнитивном аспекте такая ответственность неизбежна и влечет за собой непризнание субъекта автором достоверного научного результата. Принципиально и то, что Л. Загзебски считает именно практическую мудрость или аристотелевский фронезис наиболее важной добродетелью (Zagzebski 2020: 106), которая служит для субъекта познания эталоном здравого смысла при вынесении когнитивных суждений, координируя применение противоречащих друг другу добродетелей в конкретной познавательной ситуации (Zagzebski 2020: 181): думается, что тем самым Л. Загзебски замещает отсутствие в аристотелевском подходе полноценных когнитивных стандартов. При этом если придерживаться в познании изоморфизма моральных и интеллектуальных добродетелей (Карпов 2020: 226), то теоретический аналог практической мудрости можно понимать как способность контекстного переключения субъекта на ту или иную когнитивную практику с ее стандартами. Существенным недостатком концепции Л. Загзебски видится, однако, использование в ней практического здравого смысла для решения теоретических вопросов: ведь хорошо известно, что теоретические и практические цели людей могут расходиться (Zagzebski 2020: 15), поэтому практическая мудрость в теоретической сфере рискует обернуться своей противоположностью. Что, например, является более мудрым: продолжать исследование с целью еще раз проверить и уточнить результат или же писать, наконец, диссертацию? Свое решение о взаимодействии теоретического и практического здравого смысла мы предлагаем в работе «Дуализм здравого смысла как основа научной рациональности» (Ярцев 2015).

Покажем еще, как разделение двух аспектов познания может помочь эпистемологии добродетелей в решении проблем доверия, автономии и авторитета эпистемического субъекта, по которым имеются затруднения. Так, в известных нам источниках по аристотелевскому подходу нет однозначного ответа на вопрос о том, является ли доверие к себе и другим интеллектуальной добродетелью. А.Р. Каримов, например, отвечает утвердительно (Каримов 2019: 36), но затем все же пытается уточнить, в каком случае доверие выступает в качестве добродетели (Каримов 2019: 339). Л. Загзебски более корректна: она считает добродетелью лишь «правильное эпистемическое доверие» (Zagzebski 2020: 119), поскольку «некоторые добродетели – это усиление эпистемического доверия, а некоторые – его

ограничение» (Zagzebski 2020: 3). Таким образом, добродетельность доверия, как и многих других качеств, релятивизируется применительно к обстоятельствам их использования (Каримов 2021: 16), что лишь осложняет проблему возможности определения хорошего когнитивного характера. Роль доверия в науке проясняется, если учесть, что принцип скептицизма в качестве главной когнитивной добродетели субъекта относительно научного знания предполагает **недоверие**, а вынужденное отступление от этого принципа в исследовании позволяет временно считать порок доверия подчиненной или вспомогательной добродетелью, применение которой, за исключением требований непротиворечивости предпосылочного знания и его причинно-следственного отношения к изучаемому вопросу, никак не регламентируется когнитивным аспектом исследования. Это означает, что при определении предпосылочного знания субъект науки пользуется свободой выбора любого из промежуточных вариантов между абсолютной автономией, когда он полагается исключительно на внутренние убеждения, и полной гетерономией, когда он лишь перенимает убеждения людей из своего окружения.

Однако применение универсального метода как нормы обязывает субъекта науки к интеллектуальной автономии своего исследования даже в тех случаях любительского познания, когда он приходит к тривиальным выводам на основании внешней информации. А поскольку те или иные убеждения субъекта, влияющие на его исследования, были когда-либо заимствованы им извне, то абсолютная автономия в науке невозможна точно так же, как и полная гетерономия, иначе говоря, интеллектуальная автономия и гетерономия познания совместимы в рамках научного исследования, что поддерживает идею Л. Загзебски о том, что доверие авторитету сообщества не только совместимо с автономией индивида, но и вытекает из нее (Загзебски 2017: 106). Тем не менее мы считаем, что А.Р. Каримов ошибается, когда утверждает отсутствие противоречий между автономией и гетерономией (Каримов 2019: 296): поскольку увлечение обзором литературы в исследовании снижает эффективность самостоятельного мышления и наоборот (Ярцев 2019: 19), то каждое исследование находит свой компромисс между автономией и гетерономией, различие между которыми становится при этом вопросом степени. Мы также присоединяемся к критике, согласно которой серьезным недостатком концепции Л. Загзебски «является то, что ей не удается показать наличие существенной связи между следованием авторитету и истиной как целью, ради которой автономный эпистемический субъект формирует свое убеждение» (Гаспаров 2017: 108).

Рациональный скептицизм предлагает здесь следующие разъяснения. Хотя субъект науки и свободен от необходимости следовать каким-либо авторитетам в своем поиске истины, он использует обычно такую возможность в организационном аспекте исследования, реализуя свои когнитивные и некогнитивные цели. Первые из этих целей связаны с поиском аргументации, которую исследователь рассчитывает найти прежде всего в трудах авторитетов своей предметной области, предполагая использовать найденный материал для дальнейшего критического анализа, – авторитет

в данном случае является своеобразным маркером содержательности научных трудов. К таким целям относится и выбор общепризнанного предпосылочного знания, когда субъект обращается к авторитетным трудам, чтобы по возможности застраховать свои результаты от будущих опровержений, – авторитет здесь служит маркером надежности научных работ. Цели же второго вида связаны с желанием субъекта добиться успеха в определенной профессиональной среде, поддерживающей ту или иную систему авторитетов: субъект при этом обращается к авторитету как маркеру профессионализма, чтобы продемонстрировать существенность своих научных достижений в сравнении с его достижениями. Таким образом, авторитетные труды оказывают исследователю помощь в его начинаниях, имеющих определенную связь с истиной как целью познания. И хотя выбор данных трудов для использования в конкретном исследовании осуществляется субъектом познания добровольно, субъекты науки профессионального уровня находятся здесь под направляющим этот выбор давлением сообщества своей предметной области, обычно не требующим, впрочем, какого-либо «слепого подчинения» авторитету.

Проблема ценности научного знания. Обратимся теперь к проблеме ценности научного знания, чтобы показать, словами Л. Загзебски, что в науке «делает знание эпистемически лучше, чем просто истинная вера» (Zagzebski 2020: 4). Для ответа на этот вопрос требуется решить так называемую проблему «поглощения» (*англ.* *swamping*), состоящую в том, что ценность всякого инструментального средства исчезает или «поглощается» ценностью получаемого с его помощью фундаментального блага (Pritchard 2021: 26). Данная проблема иллюстрируется популярной аналогией, проводимой Л. Загзебски между работой кофемашины и процессом познания: «...если эспрессо хороший на вкус, то не имеет значения, идет ли он из ненадежной машины» (Zagzebski 2020: 153). Применительно к познанию это должно означать опровержение машинно-продуктовой модели знания: «Мало того, что надежность машины недостаточна для улучшения кофе в чашке; ничто в машине не делает продукт лучше. Поэтому, если знание – это истинная вера, которая чем-то улучшается, оно не может быть внешним продуктом верующего, как чашка эспрессо является внешним продуктом машины» (Zagzebski 2020: 155). Данная критика уже позволяет предлагать аретическое решение проблемы, состоящее в том, что «знание связано с познающим не как продукт с машиной, а как действие с агентом», любовь к истине и другие, в том числе некогнитивные, эвдемонические добродетельные мотивы которого добавляют истинным убеждениям ценность достойной восхищения заслуги (Zagzebski 2020: 155-164).

На наш взгляд, ценность научного знания должна быть определена прежде всего в когнитивном аспекте, где устанавливается истина «сама по себе», и должно быть также показано, какой дополнительной ценностью по сравнению с ней будет обладать знание «само по себе». Но истина может быть установлена здесь благодаря минимально необходимой, базовой добродетели, обеспечивающей соблюдение когнитивных научных норм, а также базовому мотиву, лежащему в ее основе и представляющему собой, как

мы думаем, желание знать истину по исследуемому вопросу, обладающее достаточной силой для воплощения в законченном научном исследовании. Значит, любовь к истине и прочие восхитительные качества субъектов науки могут отсутствовать как избыточные в том или ином исследовании, тем не менее приводящем к когнитивному успеху: например, достаточно относиться к исследованию как к обычной работе, чтобы получить значимый научный результат хотя бы в силу случайного стечения обстоятельств. Поэтому заслуга, о которой говорит Л. Загзебски, вовсе не является обязательным элементом научного знания «самого по себе», придающим последнему дополнительную эпистемическую ценность в сравнении с истиной. А заслуги, связанные с применением базовой когнитивной добродетели, являются типовыми для всех успешных исследователей и поэтому не способны никого восхитить или придать новую ценность полученным результатам «в эпистемическом домене».

Терпят неудачу и попытки опровержения машинно-продуктовой модели знания, вступающие в противоречие с традиционными представлениями о науке как производительной силе. Знание, разумеется, это когнитивный продукт субъекта науки, рассчитанный на внешнее применение, то есть отчуждаемый от своего производителя; потребителей же этого продукта интересует прежде всего его качество, а не мотивы или добродетели автора. Отсюда следует, что новую когнитивную ценность научному знанию может придать лишь дополняющее истину свойство самого знания, которым, как хорошо известно в науке, является обоснование этой истины. Получение обоснования предусматривается универсальным методом, обязательным к применению в качестве фундаментальной когнитивной нормы научного познания, поэтому истина в науке не существует без своего обоснования. Теоретическую ценность ей не просто добавляет, а именно придает наличие обоснования: например, утверждение теоремы ничего не значит для математики, если оно не подкреплено доказательством. Таким образом, проблема ценности научного знания решается за счет когнитивной ценности обоснования устанавливаемой научной истины.

Не решена еще, однако, проблема «поглощения»: ведь обоснование можно рассматривать и как средство достижения истины, почему же тогда оно не «поглощается» ею? Ответ на этот вопрос следует начать с критики некорректной для науки аналогии с кофемашиной, потому что в сравнении с научным знанием чашка кофе слишком примитивный продукт, свойства которого однозначны и не подлежат улучшению. Заменяем для начала чашку кофе лекарством фабричного производства: разве продуктом теперь будет вещество, которое продается в аптеке? Отнюдь. Без сведений о диагностике, противопоказаниях, дозировке, способе применения и условиях хранения лекарство может оказаться ядом для пациента. Поэтому продуктом здесь является вещество вместе с обоснованием в виде инструкции, ценность которой неотделима от ценности вещества. Другим подобным продуктом может служить судебное решение, в состав которого обязательно входит не только практически значимая резолютивная часть, но и более важная мотивировочная часть, отражающая мыслительную деятельность

судьи и исследуемая вышестоящими инстанциями при проверке законности и обоснованности судебного акта (см.: Структура судебного решения 2010). «Поглотив» мотивировочную часть, мы лишаемся возможности улучшить вынесенное судом решение, пересматривая дело либо при контроле инстанциями, либо по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Однако, то же самое можно сказать и об эпистемических решениях в науке: устранение обоснования научных положений лишает нас ценных когнитивных возможностей контроля и выявления ошибок, расширения, углубления аргументации и т.п., улучшающих ранее установленное научное знание путем пересмотра. Проиллюстрировать необходимость подобного улучшения конечного продукта можно и на примере кофемашины, если договориться о том, что качество эспresso – дело вкуса каждого конкретного дегустатора, которому, кроме чашки кофе, нужно еще получить, как часть продукта, соответствующие настройки кофемашины, изменение которых позволит ему адаптировать вкус кофе к своим предпочтениям.

Завершая рассмотрение проблемы ценности научного знания, следует подчеркнуть, что рациональный скептицизм справляется и с объяснением того, почему в когнитивном аспекте науки «знания более ценны чем то, что не соответствует знанию скорее по виду, чем по степени» (Pritchard 2016: 123): истины научного знания, в отличие от истин предпосылочного знания, являются более ценными по причине обоснования, а иных истин как «промежуточных» когнитивных достижений, не являющихся случаями знания (Pritchard 2016: 122), между ними нет. По другому, однако, дело обстоит в организационном аспекте науки, где происходит качественная сортировка знания по некогнитивным критериям и могут появиться различные степени его ценности, например соответствующие шкале «любительское – профессиональное – выдающееся».

Интерсубъективность истины и проблема Геттиера. Осталось рассмотреть еще один важный недостаток аретических теорий познания, состоящий в понимании истины и, соответственно, знания как интерсубъективного блага. Данный недостаток органично сочетается с экстернализмом теорий познавательной заслуги и может быть выявлен, например, путем анализа решений проблемы Геттиера в этих теориях. Ранее мы показали, что каждый из случаев Геттиера с точки зрения научного познания представляет собой ситуацию пересмотра знаний субъекта, когда результирующий вывод сохраняется, но изменяется его обоснование (Ярцев 2021: 19-20). Так, в случае Итана данный пересмотр осуществляется дважды: сначала Итан узнает о костюмированной вечеринке и начинает сомневаться в причине возгорания, но затем он убеждается в подлинности пожарного и отменяет возникшие сомнения, возвращаясь к исходному выводу. Заметим, что оба раза причинами пересмотра послужили вновь открывшиеся Итану обстоятельства «научного дела». Рациональный скептицизм допускает подобный пересмотр, считая всякое конкретное знание в науке относительно достоверным знанием субъекта и рассматривая интерсубъективное знание лишь как недостижимый идеал. Эти положения можно представить как результат ревизии классического

определения знания, предпринятой в ответ на выводимую из проблемы Геттиера «мораль».

Однако это иного рода «мораль», чем та, о которой Л. Загзебски заключает следующее: «...либо обоснованной истинной веры (JTB) недостаточно для знания, и в этом случае знание должно иметь “дополнительный” к JTB компонент, либо обоснование должно быть переосмыслено, чтобы сделать его достаточным для знания» (Zagzebski 2020: 311). Нам же ясно, что это знание должно быть переосмыслено, чтобы сделать обоснование достаточным для него. Но такой вариант, добавляющий к истинной вере ее обоснование, конечно, не нужен для аретических концепций, которые рассматривают знание как убеждение, истинное благодаря тому, что оно сформировано добродетельно (Каримов 2021: 11).

Устранив же из знания обоснование, «поглощенное» убеждением субъекта, теоретики аретического подхода стали считать случай правильного вывода из ошибочного обоснования несовместимой со знанием удачей познающего, поскольку субъект не проявляет при этом необходимых эпистемических добродетелей. С этой «веритической удачей» (Черняк 2020: 65), следовательно, необходимо бороться, чтобы очистить знание от случаев Геттиера и тому подобных заблуждений. Но в рамках аретического подхода нет иного способа борьбы, кроме указания на недобродетельность субъекта, вследствие которой было приобретено убеждение, что при отсутствии аретических норм оставляет за аналитиком полную свободу выбора: так, Итану можно «предъявить» и неумение различать бутафорские костюмы, и невнимание к городским вечеринкам, и даже неспособность распознавать козни Злого Демона, если понимать под последним не образную фигуру экстерналистской речи, а реальную причину заблуждений Итана. Если есть информация, необходимая для пересмотра знаний субъекта, то нет сомнений в том, что сторонники аретических теорий успешно справятся с указанной задачей, доказав адекватность своего определения знания.

Проблема, однако, в том, что необходимость пересмотра знаний заранее непредсказуема. Например, как применять аретическое определение знания в тот момент, когда Итан впервые узнает о неисправной проводке? Если было бы известно, что в дальнейшем обойдется без костюмированных пожарных и иных недоразумений, то Итану можно бы было без проблем приписать достаточную для знания добродетельность. Но ни один, даже самый интеллектуальный и справедливый судья, вынося решение, не знает тех обстоятельств, которые будут позднее открыты и приведут к пересмотру дела. Следовательно, аретическое определение ни Итану, ни реальным субъектам не позволяет «вменить» получение знания, ибо любой будущий «случай Геттиера» докажет ложность такого шага. На помощь теоретикам приходят экстерналистские уловки, обязывающие различать субъективную и объективную добродетельность поступков. Так, Л. Загзебски вводит понятие «акт интеллектуальной добродетели», тем самым различая проявление добродетели и ее совершение как акта, который требуется для обладания знанием (Zagzebski 1996: 289). И, разбирая один из случаев Геттиера, она показывает, что «убеждение может демонстрировать интеллектуальную

добродетель, поскольку оно получено на основании веских доказательств... но при этом не возникает из акта интеллектуальной добродетели, потому что истина не приобретается с помощью добродетельных мотивов или процессов» (Zagzebski 1996: 289). Иными словами, есть субъективная «демонстрация» добродетелей, а есть объективный добродетельный «акт» или «процесс». Но ни один участник когнитивного процесса не может достоверно гарантировать его объективность, «выскочив» из себя как познающего субъекта, во внешний мир. Равным образом мы могли бы обусловить достижение знания другим субъективно непроверяемым требованием, например абсолютной достоверности истины, получив новое, абсолютно непригодное в реальном познании определение. Таким образом, решение проблемы Геттиера достается сторонникам аретического подхода неприемлемо высокой ценой превращения их когнитивных концепций в пустой формализм, который значим лишь «сам по себе».

Обобщая сказанное выше, приведем наш главный вывод, состоящий в том, что аретический подход к познанию непригоден для использования в качестве философии науки, потому что он:

1) нарушает такие когнитивные принципы этой практики, как веритизм, эвиденциализм, интернализм, скептицизм и деонтологическое нормирование;

2) не содержит адекватных научным собственным когнитивных норм, вырождаясь в тривиальную идею о том, что когнитивный успех познания обуславливается применением интеллектуальных добродетелей субъекта и является его заслугой;

3) не имеет приложения к реальным исследованиям, поскольку не справляется с ситуацией пересмотра научного знания, маркируемой проблемой Геттиера.

Предпочтительной альтернативой аретическому подходу является подход рационального скептицизма, который свободен от перечисленных недостатков, позволяет решить проблему ценности научного знания и проблему его пересмотра, а также не имеет выявленных «противопоказаний» в качестве основания науки.

Заключение. Результаты нашего исследования опровергают необходимость того «ценностного поворота» в познании, который современная эпистемология добродетелей якобы совершает и согласно которому эпистемологическая теория должна: 1) «придавать центральную значимость тому, каковы должны быть сами субъекты»; 2) «уточнить природу и источники эпистемической ценности»; 3) «отрицать концептуальный приоритет, который имеют дисперсные понятия [“истина”, “обоснование” и т.п.] над эпистемическими понятиями добродетели и порока» (Каримов 2019: 180). Так, если второе из приведенных требований исполнимо в условиях традиционного веритизма, то остальные отрицают веритизм, взамен лишь запутывая и без того сложные вопросы философии науки.

Мы, конечно, согласны с А.Р. Каримовым в том, что бремя доказательства такого «поворота» лежит на эпистемологии добродетелей (Каримов 2021: 19), но не обнаружили требуемых доказательств в ее источниках. А до

поступления этой информации остается непонятным оптимизм относительно перспектив рассматриваемого направления, по крайней мере, в теории научного познания, где предлагаемый «ценностный поворот», на наш взгляд, имеет реальный шанс обернуться искусно раздуваемым «мыльным пузырем».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гаспаров И.Г. 2017. Эпистемический авторитет и автономия эпистемического субъекта // Эпистемология и философия науки. Т. 53, № 3. С. 108-122. DOI 10.5840/eps201753351.

Греко Д. 2021. Веритизм в интерпретации Д. Притчарда // Эпистемология и философия науки. Т. 58, № 4. С. 46-53. DOI 10.5840/eps202158458.

Загзевски Л. 2017. Эпистемический авторитет. Современная либеральная защита // Эпистемология и философия науки. Т. 53, № 3. С. 92-107. DOI 10.5840/eps201753350.

Каримов А.Р. 2019. Эпистемология добродетелей : науч. моногр. Санкт-Петербург : Алетейя. 428 с.

Каримов А.Р. 2021. К знанию через добродетели: об основаниях аретического подхода в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. Т. 58, № 4. С. 6-21. DOI 10.5840/eps202158455.

Карпов К.В. 2020. Мудрость и интеллектуальные добродетели // Эпистемология и философия науки. Т. 57, № 2. С. 226-230. DOI 10.5840/eps202057232.

Структура судебного решения, 30.12.2010 / Казанский районный суд Тюменской области. URL: http://kazansky.tum.sudrf.ru/modules.php?did=13&name=press_der&or=3 (дата обращения: 29.08.2022).

Фейерабенд П. 2007. Против метода : очерк анархистской теории познания. Москва : АСТ : Хранитель. 413 с. (Philosophy).

Фейерабенд П. 2010. Наука в свободном обществе. Москва : АСТ. 378 с. (Philosophy).

Черняк А.З. 2020. Знание и удача // Эпистемология и философия науки. Т. 57, № 2. С. 61-78. DOI 10.5840/eps202057222.

Шевченко С.Ю. 2021. Расширенный разум и эпистемическая ответственность в цифровом обществе // Эпистемология и философия науки. Т. 58, № 4. С. 209-227. DOI 10.5840/eps202158470.

Ярцев Р.А. 2021. Проблема Геттиера с позиций рационального скептицизма. DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_7 // Антиномии. Т. 21, вып. 2. С. 7-24.

Ярцев Р.А. 2015. Дуализм здравого смысла как основа научной рациональности // Аспирантский вестник Поволжья. № 3-4. С. 187-197.

Ярцев Р.А. 2018. Метод науки. Beau Bassin : LAP LAMBERT Academic Publishing RU. 205 с.

Ярцев Р.А. 2019. За журавлем или синицей (к типологии ученых) // Вестник Вятского государственного университета. № 4 (134). С. 16-24. DOI 10.25730/VSU.7606.19.050.

Greco J. 2010. Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity. New York : Cambridge Univ. Press. 205 p.

Pritchard D. 2016. Epistemology. 2nd ed. New York : Palgrave Macmillan. 146 p.

Pritchard D. 2021. In Defence of Veritism // Эпистемология и философия науки. Т. 58, № 4. С. 22-37. DOI 10.5840/eps202158456.

- Sosa E. 2007. *Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge*, Vol. 1. New York : Oxford Univ. Press. 149 p.
- Zagzebski L. 1996. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. New York : Cambridge Univ. Press. 365 p.
- Zagzebski L. 2017. *The Lesson of Gettier // Explaining Knowledge: New Essays on the Gettier Problem* / Ed. by R. Borges, C. de Almeida, and P.D. Klein. New York : Oxford Univ. Press. P. 179-190.
- Zagzebski L. 2020. *Epistemic Values: Collected Papers in Epistemology*. New York : Oxford Univ. Press. 364 p.

References

- Chernyak A.Z. Knowledge and Luck, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 2, pp. 61-78. DOI 10.5840/eps202057222. (in Russ.).
- Feyerabend P. *Against Method : Outline of an anarchistic theory of knowledge*, Moscow, AST, Khranitel', 2007, 413 p. (in Russ.).
- Feyerabend P. *Science in a Free Society*, Moscow, AST, 2010, 378 p. (in Russ.).
- Gasparov I.G. Epistemic Authority and Autonomy of the Epistemic Subject, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 53, no. 3, pp. 108-122. DOI 10.5840/eps201753351. (in Russ.).
- Greco J. *Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity*, New York, Cambridge Univ. Press. 2010. 205 p.
- Greco J. Pritchard's Case for Veritism, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 4, pp. 46-53. DOI 10.5840/eps202158458. (in Russ.).
- Karimov A.R. Through Virtues to Knowledge : On the Foundations of Aretaic Approach in Epistemology, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 4, pp. 6-21. DOI 10.5840/eps202158455. (in Russ.).
- Karimov A.R. *Virtue Epistemology*, St. Petersburg, Aleteyya, 2019, 428 p. (in Russ.).
- Karpov K.V. Is Wisdom an Epistemic Virtue? *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 2, pp. 226-230. DOI 10.5840/eps202057232. (in Russ.).
- Pritchard D. *Epistemology*, 2nd ed., New York, Palgrave Macmillan, 2016, 146 p.
- Pritchard D. In Defence of Veritism, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 4, pp. 22-37. DOI 10.5840/eps202158456.
- Shevchenko S.Yu. Extended Mind and Epistemic Responsibility in a Digital Society, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 4, pp. 209-227. DOI 10.5840/eps202158470. (in Russ.).
- Sosa E. *Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge. Vol. 1*, New York, Oxford Univ. Press, 2007, 149 p.
- Structure of the court decision*, 30.12.2010, available at: http://kazansky.tum.sudrf.ru/modules.php?did=13&name=press_dep&op=3 (accessed August 29, 2022). (in Russ.).
- Yartsev R.A. For the crane or tit (to the typology of scientists), *Herald of Vyatka State University*, 2019, no. 4 (134), pp. 16-24. DOI 10.25730/VSU.7606.19.050. (in Russ.).
- Yartsev R.A. *Method of Science*, Beau Bassin, LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2018, 205 p. (in Russ.).

Yartsev R.A. The Dualism of Common Sense as the Basis of Scientific Rationality, *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*, 2015, no. 3-4, pp. 187-197. (in Russ.).

Yartsev R.A. The Gettier Problem from a Position of Rational Skepticism, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 7-24. DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_7. (in Russ.)

Zagzebski L. Epistemic Authority: Modern Liberal Defense, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 53, no. 3, pp. 92-107. DOI 10.5840/eps201753350. (in Russ.).

Zagzebski L. *Epistemic Values: Collected Papers in Epistemology*, New York, Oxford Univ. Press, 2020, 364 p.

Zagzebski L. The Lesson of Gettier, R. Borges, C. de Almeida, P.D. Klein (eds.) *Explaining Knowledge: New Essays on the Gettier Problem*, New York, Oxford Univ. Press, 2017, pp. 179-190.

Zagzebski L. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*, New York, Cambridge Univ. Press, 1996, 365 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рустэм Альбертович Ярцев

доктор философских наук, профессор
кафедры автоматизированных систем
управления Уфимского университета
науки и технологий (УУНИТ),
г. Уфа, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8044-7480>;
SPIN-код: 1585-9373;
E-mail: rust-66@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rustem A. Yartsev

Doctor of Philosophy, Professor of the
Department of automated control systems,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8044-7480>;
SPIN-code: 1585-9373;
E-mail: rust-66@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Шавеко Н.А. Этнокультурная справедливость и мультикультурализм. DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_53 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 53–65.

УДК 323.1

DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_53

Этнокультурная справедливость и мультикультурализм

Николай Александрович Шавеко

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: shavekonikolai@gmail.com

*Поступила в редакцию 09.03.2022, поступила после рецензирования 07.04.2022,
принята к публикации 08.07.2022*

Современные общества характеризуются культурным многообразием, что порождает потребность в нахождении справедливых принципов урегулирования возникающих в связи с этим разногласий. Целью статьи является анализ концепции мультикультурализма как возможного решения проблемы этнокультурной справедливости. Автором проводится критика тезисов, высказываемых в защиту мультикультурализма. На основе осуществленного анализа делаются выводы о том, что: 1) толерантность неизбежно имеет свои пределы, устанавливаемые единой для всех политической культурой; 2) ценность культурного многообразия не следует преувеличивать – ее нужно соотносить с другими ценностями; 3) равноправными являются не культуры, а их носители, поэтому невозможно постулировать неотчуждаемое право каждой культуры на сохранение и развитие. Одновременно приводится ряд оснований, по которым нужно обеспечивать сохранение и развитие культурного

© Шавеко Н.А., 2022

многообразия: 1) относительная ценность культурного многообразия как такового; 2) роль защиты меньшинств и коренных народов, иммигрантов и иных сообществ с уникальной культурой в обеспечении социальной стабильности, мира и безопасности; 3) сохранение исторического и культурного наследия; 4) исправление исторических несправедливостей. Политика, учитывающая указанные основания, характеризуется как «мягкий» мультикультурализм.

Ключевые слова: мультикультурализм, этнические меньшинства, национальные меньшинства, межэтнические конфликты, межнациональные конфликты, коренные народы, иммигранты, справедливость

Ethno-Cultural Justice and Multiculturalism

Nikolai A. Shaveko

Institute of Philosophy and Law Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

E-mail: shavekonikolai@gmail.com

Received 09.03.2022, revised 07.04.2022, accepted 08.07.2022

Abstract. Contemporary societies are characterized by cultural, ethnic and religious diversity, which creates the need to find fair principles for resolving differences arising on the basis of such diversity. The purpose of the article is to consider the validity of the concept of multiculturalism as a solution to the problem of ethno-cultural justice. The article criticizes the theses expressed in the scientific literature in defense of multiculturalism. In particular, it is demonstrated that: 1) tolerance inevitably has its limits set by a single political culture for all, 2) the value of cultural diversity (in particular, its importance for personal development) should not be exaggerated, while it should be correlated with other values; 3) it is not cultures that should be considered equal, but their bearers; and since the rights of groups are derived from the rights of individuals, it is impossible to postulate the inalienable right of each culture to preserve and develop. The specifics of the activation of ethnic and regional identities are analyzed, as well as alternative ways of multiculturalism to prevent interethnic and intercultural conflicts. At the same time, a number of arguments are given, according to which the preservation and development of cultural diversity should still be ensured (the significance of these arguments is always conditional): 1) the relative value of cultural diversity as such; 2) the role of the protection of minority and indigenous peoples, immigrants and other communities with a unique culture in ensuring the political and social stability of states, peace and security; 3) the preservation of historical and cultural heritage; 4) correction of historical injustices (at the same time, the conditions under which affirmative action can be justified are called). A policy that takes into account these arguments is justified by the author as a healthy “soft” variant of multiculturalism.

Keywords: multiculturalism; ethnic minorities; national minorities; interethnic conflicts; indigenous peoples; immigrants; justice

For citation: Shaveko N.A. Ethno-Cultural Justice and Multiculturalism, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 53-65. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_53.

Культурное многообразие современного мира вынуждает искать морально обоснованные принципы национальной, миграционной, религиозной политики, а также принципы урегулирования разногласий, возникающих на этнической, религиозной и т.п. почве. Идеал должного социального регулирования в культурной сфере может быть обозначен как этнокультурная справедливость. В рамках настоящей статьи предпринимается попытка осмыслить только одно из возможных решений проблемы этнокультурной справедливости, а именно концепцию мультикультурализма, суть которой заключается в признании, поддержке и развитии культурного многообразия.

Мультикультурализм как государственная политика известен с глубиной древности (например, империя Ахеменидов), и сегодня его придерживается целый ряд стран (например, Канада и Австралия). Наиболее известными сторонниками мультикультурных взглядов можно назвать У. Кимлику (см.: Кимлика 2010: 413-467) и Б. Пареха (Parekh 2000). Политика мультикультурализма обычно противопоставляется политике «плавильного котла», направленной на «сплавление» всех этнических культур в единую национальную культуру. Вместе с тем названные два варианта не исчерпывают многообразия возможной культурной политики. Так мультикультурализм нужно отличать от консерватизма, который также поддерживает традиционные ценности сообществ, но зачастую не допускает инакомыслия внутри последних. Кроме того, мультикультурализм нельзя полностью отождествлять с политикой защиты меньшинств и отстаиванием групповых прав, хотя во многом это пересекающиеся явления. По нашему мнению, мультикультурализм можно кратко обозначить как теоретический взгляд, согласно которому, во-первых, с культурным разнообразием не следует бороться, во-вторых, такое разнообразие нужно не просто защищать, но также и стимулировать, обеспечивая развитие существующих и появление новых культур.

Проблемные места мультикультурализма. Аргументами в защиту мультикультурализма служат толерантность, равноправие культур, самоценность культурного многообразия. Вместе с тем с каждым из этих доводов возникают проблемы.

В первую очередь хотелось бы отметить, что в какой бы форме ни происходила поддержка этнических, религиозных и иных культур, если при этом речь идет о финансировании государством определенных мероприятий либо о финансовых потерях, которые вынуждено нести государство, возникают обоснованные контрдоводы экономического характера, связанные с тем, что никто не хочет спонсировать дорогостоящие практики других лиц. Одна из проблем мультикультурализма состоит в том, что поддержка культурного разнообразия требует финансовых затрат, а потому всегда происходит за счет пренебрежения какими-то другими целями (Уолцер 2000: 52). Зачастую мультикультуралистское «стремление к самобытности оборачивается требованием неоправданных привилегий» (Мартьянов 2006: 67). Поэтому выгоды мультикультурализма, если таковые и имеются, следует соотносить с издержками его реализации.

Не абсолютен и аргумент мультикультуралистов в пользу толерантности. Так, очевидно, что любая толерантность имеет свои границы. Например, мы не должны относиться толерантно к экстремистским воззрениям и практикам. В контексте мультикультурализма проблема толерантности состоит в том, что ее границы сами по себе означают наличие некоей общей политической культуры, которая неизбежно навязывается этническим и иным сообществам и преобразует их собственные культуры. Вот почему доведенная до абсурда толерантность расценивается некоторыми учеными как размывающая сложившиеся устои и идентичности и тем самым угрожающая социальной стабильности (Русских 2013: 174). Степень же культурного единства, в котором мы нуждаемся для обеспечения стабильности и т.п. целей, может накладывать ограничения на мультикультурную политику.

Прояснения требует и тезис о ценности культурного разнообразия. Так, вряд ли можно согласиться с мнением, что само существование различных культур необходимо для осмысленного и свободного выбора (Кимлика 2010: 429), и на этом шатком основании нести общегосударственные траты на поддержание культур этнических меньшинств и коренных народов. Представляется верным тезис, согласно которому «ничто не мешает автономии личности в достаточной мере проявиться в рамках единой культурной группы» (Уолцер 2000: 25-26). Личность при этом не лишена возможности знакомства с другими культурами, которые не окружали ее с самого детства. Соответственно, культурное разнообразие хотя и имеет некоторую ценность, но эту ценность не следует преувеличивать.

На наш взгляд, особенно проблематично мультикультурализм выглядит в свете того, что сами носители определенных культур не всегда заинтересованы в сохранении своих культурных особенностей. Действительно, различные этнические группы имеют разный уровень сплоченности и разные потребности в самосохранении, в связи с чем теряется смысл в их равной поддержке. Неслучайно ст. 14 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств Совета Европы (1995) обуславливает обучение языкам нацменьшинств и обучение на языке своего меньшинства «достаточной потребностью в этом»¹.

Исследователи отмечают, что этническая идентичность, как правило, не актуализирована, если о ней специально не заходит речь: гораздо важнее для людей семейное или профессиональное самоопределение; акцентированная этническая идентичность в России – это, хоть и «живой», но все же рудимент, свойственный скорее низшему классу, пожилым сельским жителям (Дробужева 2003: 50-53, 58; Сагитова 2003: 91, 110-111). Утверждается, что у бывших граждан СССР этнической идентичности или нет вовсе, или она практически незначима (Воронков 2002: 43).

Примером могут служить восточно-финские народы, весьма слабо откликающиеся на призывы к пробуждению собственного самосознания и

¹ Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств ETS N 157 (Страсбург, 1 февраля 1995 г.). Ст. 14. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540487/>

к культурному развитию (Калинин 2000: 87). Этнический нигилизм (отрицание ценности своего собственного этноса и его культуры) и стремление к ассимиляции – настоящий бич восточно-финских народов (Калинин 2000: 101, 115-118).

Миноритарные языки зачастую добровольно не передаются их носителями следующим поколениям. По-видимому, это связано с тем, что при всем уважении к ним такие языки не смогут получить столь же престижного статуса, как общегосударственный язык-медиатор либо язык международного общения (Наумов 2016: 26).

Как правило, конфликты на этнической почве возникают лишь при обострении классовых противоречий или на фоне экономических и социальных кризисов (Геллнер 2002: 177-178, 196-198). Такие кризисы могут быть вызваны, например, военным конфликтом или массовой иммиграцией. Но этничность сама по себе является скорее формой, чем причиной конфликта. Если же отсутствуют экономические и прочие причины, этническая идентичность не актуализируется. Поэтому нельзя не отметить, что, хотя этническая риторика и имеет определенную опору в массах, она зачастую намеренно актуализируется влиятельными социальными группами, в том числе СМИ и властными элитами, в качестве инструмента социальной инженерии, политической манипуляции, средства поддержания системы господства-подчинения (см.: Сагитова 2003: 77, 79, 82; Мартъянов 2005: 246). Таким образом, именно искусственная актуализация, а вовсе не игнорирование этничности, становится причиной конфликтов.

В науке ведется спор между примордиалистами, которые видят причины появления этноса в общей территории, истории, культуре, языке, психике, и конструктивистами, усматривающими эти причины в длительном господстве определенных идеологий (национализма, колониализма и пр.) и социальных практик (политической, пропагандистской деятельности и пр.), причем конструктивистская парадигма сегодня пользуется явным преимуществом (Семёнов 2008: 18-20). Формирование региональных идентичностей ученые также объясняют взаимодействием исторических, ситуационных и политических факторов, при этом последние характеризуются как наиболее значимые (Гельман, Попова 2003: 187-194).

С учетом вышеизложенного радикальные исследователи задаются вопросом: «Действительно ли, например, столь ценно сохранение исчезающих культур или поддержка культур “слабых”?» (Воронков 2002: 46). Ведь не менее обоснованным, чем мультикультурализм, способом преодоления уязвимого положения этнических меньшинств могло бы стать финансирование программ их интеграции в общегражданскую культуру. К тому же ассимиляционные процессы для многих народов, чья этнокультурная идентичность не актуализирована, могут пройти весьма безболезненно.

Отдельное внимание хотелось бы уделить рассмотрению тезиса мультикультуралистов о необходимости обеспечения равноправия культур. По нашему мнению, это несколько сомнительный тезис. Ведь ключевым доводом против мультикультурализма как раз является то, что самоценными следует считать не нации или культуры, а индивидов. Если публичные

образования и юридические лица являются субъектами права наравне с индивидами, то это не означает, что они обладают равной с ними ценностью: напротив, они существуют только во благо человека, являющегося высшей ценностью (см. ст. 2 Конституции Российской Федерации)¹. Группы, нации и культуры имеют ценность, производную от их представителей и носителей. М. Уолцер верно отмечает: «Плюрализм сам по себе не имеет мощи для выживания, это зависит от энергии, энтузиазма, сплоченности внутри составных групп» (Walzer 1980: 784, перевод наш. – *Н. Ш.*). В конечном счете поддерживать можно группы, образованные по самым разным, не обязательно этническим или культурным критериям, причем по самым разным основаниям. Существование групп связано с правом индивидов реализовывать свои личные жизненные стратегии (которое, конечно, может быть ограничено), и ущемление тех или иных групп необходимо интерпретировать как ущемление этого права (Luban 2018: 434-440). Отсюда следует, что ценность миноритарных культур производна от ценности людей, поддерживающих и воспроизводящих эти культуры. Это означает, что нет никакой равноценности групп – есть только равноценность индивидов. Точно так же нет никакой равноценности культур – есть только равноценность их носителей.

Один из продуктивных способов осмыслить права групп в этом ключе состоит в том, чтобы концентрироваться не на культурных, а на структурных различиях. Так, например, К. Юнг указывает, что культурная идентичность может конструироваться как реакция на некоторые структурные (в том числе исторически обусловленные) несправедливости (см.: Jung 2009). Защищая интересы членов той или иной группы, мы не столько поддерживаем их самобытную культуру, сколько признаем тот факт, что сама по себе актуализация групповой идентичности произошла ввиду структурного неравенства между индивидами, поставившего в невыгодное положение образующих эту группу лиц, и пытаемся устранить данное неравенство.

Одновременно следует признать, что если мы считаем правильным предоставить человеку право не только выбирать между заранее определенными традициями и верованиями, но и идти своим уникальным жизненным путем, то ослабление прежних групповых идентичностей будет попросту неизбежно. «Влияние групп на своих членов ныне слабее, чем когда бы то ни было», – пишет М. Уолцер (Уолцер 2000: 104), отмечая, что и помощь со стороны групп их членам в трудных жизненных ситуациях тоже может оказаться весьма слабой (Уолцер 2000: 118-119). Однако это является поводом не для искусственного поддержания прежних культур и идентичностей, а скорее для развития новых (на чем мультикультуралисты, как правило, внимание не акцентируют).

Возможные обоснования мультикультурализма. Несмотря на вышеизложенное, мультикультурализм не следует сбрасывать со счетов. Действительно, существующие международные нормативно-правовые акты,

¹ Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. URL: <http://duma.gov.ru/news/55446/>

а также внутригосударственные нормативно-правовые акты Российской Федерации направлены не только на сохранение, но и, со всей очевидностью, на развитие и укрепление этнокультурной самобытности. Ниже мы рассмотрим возможные теоретические обоснования такой политики.

1. Нормативно-правовые акты обычно подчеркивают ценность культурного разнообразия для всестороннего развития общества, предполагая ее общепризнанной, но к вопросам финансирования программ по сохранению и развитию культурного многообразия подходят крайне осторожно. Нерешенным остается вопрос, в чем именно должно состоять желаемое культурное многообразие. Конечно, можно было бы предоставить меньшинствам право самим избирать свой путь и таким образом самим определять ценность существующих практик. Однако, по крайней мере в России с ее налоговой системой, регионы зачастую лишены возможности вести самостоятельную экономическую политику, выделять денежные средства на собственные образовательные программы и т.п. меры по поддержанию своей культуры (Сагитова 2003: 101). Изменение же бюджетной системы должно соотноситься с целью обеспечения политической стабильности государства. Несмотря на то, что двумя международными пактами 1966 г. установлено право всех народов свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами, и благодаря этому обеспечивать свое культурное развитие, ни один из международно-правовых актов не гарантирует право этнических меньшинств и коренных народов на природные ресурсы, которые не связаны с традиционным укладом данных групп¹. В свою очередь установление материальной и иной компенсации коренным народам в связи с их переселением или отнятием их ресурсов не тождественно защите их культур. В результате способом сохранения культурного многообразия может стать поддержка не этнических культур, а, например, определенных субкультур и объединений, мероприятий и движений, жанров, направлений и видов искусства, науки, спорта и даже религий (то есть всего, что необязательно связано с этничностью). Цель при этом будет достигнута, но иными средствами.

2. Помимо этого, в международных нормативно-правовых актах часто упоминается роль защиты меньшинств и коренных народов в обеспечении политической и социальной стабильности государств, безопасности, мира и дружбы среди народов². Здесь речь идет уже не о собственной ценности культур меньшинств, а о том, что эту ценность большинству приходится признавать лишь для того, чтобы путем избегания межэтнических конфликтов утвердить общую ценность, а именно общественный порядок.

¹ См., напр.: Декларация ООН о правах коренных народов, принятая резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 сентября 2007 г. Ст. 26. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml

² См., напр.: Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml

Но тогда защита культур меньшинств представляет лишь *modus vivendi*, а не действительный консенсус относительно исповедуемых ценностей. Более того, нельзя забывать, что не только подавление, но и актуализация этничности может повредить стабильности. Поэтому, как правило, те же самые правовые документы придают особое значение общей интеграционной политике государств и не допускают защиты языков меньшинств в ущерб государственному языку. Обеспечение участия этнических меньшинств в культурной, экономической и социальной жизни нередко объясняется необходимостью установления равенства возможностей, но совершенно очевидно, что такое равенство следует обеспечивать не только по этническому признаку, но и по многим другим; одновременно сама степень равенства возможностей является предметом острых научных дискуссий. Действительная причина заботы именно об этнических меньшинствах состоит в стремлении избегать взрывоопасных ситуаций, нарушающих устойчивость существующего порядка. Так, например, политика затушевывания межэтнических конфликтов и создания нового, советского народа при появлении признаков слабости центральной власти обернулась «парадом суверенитетов» и распадом СССР (Холики, Рахимов 2013: 192).

Показательно, что в закрепленном в международных актах положении иммигрантов не предусмотрено право на содействие в развитии их культур; прочный консенсус сложился лишь относительно необходимости политики включения (интеграции) иммигрантов в общенациональную культуру. Правда, иногда подчеркивается, что речь должна идти скорее о политической, чем об этико-культурной аккультурации (Хабермас 1995: 243). Так или иначе, сказанное демонстрирует, что довод о том, что культурное многообразие ценно само по себе, нуждается в критическом анализе. Понятие интеграции (включения) иммигрантов подразумевает установление тесных связей с принимающим обществом, причем (в отличие от ассимиляции) без отказа от своей идентичности. Но на практике установление таких связей предполагает принятие новой общегражданской (надэтнической) культуры. Ведь, как показал Э. Геллнер в вышедшей в 1983 г. работе «Нации и национализм», именно для обеспечения экономических взаимодействий эта национальная «высокая» культура и появляется. Конечно, отдельные этносы при этом не дискриминируются, но происходит их естественное угасание. И если граждане государства имеют хотя бы возможность привнести что-то свое в общегражданскую культуру, то права иммигрантов в этом отношении сильно ограничены. Таким образом, проблема иммиграции показывает, что решающим доводом при поддержке тех или иных культур меньшинств в действительности является политическая стабильность, а не ценность культурного многообразия.

Вопрос в том, всегда ли мультикультурализм содействует стабильности. Конечно, поддержка региональных и локальных особенностей, связанных со следованием определенным концепциям блага, вполне допустима в той мере, в какой это не вредит или даже содействует общенациональной политической стабильности. Но какова собственная ценность некоторой региональной/локальной сплоченности в рамках уже установленной обще-

национальной сплоченности и не подрывает ли первая вторую? Подобные вопросы, как представляется, демонстрируют неуниверсальность мультикультурализма как средства достижения политической, социальной и иной стабильности.

3. Содействие культурной самобытности может быть также уподоблено тому, как лишь некоторые архитектурные формы охраняются в качестве исторического и культурного наследия, что учитывается при составлении документов территориального планирования. При таком толковании один главных аргументов в поддержку культур меньшинств, помимо отсылки к положительным следствиям культурного многообразия и к действенным способам обеспечения стабильности государства, состоит в ценности исторического наследия. В преамбуле Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств 1992 г. говорится о том, что некоторые из исторических региональных языков или языков меньшинств Европы находятся под угрозой возможного исчезновения¹. В этом случае весьма скромным аргументом в пользу сохранения этнического многообразия выступает ценность этнических культур как живых исторических памятников. Однако, как верно заметил Ю. Хабермас, принцип консервации невозможно в полной мере перенести на культуру, так как сохранение определенных форм жизни зависит от того, насколько сами их носители убеждены в необходимости сохранения и воспроизводства этих форм (Хабермас 2008: 359), в противном случае от культуры действительно останутся лишь материальные памятники.

4. Наконец, последний довод, который можно привести в пользу сохранения и развития культур, связан с так называемой позитивной дискриминацией или аффирмативным действием. О необходимости исправления исторических несправедливостей говорится, например, в преамбуле Декларации ООН о правах коренных народов. Вместе с тем прежние исторические несправедливости не всегда оправдывают позитивную дискриминацию. Группа, которой сегодня оказывается особое содействие, должна действительно претерпевать последствия имевшей место ранее дискриминации (осуществлявшейся, например, в отношении прямых предков членов этой группы). Кроме того, группы, за счет которых сейчас осуществляется такое аффирмативное действие, должны действительно пользоваться теми благами, которые стали возможными ввиду имевшей место ранее дискриминации². Однако, и в этом случае позитивной дискриминацией не следует злоупотреблять. Вот лишь несколько причин. Во-первых, по своему характеру она очень приблизительна и касается лишь абстрактных социальных групп, не будучи способной исправить исторические несправедливости в отношении отдельных индивидов. Во-вторых, возможно, что у тех, за счет

¹ См.: Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств ETS N 148 (Страсбург, 5 ноября 1992 г.). URL: <https://base.garant.ru/2541055/>

² Так, Т. Погге указывает, что современные богатые страны получают выгоды от ранее существовавших исторических несправедливостей: рабства, колониализма, геноцида, а также от навязывания другим странам условий ВТО (см.: Погге 2005).

кого осуществляется позитивная дискриминация, имеются свои собственные основания для позитивной дискриминации. В-третьих, неграмотно выстроенная позитивная дискриминация не способна достичь своей цели – выравнивания возможностей (так, льготы при поступлении в вуз не должны перерасти в поправки в процессе обучения, влияющие на его качество). В-четвертых, позитивная дискриминация не должна противоречить основным правам и свободам человека и гражданина (в частности, правам и свободам первого и второго поколений).

Выводы. Таким образом, мы видим, что концепция мультикультурализма в целом имеет под собой не так много нормативных оснований, по крайней мере, в своих радикальных и «жестких» трактовках. Вместе с тем полнейшее безразличие к положению культур также не является адекватной политической стратегией. Поэтому, мы можем говорить об обоснованности некоторого варианта «мягкого» мультикультурализма, в рамках которого, во-первых, хотя и признается значимость доводов в пользу поддержки (в том числе финансовой) различных культур, данная значимость все же считается относительной и, во-вторых, в любом случае отвергается тезис о равной ценности культур в пользу тезиса о равной ценности их носителей.

Мы не оспариваем, в отличие от противников категории коллективных прав, тот факт, что этносы и им подобные культурные общности могут рассматриваться в качестве субъектов права. Но это не означает, что они действительно имеют право на равные возможности для развития. Рассмотрение проблем, связанных с этнокультурной справедливостью, показывает, что точно так же, как человек не имеет права вести абсолютно любой образ жизни, требуя от государства поддержки, отдельные этносы или коренные народы не имеют абсолютно гарантированного права на сохранение своих культур и общественно-политических устоев. В конечном счете они имеют право лишь на выбор того или иного пути, но, делая этот выбор, должны принимать и его последствия. В этой связи нельзя не отметить, что этнические культуры – это, как правило, плод аграрного общества, которое по меткому замечанию Э. Геллнера «больше не является предметом выбора, потому что его реставрация просто-напросто обречет подавляющее большинство человечества на голодную смерть» (Геллнер 1991: 95). Негативные последствия индустриализации несут все люди, и каждому – и жителю мегаполиса, и оленеводу Крайнего Севера – приходится подстраиваться под новые реалии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Воронков В. 2002. Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под. ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. Москва : Институт этнологии и антропологии РАН. С. 38-47.
- Геллнер Э. 1991. Нации и национализм. Москва : Прогресс. 320 с.
- Геллнер Э. 2002. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. Москва : Праксис. С. 146-200.

Гельман В., Попова Е. 2003. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. Санкт-Петербург ; Москва : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге : Летний сад. С. 187-254.

Дробужева Л. 2003. Российская, этническая и республиканская идентичность: конкуренция или совместимость // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. Санкт-Петербург ; Москва : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге : Летний сад. С. 47-76.

Калинин И.К. 2000. Восточно-финские народы в процессе модернизации. Москва : Наука. 176 с.

Кимлика У. 2010. Современная политическая философия: введение. Москва : Издат. дом Гуманит. ун-та – Высш. шк. экономики. 592 с. (Полит. теория).

Мартьянов В.С. 2005. Справедливы ли этнонациональные деконструкции современных наций? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. № 6. С. 244-257.

Мартьянов В.С. 2006. Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике // Полис. Политические исследования. № 4 (94). С. 61-73. DOI 10.17976/jpps/2006.04.07.

Наумов Ф.В. 2016. Модели языковой политики в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. № 1 (21). С. 21-30. DOI 10.17223/22220836/21/3.

Русских Л.В. 2013. Мультикультурализм: интеграция или раскол? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 1. С. 173-175.

Сагитова Л. 2003. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. Санкт-Петербург ; Москва : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге : Летний сад. С. 77-124.

Семёнов Ю.В. 2008. Православие и язычество в этническом самосознании восточно-финских народов. Дореформенный период (историко-философский аспект). Ижевск ; Екатеринбург : Изд-во Ин-та экономики УрО РАН. 216 с.

Уолцер М. 2000. О терпимости. Москва : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги. 160 с.

Хабермас Ю. 1995. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. Москва : КАМІ : Academia. 252 с.

Хабермас Ю. 2008. Вовлечение другого: Очерки политической теории. Санкт-Петербург : Наука. 417 с.

Холики А., Рахимов Н.Т. 2013. Межэтнические отношения в Средней Азии: история и тенденции // Вестник ТГУПБП. № 3 (55). Р. 186-195.

Jung C. 2009. Critical liberalism // Political Representation / Ed. by I. Shapiro, S.C. Stokes, E. Jean Wood, A. S. Kirshner. Cambridge : Cambridge Univ. Press. P. 139-158.

Luban D. 2018. Group Rights, Group Intentions, and the Value of Groups // Journal of Genocide Research, Vol. 20. P. 434-440. DOI 10.1080/14623528.2018.1445422.

Parekh B.C. 2000. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press. XII, 379 p.

Pogge T. 2005. World Poverty and Human Rights // Ethics & International Affairs. Vol. 19, iss. 1. P. 1-7. DOI 10.1111/j.1747-7093.2005.tb00484.x.

Walzer M. 1980. Pluralism: a political perspective // Harvard encyclopedia of American ethnic groups. Harvard. P. 781-787.

References

- Drobizheva L. Russian, ethnic and Republican identity: competition or compatibility, V. Gelman, T. Khopf (eds.) *Tsentr i regional'nye identichnosti v Rossii*, St. Petersburg, Moscow, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Letniy sad, 2003, pp. 47-76. (in Russ.).
- Gellner E. *Nations and nationalism*, Moscow, Progress, 1991, 320 p. (in Russ.).
- Gellner E. The advent of nationalism. Myths of the nation and class, B. Anderson, O. Bauer, M. Khrokh et al. *Natsii i natsionalizm*, Moscow, Praksis, 2002, pp. 146-200. (in Russ.).
- Gelman V., Popova E. Regional Political Elites and Strategies of Regional Identity in Modern Russia, V. Gelman, T. Khopf (eds.) *Tsentr i regional'nye identichnosti v Rossii*, St. Petersburg, Moscow, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Letniy sad, 2003, pp. 187-254. (in Russ.).
- Habermas J. *Democracy. The mind. Morality: Moscow lectures and Interviews*, Moscow, KAMI, Academia, 1995, 252 p. (in Russ.).
- Habermas J. *Inclusion of the Other: Studies in Political Theory*, St. Petersburg, Nauka, 2008, 417 p. (in Russ.).
- Jung C. Critical liberalism, I. Shapiro, S.C. Stokes, E. Jean Wood, A. S. Kirshner (eds.) *Political Representation*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2009, pp. 139-158.
- Kalinin I.K. *East Finnish peoples in the process of modernization*, Moscow, Nauka, 2000, 176 p. (in Russ.).
- Kholiki A., Rakhimov N.T. Interethnic Relations in Middle Asia: History and Tendencies, *Bulletin of TSULBP*, 2013, no. 3 (55), pp. 186-195. (in Russ.).
- Kymlicka W. *Contemporary political philosophy. An Introduction*, Moscow, Izdatel'skiy dom Gumanitarnogo universiteta – Vysshey shkoly ekonomiki, 2010, 592 p. (in Russ.).
- Luban D. Group Rights, Group Intentions, and the Value of Groups, *Journal of Genocide Research*, 2018, vol. 20, pp. 434-440. DOI 10.1080/14623528.2018.1445422.
- Martianov V.S. On Conditions of Emergence of Justice Theory in Russian Politics, *Polis. Political Studies*, 2006, no. 4 (94), pp. 61-73. DOI 10.17976/jpps/2006.04.07. (in Russ.).
- Martianov V.S. Spravedlivy li etnonatsional'nye dekonstruktsii sovremennykh natsiy? *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2005, no. 6, pp. 244-257. (in Russ.).
- Naumov Ph.V. Models of Language Policy in Multiculturalism, *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2016, no. 1 (21), pp. 21-30. DOI 10.17223/22220836/21/3. (in Russ.).
- Parekh B.C. *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*, Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 2000, xii, 379 p.
- Pogge T. World Poverty and Human Rights, *Ethics & International Affairs*, 2005, vol. 19, iss. 1, pp. 1-7. DOI 10.1111/j.1747-7093.2005.tb00484.x.
- Russkikh L.V. Multiculturalism: Integration or a Split? *Bulletin of South Ural State University. Series "Humanities and Social Sciences"*, 2013, no. 1, pp. 173-175. (in Russ.).
- Sagitova L. Regional identity: social determinants and constructivist media activity (on the example of the Republic of Tatarstan), V. Gelman, T. Khopf (eds.) *Tsentr i regional'nye identichnosti v Rossii*, St. Petersburg, Moscow, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Letniy sad, 2003, pp. 77-124. (in Russ.).
- Semenov Yu.V. *Orthodoxy and paganism in the ethnic consciousness of the Eastern Finnish peoples. Pre-Reform period (historical and philosophical aspect)*, Izhevsk ; Yekaterinburg, Izdatel'stvo Instituta ekonomiki UrO RAN, 2008, 216 p. (in Russ.).

Voronkov V. Multiculturalism and deconstruction of ethnic borders, *V.S. Malakhov, V.A. Tishkov (eds.) Mul'tikul'turalizm i transformatsiya postsovetskikh obshchestv*, Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN, 2002, pp. 38-47. (in Russ.).

Walzer M. *On Toleration. Castle Lectures in Etics, Politics and Economcs*, Moscow, Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi, 2000, 160 p. (in Russ.).

Walzer M. Pluralism: a political perspective, *Harvard encyclopedia of American ethnic groups*, Harvard, 1980, pp. 781-787.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Александрович Шавеко

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5481-7425>;
ResearcherID: K-4637-2018;
SPIN-код: 3004-0891;
E-mail: shavekonikolai@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Shaveko

Candidate of Law Sciences, Senior researcher Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5481-7425>;
ResearcherID: K-4637-2018;
SPIN-код: 3004-0891;
E-mail: shavekonikolai@gmail.com

Булипопова Е.В. Эвристические возможности теории архетипов в политической науке. DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_66 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 66–90.

УДК 32

DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_66

Эвристические возможности теории архетипов в политической науке

Екатерина Валерьевна Булипопова

независимый исследователь

г. Тирасполь, Приднестровье/Молдова

E-mail: aerocat@inbox.ru

Поступила в редакцию 29.09.2022, поступила после рецензирования 17.10.2022, принята к публикации 01.11.2022

В статье предпринимается попытка анализа возможностей и ограничений применения юнгианской теории архетипов в проблемном поле современной политической науки. Понятиям «архетип» и «архетипика» автор дает собственные определения в русле юнгианской теории. В статье описываются основные компоненты юнгианской теории архетипов, специфическая психодинамика, сопровождающая проявления архетипического в психологическом пространстве индивида или группы. Приводится краткое описание основных архетипов, выделенных Юнгом и ставших опорными концептами так называемой карты коллективной души, с помощью которой, по убеждению автора, можно исследовать мифологию самых разных сообществ. Карта души, по Юнгу, характеризуется как добротный инструмент для первичной ориентации «на мифологической местности», в пространстве коллективного бессознательного. На любой архетипической коллективной территории всегда можно обнаружить области Тени (архетипического другого, в негативном изводе – врага) и Самости (идеального мира или желанного будущего), области Эго (нашего понимания себя) и Персоны (нашей роли в мире). Понимание теории глубинных комплексов и роли символа в процессе преодоления архетипических конфликтов, по мнению автора, способствует и продвижению политической науки к постижению архетипической основы поведения масс, и эффективной практике миротворчества. В статье выделяются три подхода к дефинированию и применению термина «архетип», характерных для современной отечественной научной мысли: формальный, дуалистический и динамический. И хотя каждый из данных подходов релевантен для тех задач, которые поставлены исследователями, автор приходит к выводу, что в целом определение архетипа и подходы к его феноменологии зачастую формализованы и упрощены по сравнению с оригинальным понятием архетипа в юнгианстве. Таким образом, привлечение классической, без купюр теории архетипов в качестве

© Булипопова Е.В., 2022

методологической основы для исследования некоторых аспектов политического (например, политической мифологии, культуры, психологии и т.п.) способно значительно расширить возможности политической теории в вопросах анализа, моделирования и прогнозирования массовых политических процессов.

Ключевые слова: архетип, теория архетипов, юнгианство, политическая теория, мифология, политическая мифология, психология масс, политическая психология

Heuristic Possibilities of the Archetype Theory in the Political Science

Ekaterina V. Bulipopova

Independent Researcher,
Tiraspol, Transnistria/Moldova
E-mail: aerocat@inbox.ru

Received 29.09.2022, revised 17.10.2022, accepted 01.11.2022

Abstract. The article attempts to analyze the possibilities and limitations of the Jungian theory of archetypes for application in political science. The author gives her own definitions for the concepts of “archetype” and “archetypal space”, following the Jungian theory. It is proved that there is a number of aspects in the classical theory of K. G. Jung, which are missed by the modern way of using the term, but can be useful in political science. The article describes the main components of the Jungian theory of archetypes, the specific psychodynamics that accompanies manifestations of the archetypal in psychological space of an individual or a group. The author gives a brief description of the main archetypes identified by Jung, which became the basic concepts of so-called “collective soul map” – theoretic model that could be used to explore the mythology of various communities. According to Jung, the map of the soul is a good tool for primary orientation “on the mythological territory” or in the space of the collective unconscious. In any archetypal collective territory, one can always find the areas of the Shadow (the archetypal other, in a negative version – the enemy) and the Self (the ideal world or the desired future), the areas of the Ego (the way in which we understand ourselves) and the Person (the way we understand our role in the world). According to the author, understanding the essence of the deep complexes theory and role of the symbols in the process of overcoming archetypal conflicts contributes to the advancement of political science to comprehend the archetypal basis of mass behavior and the effective practice of peacemaking. Further, the author compares the content of the original (Jungian) theory of archetypes and the tradition of using this concept established in political science. There are three approaches to the definition and application of the term “archetype” in Russian social sciences – formal, dualistic and dynamic. Although each of the approaches is relevant for the tasks set by the researchers, the author comes to the conclusion that, in general, the definition of an archetype and approaches to its phenomenology are often formalized and simplified compared to the original concept of an archetype in Jungian theory. Thus, the involvement of the classical, uncut theory of archetypes as a methodological basis for the political studies in certain cases (for example, political mythology, culture, psychology, etc.) can significantly expand the possibilities of political theory in the analysis, modeling and forecasting.

Keywords: archetype; archetype theory; Jungian theory; political theory; mythology; political mythology; mass psychology; political psychology

For citation: Bulipopova E.V. Heuristic Possibilities of the Archetype Theory in the Political Science, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 66-90. DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_66 (in Russ.).

Термин «архетип» сегодня широко и активно используется в науке, в том числе политической. Тем не менее стоит отметить, что определение архетипа и подходы к его феноменологии в политической культуре зачастую формализованы и упрощены по сравнению с оригинальным понятием архетипа в юнгианстве. Такая ситуация вполне объяснима, поскольку исходное понятие «архетип», сформировавшееся в рамках аналитической психологии, отражает сложный феномен глубинной психической реальности, связанный с другими концептами теории архетипов, которым пока не нашлось места в пространстве социогуманитарных наук. В настоящей статье мы хотели бы вернуться к исходной теории архетипов, чтобы «добрать» смыслов и теоретических конструкций, имеющих, как нам представляется, познавательную ценность для политологии.

Актуальность подобного обращения к первоисточникам диктует как минимум само историческое время со всеми его противоречиями и эпохальными событиями. По словам К.Г. Юнга, область активности архетипов – это «большие исторические процессы»; «то, из чего действительно состоит бессознательное, – великие коллективные события времени» (Юнг 2010: 173). Возможно, юнгианский подход к анализу процессов коллективного бессознательного поможет хотя бы частично найти теоретико-методологическую опору для исследования процессов, которые невозможно понять с помощью обычной логики. Логика мифа, сна или, если угодно, коллективного бреда, хорошо изученная в рамках глубинного психоанализа, может оказаться полезным инструментом для исследования коллективной политической реальности, потерявшей рациональный разум и переполненной эмоциями. О востребованности материала говорят и новые труды западных ученых в русле юнгианской парадигмы и психоанализа коллективной души (см.: Carta, Kiehl 2021; Gewehr, Palmeira 2019). В обществе есть запрос на более глубокое понимание сути массовых психологических процессов в сфере политики, но методологические рамки классического юнгианского метода, его возможности и ограничения все еще не определены в отечественной науке.

По мнению автора, актуальность обращения к юнгианскому методу заключается в его возможности быстро «схватить» суть глубинной структуры психики и проверить гипотезу без длительных расчетов. Критерием эвристичности гипотезы здесь является опыт сообщества, реализующего мифологический сценарий, опыт, который нельзя подделать, он разворачивается перед исследователем во всей полноте эмоций, символов, мифологем. Стоит отметить, что помимо юнгианского психоанализа существует фрейдистский психоанализ и анализ родовых систем, которые работают соответственно с уровнями личного и семейного бессознательного. Воз-

можно, для реконструкции идеальной картины психологии сообщества мы могли бы привнести в методологию и элементы теорий З. Фрейда и Э. Нойманна. Однако это потребует от исследователя больших усилий. Необходимо умение интерпретировать результаты на трех уровнях психоанализа. Кроме того, для каждого серьезного проекта по изучению коллективной психологии и мифологии сообщества потребуются проведение сопутствующих мини-исследований, проясняющих общие для участников сообщества тенденции в сфере личного и семейного бессознательного. Например, изучая политическую психологию и мифологию какого-либо сообщества, помимо анализа основных архетипов юнгианской карты коллективной души можно было бы провести дополнительное исследование на такие темы, как «Зависимость политической активности от степени прохождения эдипова комплекса или комплекса Электры», «Политические предпочтения любителей книг в жанре романтического фэнтези в России» или «Электоральные предпочтения и фактор репрессий в родовом опыте». Звучит причудливо, однако подобные исследования, на наш взгляд, могут пролить свет на довольно неожиданные аспекты политической жизни общества. И все же именно юнгианская теория остается методом с наиболее подходящим и отработанным инструментарием для исследования коллективного бессознательного, самого глубокого и общего для всех уровней психики.

Практическая ценность метода, умеющего работать с продуктами коллективного бессознательного, включает и еще один важный момент. Пространство коллективного бессознательного существует (и доступно для контакта) в каждом индивиде по отдельности в паре, в большом сообществе. Чем больше группа, тем активнее в ней коллективное, тем менее заметно и важно индивидуальное – наблюдение банальное, но не лишнее в контексте статьи. Юнгианская теория самодостаточна в том плане, что архетипика и психодинамика, описанные Юнгом и его последователями, актуальны и для личности, и для семьи, и для рабочего коллектива, и для нации. Поэтому конкретными предметными полями применения этого метода могут стать следующие теоретические и практические аспекты политического:

- исторические политические теории – как с точки зрения индивидуальной психологии авторов, так и с точки зрения популярности в сообществе;
- различные формы идеологий;
- политические мифологии сообществ;
- психологическое измерение (архетипика и психодинамика) массовых общественно-политических процессов (войн, революций, выборов, пандемий, национального строительства и т.п.);
- символическая политика;
- прогнозирование электоральных реакций разных сообществ;
- миротворческий процесс и послевоенное урегулирование (юнгианство эффективно работает в качестве инструмента по демифологизации и демонтажу образа Врага);
- партийное строительство;
- имиджеология для политических деятелей;
- политические технологии, политический PR.

Целью данной статьи является исследование возможностей и ограничений юнгианского метода для проблемного поля современной политической науки. Задачи статьи – провести сравнительный анализ изначальной (юнгианской) теории архетипов и установившейся в политологии традиции использования термина «архетип», выявить те аспекты теории К.Г. Юнга, которые выпали из поля зрения современных авторов, но могут быть полезны в политологических изысканиях.

В качестве новизны исследования отметим системный взгляд на применение термина «архетип» в пространстве политической науки, а также попытку выделить и описать ценные с методологической и эвристической точки зрения фрагменты юнгианской теории архетипов.

1. Юнгианский подход к дефиниции и феноменологии архетипа

Термин «архетип» появился задолго до Юнга, это подчеркивал и сам исследователь. В «Тавистокских лекциях» Юнг говорит: «Эти коллективные паттерны, или типы, или образцы, я назвал архетипами, используя выражение Блаженного Августина. Архетип означает типос (печать, отпечаток), определенное образование архаического характера, включающее равно как по форме, так и по содержанию мифологические мотивы. В чистом виде мифологические мотивы появляются в сказках, мифах, легендах и фольклоре» (Юнг 2010: 44).

В 1540-х гг. термин «архетип» впервые фиксируется в английском языке в значении «модель, первая форма, оригинальный образец, по которому делаются копии». Этимология слова «архетип» отсылает нас к конструктам древнегреческого языка (arche – начало, происхождение, первооснова, typos – модель, тип, отпечаток) (Archetype 1990: 529).

Понятия и концептуальные взгляды, сопоставимые с теорией архетипов и коллективного бессознательного, мы встречаем у Платона (эйдосы), у западноевропейских философов – Канта, Лейбница, Ницше, а также в терминологии восточных учений тантры, йоги, буддизма.

Психоаналитик Мюррей Стайн отмечает, что истоки представлений Юнга об архетипах можно обнаружить в его работах («Либи́до, его метаморфозы и символы» и др.), написанных в период между 1909 и 1912 гг., когда он еще сотрудничал с Фрейдом: «В некотором смысле Фрейд, как и Юнг, создал теорию архетипов. В его понятие архаичных остатков включались древние паттерны. Хотя отношение Фрейда к этому материалу очень отличалось от обсуждаемой Юнгом мифологии и ее отношения к психике, эти два человека мыслили в одном направлении и пришли к похожим выводам» (Стайн 2010: 101).

Юнгианское понимание архетипа менялось, уточнялось и развивалось во времени. На сегодняшний день, как ни странно, его лучше всего иллюстрирует концепция дхармы в йогической и буддистской традиции. Задолго до появления современной психологии бессознательного индийские мастера медитации пронаблюдали и детально описали тонкие психологические процессы, которые сегодня наука заново открывает на базе

нейрофизиологии и психологии бессознательного. Внутреннее совпадение буддистских представлений о природе сознания и юнгианского подхода к вопросу психодинамики архетипического неоднократно отмечалось исследователями (Кэмпбелл 2018a; Кэмпбелл 2018b; Иванова 2017). Дхарма в буддистской традиции понимается буквально как отпечаток или семя чувственного опыта и поведения в потоке сознания. Если отпечаток пришел как часть автоматического, неосознанного опыта, а именно так мы усваиваем большинство коллективных паттернов, то в скором времени это семя опыта погружается в забвение, в глубину потока сознания и всплывает на поверхность как бы внезапно для забывшего этот опыт человека. При этом внимательный наблюдатель способен отследить, что такое разворачивание модели опыта вовне происходит по требованиям тонких причинно-следственных законов, которые в индуизме и буддизме носят название законов кармы. Отпечатки опыта из прошлых жизней – идея, воспринятая буквально в индуизме и буддизме, – в юнгианстве принимают гораздо менее мистическую форму теории вечных архетипов коллективного бессознательного. В архетипах, как и в единицах сознания (дхармах), одновременно сконцентрированы некое эмоционально заряженное состояние и модель поведения. Архетипы в целом проживаются в человеческом опыте именно как нетипичное, ярко окрашенное, эмоционально емкое, аффектоподобное состояние, поэтому нам представляется особенно перспективным исследование и описание архетипического опыта посредством обращения к понятию «состояние».

Таким образом, релевантное юнгианской теории и применимое к полю политического определение архетипа может принять следующую форму:

Архетип – это область коллективного бессознательного, которая вмещает в самой обобщенной форме всю полноту человеческого опыта – от психоэмоциональных состояний, представлений, образов, поведенческих паттернов до сценариев судьбы, связанных с каким-либо аспектом бытия.

Подобное определение, на наш взгляд, соответствует двум важным критериям:

- 1) отвечает методологическим потребностям исследователя, действующего в рамках устоявшихся подходов к дефинициям и применению термина «архетип», поскольку подразумевает возможность авторского, произвольного определения границ архетипа – той области бессознательного, которую ученый собирается изучить (ср.: архетип Героя и архетип войны, архетип природы, архетип кошки и т.п.);
- 2) сохраняет релевантное юнгианской теории понимание природы и феноменологии архетипа, а также расширяет возможности исследователя в аспектах, связанных с комплексом и психодинамикой коллективного бессознательного.

С термином «архетип» неразрывно связан термин «архетипика».

Архетипика – специфический для конкретного человека или сообщества набор архетипических образов и сюжетов.

Архетип, таким образом, соотносится с архетипикой как четко очерченная на карте область с самой картой. Нам представляется, что концепция архетипики подходит для анализа содержания глубинного бессознательного у конкретно выделенного объекта (например, политика, партии, сообщества активистов, ситуации, процесса и т.п.).

Далее мы коротко опишем некоторые важные аспекты юнгианской теории архетипов, сопроводив их комментарием о возможном применении в политических исследованиях.

1.1. Архетип как психическая универсалия

Неразрывная связь архетипа как феномена со сферой психического обычно пугает исследователя, подвизающегося на ниве социальных наук. «Квантовый разрыв» между внутренним миром индивида и социумом по сей день представляет собой такую область науки, которую принято обходить стороной, от греха подальше, поскольку велика опасность и соблазн делать далеко идущие социально-политические выводы, основываясь на открытых внутренних закономерностях психики людей. Как показала практика, любая концепция общественно-политического устройства, основанная на соображениях об изначальной природе человека, становится той самой дорогой в ад, которая вымощена благими намерениями. Именно поэтому хотелось бы подчеркнуть, что теория архетипов и коллективного бессознательного применима только для анализа тех объектов и процессов, где:

- 1) индивидуальное сознание людей не развито настолько, что с легкостью становится подвластным коллективным тенденциям;
- 2) сообщество людей достаточно велико, чтобы потерять способность мыслить разумно. «Коллективный человек» – это не единица общества индивидуальностей, а упрощенный представитель безликих, не способных к рефлексии масс, и подобное «явление», вопреки сокрушениям критиков современного общества, встречается не так уж часто. «Коллективный человек» подвержен влиянию архетипического более всего, но сказать, что вся большая, массовая политика – это исключительно игра архетипики с людьми, мы бы не отважились. Политика многомерна. Архетипическое является, на наш взгляд, важным, но далеко не единственным измерением политики – измерением, для которого характерны и свои особенности, и свои правила игры.

Начнем с того, что в пространстве коллективного психического, где обитают архетипы, нет времени в привычном нам понимании. Пространство психики – это вечность, где однажды случившееся событие может актуализироваться в любой момент. Механизм ретравматизации, заключающийся в том, что чувства, некогда сопровождавшие трагические события, при внешне схожих обстоятельствах внезапно с невероятной силой вновь охватывают человека или группу людей, наглядно демонстрирует это безвременье души. Архетип «живет» в глубине души, в тех лишенных разделяющего простран-

ства и света сознания стихиях, которые психологи называют бессознательным. Там все соединено со всем и нет вакуума между составными частями. Архетипы действуют как некие предформы, отпечатки предыдущего опыта, закрепленного прежде всего в схемах поведения. Эти схемы могут развернуться в жизни человека, отозвавшись на внешнюю ситуацию, повторяющую структуру мифа, а могут и не отреагировать на обстоятельства.

Во времена Юнга не было понимания того, что сегодня в IT-сфере называется программным обеспечением, – невидимого глазу набора программ, часть из которых хранится в виде архива до момента «распаковки». Сейчас нам намного проще представить архетип как некую программу психологического процессора человечества, архив с поведенческим кодом и соответствующим эмоциональным состоянием, которое может открыться и активироваться «двойным кликом» – триггерующей ситуацией извне.

Важно подчеркнуть также энергетическую природу архетипов, их неразрывную связь с жизнью, инстинктивным поведением человека, закрепленным на физиологическом уровне. Мюррей Стайн отмечал, что для Юнга архетип – первоисточник психической энергии и возникновения психических форм (паттернов). Архетип является основным источником психических символов, которые притягивают энергию, структурируют ее и в конечном счете ведут к возникновению цивилизации и культуры. «Теория архетипов – это то, что делает юнговскую карту души платоновской, но различие между Юнгом и Платоном в том, что Юнг изучал идеи как психологические факторы, а не как вечные формы или абстракции» (Стайн 2010: 94).

Итак, архетип в юнгианстве – это вечно живая психическая универсалия, причем самое важное слово здесь «живая».

«Я осознаю всю трудность толкования этого понятия (архетипа. – Е. Б.) тем более, что я пытаюсь описать словами нечто, не поддающееся точному определению по самой своей природе. Но поскольку так много людей обращаются с архетипами, будто они часть механической системы, которую можно вызубрить наизусть, я считаю особенно важным подчеркнуть, что архетипы – не просто имена, и даже не философские понятия. Это частицы самой жизни, образы, которые неразрывно соединены эмоциями с живыми людьми. Вот почему невозможно дать произвольное (или универсальное) толкование любому из них. Только изучив всю жизнь конкретного индивида, можно объяснить архетип, встретившийся ему», – пишет Юнг в работе «К вопросу о подсознании» (Юнг 2020: 14).

Применительно к глубинной психологии сообщества можно перефразировать: только изучив всю историю, культуру и **чувства** сообщества, можно объяснить его архетипику. Чисто механистический подход к исследованию, который мог бы осуществить, допустим, искусственный интеллект, не сработает. Нужен «чувствующий орган», живая душа, способная улавливать оттенки эмоций в сообществе, ценностных оценок того или иного образа или явления. Вероятно, поэтому юнгианский психоаналитический метод не относится к числу популярных в гуманитарных науках. Анализ коллективной души больше по силам поэту, способному уловить дух времени, чем ученому в строгом смысле слова.

Изучать форму без содержания, первообраз гораздо проще, чем динамично развивающееся пространство символов, образов, эмоций и смыслов, однако если мы правда хотим понимать чаяния коллективной души и дух времени, то и подходить к вопросу механистически – значит обманывать самих себя на старте исследования. Изучающий архетипику сообщества обязан быть человеком, *со-чувствующим группе*, и при этом способным рационально и системно описать чувственный опыт, выражающийся в коллективных символах и образах. Безусловно, это самое узкое место в юнгианской методологии, однако при непредвзятости, ясности наблюдающего сознания именно такой подход гарантирует полное восприятие архетипического как основы групповых эмоций, мнений и поведения. Критерием успешного психоанализа коллективной души могут стать традиционные критерии эффективности любого научного метода – способность моделировать и предсказывать события (в данном случае – на основе архетипических динамик). Кроме того, у юнгианского подхода существует еще одна полезная общественная и познавательная опция. Речь идет о специфической возможности аналитика находить методом амплификации мирный способ трансформации конфликтующих тенденций, выражающийся посредством символа.

Еще одной особенностью архетипа является его внутренняя связь с областью мистического. У приверженцев строгого научного метода слово «мистика» традиционно вызывает ментальную аллергию. Действительно, сиреневый туман мистических учений больше напоминает блуждание в символах и намеках без четкой опоры на проверяемые факты. Однако мистическое как архетипическое может представлять большой интерес для исследования.

Сам Юнг не делал различия между архетипическими и мистическими формами (образами), полагая, что если исследователь займется феноменологией мистического переживания, то он столкнется с интереснейшими вещами, например, обнаружит, что христианские небеса имеют мужскую природу, где женское архетипическое начало «терпят и не более того» (Юнг 2010: 107).

В юнгианской аналитической традиции устоялись представления о мистическом или эзотерическом как о внутреннем психологическом знании, способе общения с «богами» личной мифологии, с архетипом Самости, только по неведению проецируемым вовне. Открывшееся архетипическое внутри так сложно охватить сознанием, что оно неизбежно выносится за рамки человеческого, полагается «озаренным мистиком» чем-то внешним и само собой разумеющимся, объективным. Можно относиться к мистике как к области специфической религии и мифологии, системе логик, верований и сюжетов, «собирающей» воедино мировоззрение конкретной личности или сообщества. Раз метод следования фантазии, познания ее внутренней логики дал замечательные результаты в психологии, то почему бы не использовать его основы для анализа отдельных (но не всех!) аспектов социально-политической реальности?

Здесь мы ходим по тонкому льду, поскольку сама сфера мистического, оккультного, эзотерического в политическом пространстве редко становит-

ся предметом научного анализа. Однако научное сознание способно провести четкую границу между мистицизмом и исследованием мистических представлений личности или сообщества. И это очень актуально в эпоху процветания лженауки и мифологизированной науки. Область популярного мистического как пространство коллективной «фантазии», профанной, бытовой мифологии власти может и должна быть включена в список актуальных предметов научного анализа, а юнгианская теория архетипов способна помочь в освоении этого необыкновенного по многим параметрам пласта социально-политической реальности.

1.2. Архетип и сопутствующие концепты

Еще один аспект юнгианской теории архетипов, который игнорируется сегодня в политической (и не только) науке, – это четкое разграничение понятий «архетип», «символ» и «образ». Психологический термин «комплекс», составляющий важнейшую часть теории архетипов, вообще не учитывается в теоретико-методологических схемах, вероятно, из-за стереотипов, связанных с пониманием комплекса как патологии, что не соответствует действительности.

Для начала отметим, что уже в трудах Юнга были разведены понятия «архетип» и **«архетипический образ»**. Архетип понимается Юнгом как невидимый корень психического явления, программный код, а архетипический образ – как видимый отросток от корня, внешнее проявление. Разницу между данными понятиями можно показать на примере бэкэнд- и фронтенд-разработки в программировании. Невидимые взгляду программы и коды представляют собой архетипы; а видимые проявления: иконки, картинки, тексты и детали интерфейса программы, с которыми взаимодействует пользователь/наблюдатель, – архетипические образы.

Архетипический образ может спонтанно проявляться в психическом пространстве – сне, фантазии, видении – как бессознательная психологическая компенсация, построенная по принципу уравнивания разнонаправленных психических тенденций. Такой образ исследуется в рамках анализа, соотносится с реальной потребностью индивида, служит для повышения эффективности процесса индивидуации.

В юнгианской теории также строго разведены понятия «архетип» и **«комплекс»**. Комплексы создаются травмой, не пережитой, не осмысленной, вытесненной в область бессознательного. Стайн пишет: «До момента травмы архетипическая часть существует лишь образно, как мотивирующая сила, но в ней нет беспокоящего и порождающего тревогу качества комплекса. Травма создает эмоционально насыщенный образ-воспоминание, который ассоциируется с архетипическим образом, сливается с ним и застывает в более или менее постоянную структуру» (Стайн 2010: 61). Следовательно, комплекс, по Юнгу, состоит из ассоциативных образов и застывших воспоминаний травматических моментов, погребенных в бессознательном и труднодоступных для Эго. **Эмоции**, подобно клею, соединяют самые разные образы – личные и обломки коллективных – в единое пространство комплекса. Ядро комплекса состоит

из двух частей – «образа или следа реальной травмы в психическом и близко ассоциированной с ней врожденной (архетипической) части» (Стайн 2010: 59).

К слову, в отличие от Фрейда, Юнг не рассматривал комплекс как нечто однозначно опасное или патологическое. Будучи сублимированными комплексы порождают и значимые культурные события, и великие произведения искусства. Проблемы возникают в случае бессознательных проекций архетипических образов, связанных с комплексом, на реальные социальные группы, народы, страны. На таком принципе, к примеру, основан процесс демонизации врага. Эмоционально заряженная позиция в отношении другого в таких случаях становится корнем общественно-политического зла, а «расколдовать» сообщество, находящееся под воздействием негативного архетипического образа, демифологизировать ситуацию крайне сложно, если не сказать невозможно.

Приведенное выше описание механизма травмы и возникновения комплекса относится не только к индивидуальной, но и к коллективной психике. Сообщество может получить травму и не справиться с ней, вытеснить ее в пространство бессознательного, как это делает неререфлексирующий индивид. Глубинная травма опасна тем, что нарушает естественный ток психической энергии и в результате формирует искаженную картину мира. Так рождается миф – не правда и не ложь, но искажение. В данном случае мы имеем дело не с активностью архетипа в культурно-политическом пространстве, а с активностью комплекса. Архетип же, следуя логике глубинного психоанализа, напротив, способен исцелить травму, предлагая коллективной душе лекарство в виде символа.

Понятия «архетип» и «**символ**» не являются тождественными. Символ – это образ, способный чудесным образом объединить противоположные полюса диссоциированного архетипа, если назвать чудом скрытую механику самоисцеления души. Как отметил Джозеф Кэмпбелл, мифологические символы не рождаются сами по себе; их нельзя вызывать к жизни волею разума, изобретать или безнаказанно подавлять (Кэмпбелл 2018b: 11). Некий новый, емкий для культуры символ рождается из непримиримого противоречия, душевного конфликта в процессе освоения областей бессознательного. Символ можно описать словами, обозначить его опорные смыслы и ценности, но сопутствующее коллективное переживание символического освобождения от конфликта гораздо важнее.

Еще одним концептом, связанным с архетипами, выступает **миф** как сценарий, объединяющий разные архетипические образы, комплексы, символы. Хотя мифологическая картина мира объективно не является правдой, субъективно она непреложна для носителя. О сущностной связи архетипа и мифа в отечественной литературе, пожалуй, написано больше всего (напр.: Кольев 2003; Кравченко 1999; Мелетинский 2000). Это обусловлено особенным удобством использования архетипических образов в процессе анализа мифа. Понятие «архетип» применяется для описания статических элементов мифа, в то время как сам мифологический сюжет отражает динамику взаимодействия архетипических образов. Юнгианская теория в этом

плане не противоречит традиции структуралистского подхода к проблематике мифа в политическом пространстве.

1.3. Архетипическая психодинамика

Рассмотрение взаимосвязи архетипа с комплексом и мифом приводит нас к теме архетипической психодинамики. Изданный в 1934 г. «Обзор теории комплексов» К.Г. Юнга блестяще описывает механизм **проекции и отыгрывания** комплекса.

Архетипические содержания, ставшие вследствие травмы частью комплекса и беспокоящие сообщество или индивида, чаще всего проецируются на внешние объекты. «Содержания *коллективного бессознательного* не контролируются волей и ведут себя так, словно никогда в нас не существовали, – их можно обнаружить у окружающих, но только не в самом себе» (Юнг 2010: 52). Иными словами, люди видят в своих соседях то, чего в самих себе не осознают либо не принимают.

Юнг пишет о проекции: «Давно известно, что архетипические образы являются спроецированными. Они и должны быть спроецированными, иначе сознание просто было бы наводнено этими образами. Суть заключается в подыскивании формы, которая явилась бы адекватным вместилищем. Испокон веков существует процедура, помогающая людям проецировать безличностные образы. <...> Я имею в виду религиозное посвящение, которым у нас, христиан, является крещение. Когда пленяющее и неповторимое влияние родительских образов ослабевает и ребенок освобождается от своего первоначального биологического участия в совместной с родителями “битве за жизнь”, бессознательная человеческая природа в своей бесконечной мудрости производит ряд посвящений» (Юнг 2010: 165-166).

С точки зрения глубинной психологии поле политического служит идеальным экраном для проекций, поскольку реальность большой и особенно международной политики так же далека от простого смертного, как и его глубинный психический мир. При этом наиболее ярко, эмоционально и мощно в культуре проявляется не архетип, а комплекс, свойственный сообществу или индивиду. Архетип в такой системе становится более глубокой и более цельной конструкцией, способной уравновесить образ, умиротворить разгулявшуюся психическую энергию, в то время как комплекс, как правило, создает проблемы в социуме.

Функцию символического преодоления конфликта и рефлексии коллективных травм осуществляет актуальное искусство, литература, философия, спорт и популярная культура, хотя последняя и в меньшей мере в силу своей органической приверженности упрощенным ментальным и эмоциональным конструкциям. Если эти площадки для ритуальных действий политизируются, цензурируются или закрываются, то возможности сообщества осмыслить и творчески преодолеть собственные противоречия сокращаются. Формируются коллективные психоэмоциональные дефициты, социально-политические мифы и прочие массовые когнитивные искажения. В конечном итоге это может привести к захвату общественного сознания деструктивными архетипическими образами, например, демонизированным

образом Другого, врага и т.п. Возникает реальная опасность ментальных эпидемий, массовых психозов, войн и других «горячих» проявлений внутреннего конфликта.

Вот что писал по этому поводу Юнг, современник драматических событий в Германии в 1930–1940-х гг.: «Как правило, когда коллективное бессознательное констеллируется в больших социальных группах, то результатом становится публичное помешательство, ментальная эпидемия, которая может привести к революции или войне и т.п. Движения такого рода очень заразительны и практически непреодолимы – заражение происходит потому, что во время активизации коллективного бессознательного человек перестает быть самим собой, он попросту не принадлежит себе» (Юнг 2010: 52).

Следует выделить два момента, относящихся к сфере психодинамики:

1. Ритм. Ритм играет большую роль в жизни общества. Сезонный, годовой ритм, ритм смены энергий и состояний раньше был регламентирован культурой и религией (переход от зимних работ к весенней посевной у земледельцев, смена охотничьих сезонов, переход от оседлости к кочевому образу жизни и обратно, от мира к войне и назад). У народов, которые мы по привычке высокомерно называем примитивными, эти тонкие механизмы групповой психологической работы были выверены, ценились и передавались из поколения в поколение. Антропологи особенно подчеркивают роль вождя или жреца в коллективных переходах от сезона к сезону.

2. Переход от одного состояния к другому. Данный переход сам по себе является важным действием. Немгновенный транзит из комфортной среды в менее комфортную снижает вероятность травматизации. Из травматичной среды сразу перейти в обыденную нереально – нужен период адаптации. Транзит в политической сфере может быть разным, но самым главным, вероятно, можно считать транзит власти от одного правителя к другому. Именно этому процессу мифология и фольклор уделяют серьезное внимание, подробно описывая различные варианты перехода власти, например от старого лидера к новому, молодому.

Существует также психодинамика, связанная с экзистенциальным противостоянием архетипа Персоны (социальной маски, роли) и архетипа Самости (глубинного центра психики), а также с особой ролью архетипа Тени, разделяющего осознанное и бессознательное в пространстве психики. Их мы рассмотрим при анализе юнговской классификации архетипов.

1.4. Карта коллективной души как инструмент исследования политической мифологии сообщества

Мюррей Стайн, занимавшийся изучением наследия К.Г. Юнга, сформулировал теоретическую модель, которую назвал юнговской картой души. В этой схеме архетипы выступают как топонимы определенных областей коллективного бессознательного. Здесь архетип обозначает некую зону сосредоточения психической энергии либидо, или жизненной силы (чем бы она ни была – этот вопрос традиционно овеян в психологии и биологии туманом тайны).

Карта души, по Юнгу, это особенное архетипическое пространство, внутренний ландшафт мира, существующий параллельно внешней реальности. Архетипы подобны пустым емкостям различной величины и размера, в которых можно «собрать» одну и ту же «воду» – психическую энергию либидо – и сообщить ей при этом разное качество, создать разное психоэмоциональное состояние. Энергетическая емкость архетипов для каждого человека и группы людей может быть разной: то, что влюбляет (то есть привлекает либидинозную энергию) в себя одного, может совершенно не трогать другого.

Эго-комплекс в юнгианской традиции понимается как совокупность представлений личности о себе. Комплексом этот элемент психики назван исходя из соображения, что некое осознающееся «Я» получает первую травму, отделяясь от блаженного бессознательного состояния, от архетипа Самости. Осознающееся «Я» не является чем-то постоянным, врожденным, наоборот, этот структурный элемент психики развивается в ходе жизни, обретает новые знания о себе в процессе вывода бессознательного материала из области Тени. Если для личности эго-комплекс – это ответ на вопрос «кто я?», то в пространстве коллективной души, для сообщества его аналогом может стать конструкт, отвечающий на вопрос «кто мы?». Важно также понимать, что эго-комплекс дрейфует в пространстве психического по сложной траектории между полюсами двух архетипов – Персоны и Самости, соответственно, содержание эго-комплекса частично складывается из осознанных и неосознанных компонентов, происходящих из этих двух архетипических корней. Говорить об эго-комплексе сообщества, как нам представляется, уместно в контексте исследования специфической политической культуры, и в частности мифологии группы.

Архетип Персоны – частично осознаваемая социальная маска, роль, функция в обществе. Это наиболее изученная область архетипики бессознательного. Чаще всего, говоря об архетипах, исследователи политической культуры и мифологии обращаются именно к вариантам архетипа Персоны. Хорошо изучены и описаны архетипы Героя, Правителя, Бунтаря. В то же время без внимания остаются другие разновидности Персоны – это архетипы купца, ремесленника, крестьянина, мага, придворного и слуги, а также весь корпус женских архетипов с аналогичными ролями (царица, служанка, мастерица, крестьянка и т.п.). К тому же варианты Персоны рассматривают без учета психодинамической связи этого архетипа с другими областями глубинной психики, например, без учета его экзистенциального противоречия с архетипом Самости. Есть и еще один упущенный аспект: в концепции Юнга эго-комплекс имеет тенденцию сливаться с архетипом Персоны. И тогда индивид мыслит себя исключительно в категории социальной значимости, статуса, роли. Для сообществ подобная идентификация, базирующаяся на отделении своих от других, тоже закономерна, при этом другие нередко воспринимаются негативно. Здесь мы переходим к архетипу Тени.

Тень – область вытесненного, нежелательного, злого, недопустимого. Тень как внешний враг, точнее, спроецированный на другого образ

«неприемлемого себя» достаточно изученная тема в отечественной политологии (см.: Фадеичева 2006; Щербинина 2002). Вероятно, стоит еще раз упомянуть о том, что теневые содержания чаще всего проецируются вовне, поскольку эго-комплекс всегда склонен думать о себе как о хорошем и приятном.

Тень может быть как абсолютно злодейской, человеконенавистнической и людоедской, так и «золотой» – вместилищем в целом положительных личностных качеств, которые по разным причинам нельзя реализовать. Например, группа активистов, превозносящая политика и наделяющая его самыми привлекательными качествами, по сути, всего лишь проецирует на «звезду» собственные нереализованные черты и потребности.

Юнг пишет также о Трикстере как фигуроподобном архетипе Тени. Это сложное формирование – медиум, способный переходить границу между мирами света и тьмы, осознанного и бессознательного. Во многих мифологиях именно фигура Трикстера является творцом мира, сущностью, которая создала жизнь из смешения противоположностей. Область Тени – это, безусловно, область конфликтов и драмы, невероятно сложное для осмысления и интеграции пространство игры взаимных проекций. Тем не менее именно в области Тени кроется и самый значительный энергетический потенциал сообщества, высвобождение которого через открытое или символическое, ритуальное столкновение противоположностей часто становится движущей силой исторического и культурного прогресса.

Анимус/Анима – области мужского/женского в глубинной психике. Тесно связаны с Анимой/Анимусом архетипы Матери и Отца, диссоциированные части которых практически в любой индивидуальной психике формируют, соответственно, материнский и отцовский комплексы. Тема женского и мужского в политике востребована и перспективна. Если дополнить эту тематическую область юнгианскими концептами архетипа и комплекса, то можно увидеть любопытные акценты. Например, образ Родины-матери, требующей непереносимой жертвы от своих детей, в юнгианстве однозначно понимается как архетипическое проявление деструктивного материнского комплекса, то есть огромный пласт патриотически выверенной символики из области нормы (что навязывает традиционное этатистское мировоззрение) априори переходит в области коллективной патологии. Кроме того, на наш взгляд, продуктивным может стать применение архетипов Анимус/Анима в изучении вопросов о соотношении мужского и женского в архетипике сообщества, о «мистическом браке» между страной и правителем, землей и царем, народом и властью.

Архетип трансформации – единственный архетип-ситуация в классификации Юнга; он характеризует особые состояния перехода, инициации, транзита. Этот архетип исследователи зачастую игнорируют, концентрируясь на архетипических фигурах. Вместе с тем архетипические корни транзита власти от одного правителя к другому, а также переход общества от состояний войны к миру и наоборот – это лишь самые простые примеры тех предметных полей, где юнгианская традиция могла бы принести добротные плоды.

Архетип Самости – глубинное ядро личности и одновременно идеальный мир, Царство Божие и само Божество, направляющее процесс индивидуации личности. Самость – это органический противовес Эго и Персоне, требующий сбрасывания всех масок и установления вечной правды, пришествия рая как пространства гармонии, мира, справедливости. Самость, подобно Божественному откровению, может очаровать Эго и увести его от внешнего (дольного) мира, который по сравнению с горным миром выглядит пошлым и бессмысленным. Одержимость сознания архетипом Самости не редкость как для индивидуальной, так и для групповой психики. В пространстве мифологии сообщества областью Самости могут быть представления об идеальном мироустройстве, иерархии и оси мира, правде, Боге и т.п. А с учетом онтологической оппозиции Эго/Персона – Самость исследование мифологии группы может ответить на немаловажные политические вопросы: чего мы хотим от мира, какова для нас правильная структура мироздания, каковы наши базовые ценности и как мы их проявляем во внешнем мире, как совместить на практике высшее духовное благо и материальные потребности сообщества и т.п.

В заключение краткого обзора областей коллективной души подчеркнем, что система архетипов и комплексов, по Юнгу, действительно, более всего сопоставима с топографическими обозначениями областей коллективной психики – она представляет собой удобную карту для ориентирования «на мифологической местности». Юнгианские архетипы в чистом виде можно применять в исследовании мифологии или политической культуры практически любого сообщества от политически активного клуба байкеров до нации. Этапы анализа политической мифологии сообщества могут быть следующими: выделить то, что понимается сообществом как «мы» (аналог эго-комплекса), определить актуальную роль сообщества в мире (аналог архетипа Персоны), понять отношение к иным вариантам ролей и статусов (иерархия мироздания), сформулировать базовые ценности и самую желанную картину мира (аналог архетипа Самости в индивидуальной психике) и, наконец, через анализ проекций осознать, что скрыто в коллективной Тени. Юнговская классификация архетипов логична и проста в использовании, что особенно важно, если учесть, что и типологий, и описаний конкретных архетипов, дефинируемых в рамках более узкого, формального подхода, в копилке мировой научно-философской мысли более чем достаточно.

2. Современные подходы к определению и применению термина «архетип»

Сфера применения термина «архетип» в современной науке и на практике весьма широка: мы встречаем его и в гуманитарных дисциплинах (концептологии, филологии, культурологии, искусствоведении, политологии и т.п.), и в области политических технологий, маркетинга, рекламы и пиара. Нас интересует, разумеется, политическая наука, однако

междисциплинарный характер данной статьи уже предопределен «ареалом» использования термина «архетип». Кроме того, теоретические конструкции, апробированные в иных областях социокультурного и психологического знания, могут быть полезны и для политологии.

Подходы, в рамках которых определяется термин «архетип», условно можно подразделить на три группы:

1) **Формальный подход** подчеркивает формальный и формообразующий характер архетипа как феномена. Он удобен, функционален, хотя и упрощает термин «архетип» вплоть до его полной взаимозаменяемости терминами «первообраз», «исходная форма» и т.п.

В формальном подходе можно выделить и совсем простые определения: архетип как форма, первообраз, и дефиниции, включающие более сложные концепты: структура, схема, сюжет, модель, мифема, символ (см.: Коваль 2011; Коптелова 2014). Во втором случае архетип понимается как часть и нередко как основа целого – ментальности, коллективного бессознательного, мифа, – при этом и сам он может быть сложным по строению. Так, интерес представляют наработки А.Ю. Большаковой по методологическому выделению архетипа через понятие «метаконцепт» (см.: Большакова 2012). Встречается, впрочем, и смешение понятий – «символ-архетип» (Цельковский 2019), архетип как некая абстрактная модель (см.: Клинцов 2009). В результате возникает опасность чрезмерного упрощения или формализации термина «архетип», что может привести к потере его аутентичности и эвристической ценности. К формальным дефинициям относится подавляющее большинство словарных определений (см., напр.: Archetype 1990), а также дефиниции в работах, рассматривающих конкретные структуры коллективного бессознательного, будь то архетипы войны и мира (см.: Кавтарадзе 2005), аспекты архетипики конкретного сообщества – например, архетипы русского политического мифа у О.Г. Рюмковой (см.: Рюмкова 2004) – или типология архетипов в имидже политика у Е.А. Помигуевой (см.: Помигуева 2020) и т.п.

2) **Дуалистический подход** вбирает в себя дефиниции, различающие в структуре архетипа форму и содержание (Полосин 1998; Шомова 2016). При характеристике формы архетипа здесь обычно подчеркивается его энергетическая природа, роль переживаний и эмоций, а содержанием архетипа выступает коллективный социальный опыт. Иными словами, в дефинициях появляется важный психологический аспект, который часто утрачивается при формальном подходе. К примеру, А.А. Ландерова рассматривает архетипы политической культуры как важные поведенческие установки (см.: Ландерова 2015), а В.Н. Гуляихин – как поведенческие коды, социокультурные «консервы», подчеркивая амбивалентность архетипа как феномена, вмещающего полярные эмоциональные реакции, смыслы и ценности (Гуляихин 2013).

3) **Динамический подход** включает дефиниции, помимо статического определения делающие упор на динамический момент, протекающий из сложной внутренней организации архетипа, которую подчеркивал и сам Юнг, и его последователи. Архетип как некая энергетическая структура, запускающая мифологический сценарий (см.: Мелетинский 1994), здесь сопоставим с описанным В.Я. Проппом сказочным персонажем-функцией (см.: Пропп 2021). Акцентируется процесс взаимодействия архетипов в пространстве сюжета, мифа или психологического пути индивидуации. Например, в докторской диссертации С.А. Маленко архетипы коллективного бессознательного понимаются как имагинативные детерминанты формирования пространства индивидуальных и коллективных сценариев социального взаимодействия (Маленко 2010: 10). В свою очередь, С. Сендерович акцентирует промежуточную роль архетипа между непознаваемым и подлежащим осознанию и полагает, что архетипы можно лучше понять как установки предвосхищения и творческого порождения собственно человеческого опыта, как семена культуры и сознания, как досознательные интуиции, регулирующие психическую деятельность и социальное поведение и медирующие между внутренним и внешним некоторым синкретическим и интегративным способом (см.: Сендерович 1994).

Все три подхода к дефинированию термина «архетип», разумеется, имеют право на существование в рамках авторских теоретико-методологических систем. Однако налицо явное упрощение, сведение масштабного феномена глубинной психики и коллективной памяти к довольно узкой, формальной его стороне. Почему так произошло?

В научной среде у юнгианского подхода сложилась репутация мистического и малоприменимого вне психологии метода. На то есть свои причины: работы Карла Густава Юнга, как и положено текстам первоходца в сложнейшем измерении новой области исследования – коллективного бессознательного, иногда носят противоречивый характер, изобилуют метафорами, поэтическими отступлениями, вследствие чего у неподготовленного читателя создается впечатление лабиринта, в котором смыслы, символы, образы и авторские концепты, часто не обретшие законченной формы, норовят скорее запутать, нежели вывести на путь истинный. Всё так.

Лоуренс Р. Альшулер, предпринявший попытку критического осмысления возможностей юнгианства в пространстве политической теории, отмечал следующие слабые места во взглядах Юнга на политику:

1. Переоценка психологических причин как основ политических феноменов.

2. Чрезмерное акцентирование реальности психе – души (внутреннего) и явная недооценка реальности политики (внешнего).

3. Патологизация политики. Юнг находит корни массовых политических движений в патологическом расколе между сознательным и бессознательным (Альшулер 2000: 397-398).

Мы не можем согласиться с таким однобоким взглядом на политическое в юнгианстве. Упрек психологу в том, что он больше всего пишет о психологическом, даже касаясь сферы политики, представляется нам несколько надуманным. О политических взглядах Юнга вообще сложно судить по его текстам, поскольку он обращается к сфере политического изредка и только за примерами из области сознания и поведения масс. Сами эти примеры иллюстрируют, что далеко не все в политике Юнг был склонен описывать через обращение к психологическим феноменам, им изначально был четко очерчен круг предметов, к анализу которых применим метод глубинного психоанализа, – это те самые «большие исторические события», затрагивающие эмоционально большие сообщества людей.

Альшулер отмечает, что более целостное (и системное) применение юнгианской психологии позволяет преодолеть слабые места во взглядах Юнга на политику. Исследователь развивает мысль о том, что процесс индивидуации личности, подробно и глубоко описанный в юнгианстве, может идти параллельно с развитием политической личности. В процессе индивидуации личность «взрослеет» и в политических вопросах, начинает осознавать реальность как сложную игру противоположностей, обретает качество истинной гуманности и естественным образом склоняется к демократии (см.: Альшулер 2000). Правомерность подобного сравнения стадий индивидуации и развития зрелой политической личности не вызывает сомнений, однако, на наш взгляд, теория индивидуации – это самое меньшее, что могла бы взять политология от юнгианства.

Почему же в таком случае произошло усечение первоначальной теории? Обозначим два вероятных мотива:

1. Психологический мотив, превосходно описанный самим Юнгом в лекциях о функциях психики и психологических типах. Классический западноевропейский ученый как личность и как профессионал активнее всего реализует одну из четырех психологических функций – разум. Три другие – чувства, интуиции и ощущения – отходят на второй план, при этом одна из функций совсем исчезает из поля зрения, ее как бы не существует как реальности, с которой стоит считаться. У рационального ученого такой функцией являются чувства. Вытеснение из науки всего, что касается эмоций и чувств, было и остается существенной частью того, что принято называть объективностью. Однако при анализе архетипического именно чувства, состояния, которые улавливает аналитик, служат важнейшим критерием оценки и моделирования. Убрать момент анализа чувств из анализа архетипического по большому счету означает рассматривать обессточенную систему. Конечно, это удобно, но насколько это информативно?

2. Функциональный мотив, сохранивший в понятии архетипа то, что в *достаточной мере* связывает его с плохо поддающимся исследованию полем исконно природного, Божественного, абсолютного, запредельного, но удаливший все, что может представлять сложности и разночтения в трактовках, – собственно, то самое живое чувственное наполнение. Архетип понимается сегодня в науке как функциональный элемент рационально

реконструированной мифологической системы, связующий некие абстрактные логические понятия и картинки, которыми мыслит примитивное мышление.

В случае с феноменом архетипа научное сообщество, желая исследовать мифологическое и идеологическое как систему, выплеснуло вместе с водой ребенка. Создавая удобную для описания абстрактную систему, ученый изолирует все понятия от сферы чувств, интуиций и даже от телесного, при этом он иногда лишается важного инструмента исследований. Обескровленная система безопасна, определяема, но мертва, как все абстрактное. А между тем предсказать, как станут развиваться события в обществе или душе, охваченной архетипическими состояниями, можно только будучи включенным в сферу чувств, страстей, ожиданий и страхов. Быть включенным, но не вовлеченным – в лучших традициях йогического «чистого сознания» и психоанализа. Интенции, характеристики, «поведение» архетипического начала в сообществе можно оценить только через эмоции, которые, по сути, являются субъективными оценками событий и базируются на определенных установках сознания, не всегда явных для оценивающего. Усложненная теоретическая конструкция, где учитывается, что установка сознания порождает эмоционально заряженное (позитивное или негативное) поле реакции на феномен реальности, создает более объемную картину происходящего, предоставляет аналитику возможность более точного прогнозирования и моделирования массовых политических процессов.

Вероятно, здесь уместнее говорить о некоей профессии будущего, в которой сочетались бы политологические и психоаналитические компетенции. Несмотря на то что пока у такой специальности нет даже названия, специалисты подобного рода могли бы взять на себя следующие важные для общества функции:

- психодинамическое описание и анализ мифологии сообществ;
- прогнозирование успеха или неуспеха «приживаемости» идеологических конструкций на почве конкретной архетипики и мифологии;
- содействие в разрешении внутренних и внешних конфликтов, имеющих архетипическую и травматическую составляющие;
- психологическая и профессиональная экспертиза лиц, которые собираются принимать участие в публичной политике, поскольку уровень психопатологии личности и жажда власти связаны между собой напрямую, а психопат интуитивно подбирает эффективные логические конструкции, символы и метафоры, которые быстро усваивает толпа, что порождает значительные риски для всего сообщества.

Таким образом, при внимательном изучении наследия Юнга и его коллег обнаруживаются бесценные зерна истины, из которых создается стройная, хотя и сложная система психоаналитического метода. В этой системе каждое звено в цепочке понятий и концептов находится на своем месте, а потому соблазн упрощения терминов и подхода в целом постепенно уступает место более глубокому, творческому взгляду на возможности юнгианской теории, и в частности теории архетипов.

Выводы

Подводя итоги, отметим следующие важные, на наш взгляд, положения настоящей статьи.

Мы предложили авторское определение архетипа и понимание его как отпечатка коллективного опыта проживания определенной социально-ролевой схемы; это условно забытый сценарий, способный спонтанно разворачиваться в пространстве психики и поведении, следуя при этом сценарию мифа. В эмоциональном пространстве индивида и сообщества архетипическое проявляется как яркое, эмоционально насыщенное, а иногда и аффектоподобное *состояние*; в пространстве культуры и текста оно предстает в виде *архетипических образов, символов, мифологических сюжетов*. Кроме того, архетипическое становится частью *комплекса*, образованного в результате *травмы*. Если травма носит коллективный характер (война, голод, эпидемия, катастрофа и т.п.), то в таком случае увеличивается вероятность развития коллективной психопатологии, массового психоза или ментальной эпидемии. Комплексы, как двигатели эволюции, истории, общественно-политического процесса, не всегда приводят к войнам или иным иррациональным формам. Скорее, они создают интенцию, эмоциональную напряженность в конфликте интересов и потребностей разных сообществ. И только степень осознанности или бессознательности сообществ в целом определяет градус напряжения и формы, в которые в итоге выльется конфликт. Спасительная роль архетипа и символа, открытая Юнгом в рамках индивидуального психоанализа, может стать вариантом мирной трансформации напряжения в обществе.

Карта души, по Юнгу, на наш взгляд, является добротным инструментом для первичной ориентации «на мифологической местности», в пространстве коллективного бессознательного. На любой архетипической коллективной территории всегда можно обнаружить области Тени (архетипического другого, в негативном изводе – врага) и Самости (идеального мира или желанного будущего), области Эго (нашего понимания себя) и Персоны (наши роли в мире). Даже простой перенос в сферу политического юнгианской модели коллективной души создаст любопытную перспективу для анализа символов, смыслов и коллективных проекций.

Мы выделили три подхода к дефинированию и применению термина «архетип», характерных для современной отечественной научной мысли: формальный, дуалистический и динамический. Хотя все три подхода эффективны для решения задач, поставленных исследователями, налицо явное упрощение юнгианского первоисточника.

В глубинной психологии принято считать, что осознание ресурсной, сопряженной с Самостью части архетипа почти равно исцелению. Такая формулировка не всегда работает в социально-политическом пространстве, объединяющем людей разной степени развитости и сознательности. Иногда коллективного осознания мифа или архетипического сценария достаточно, чтобы выйти из эмоционального штопора. А иногда – нет, и целой науки мало. Такова притягательная сила вечных сюжетов и архетипических

образов, рожденных комплексами бессознательного. Именно поэтому архетипы так часто называют богами, которые своевольно определяют судьбу человека и общества. И потому так важно вести диалог с бессознательным, не избегая противоречий коллективной Тени, не упрощая архетипический компонент, но уважая их могущество и индифферентность к внешнему миру. В конце концов, бессознательное такой же орган души, как нога или рука для тела, а любой архетип, будучи амбивалентным по определению, не ищет для нас зла, наоборот, стремится реализовать через человека или общество всю полноту живой жизни.

Завершить статью хотелось бы словами К.Г. Юнга, которому удалось не только понять сложную природу первообразов, но и применить их исцеляющую силу на благо людей: «Коллективная психология есть мощный фактор, фактор, меняющий всю нашу жизнь, меняющий поверхность знакомого нам мира, фактор, который делает историю. И коллективная психология действует согласно законам, весьма отличающимся от таковых в нашем собственном сознании. Архетипы – мощные решающие силы, они свидетельствуют о реальных событиях, а не о нашем индивидуальном разуме и практическом интеллекте... Совершенно очевидно, что архетипические образы решают судьбу человека» (Юнг 2010: 174-175).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Альшулер Л. 2000. Юнг и политика // Кембриджское руководство по аналитической психологии / под ред. П. Янг-Айзендрат и Т. Даусона. Москва : Добросвет : КДУ. С. 417-436.

Большакова А.Ю. 2012. Теория архетипа и концептология // Культурологический журнал. № 1(7). 8 с. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9 (дата обращения: 02.06.2022).

Гуляихин В.Н. Архетипы политической культуры российских граждан // Социодинамика. 2013. № 1. С. 153-170. DOI 10.7256/2306-0158.2013.1.332. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=332 (дата обращения: 02.06.2022).

Иванова М.Г. 2017. Культурные архетипы как объект историко-философского анализа : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва. 32 с.

Кавтарадзе С.Д. 2005. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве. Москва : Экзамен. 224 с.

Клинцов А.А. 2009. Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Бишкек. 23 с.

Коваль И.Ю. 2011. Архетип как основа мировосприятия в политическом мифотворчестве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6 (12): в 3 ч. Ч. 2. С. 75-77.

Кольев А. И. 2003. Политическая мифология : Реализация социального опыта. Москва : Логос. 384 с.

Коптелова А.С. 2014. Специфика «архетипа власти» в политической истории России // Основные проблемы общественных наук : сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград : Инновацион. центр развития образования и науки. С. 49-51.

Кравченко И.И. 1999. Политическая мифология: вечность и современность // Вопросы философии. № 1. С. 3-17.

Кэмпбелл Дж. 2018а. Мифы для жизни. Санкт-Петербург : Питер. 304 с. (Мастера психологии).

Кэмпбелл Дж. 2018б. Тысячеликий герой. Санкт-Петербург : Питер. 352 с. (Мастера психологии (Питер)).

Ландерова А.А. 2015. Архетипы российской политической культуры: истоки формирования // Вестник Поволжского института управления. № 5 (50). С. 101-106.

Маленко С.А. 2010. Архетипические сценарии социального взаимодействия : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Великий Новгород. 39 с.

Мелетинский Е.М. 1994. О литературных архетипах. Москва : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та. 136 с.

Мелетинский Е.М. 2000. Поэтика мифа / РАН. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. 3-е изд., репр. Москва : Восточ. лит. 407 с. (Исслед. по фольклору и мифологии Востока).

Полосин В.С. 1998. Диалектика мифа и политическое мифотворчество : дис. ... филос. наук. Москва. 451 с.

Помигуева Е.А. 2020. Архетипы культуры как основа формирования имиджа современного политика // Культура и цивилизация. Т. 10, вып. 5А. С. 181-187. DOI 10.34670/AR.2020.29.35.024.

Пропп В.Я. 2021. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Москва : КоЛибри : Азбука-Аттикус. 640 с.

Рюмкова О.Г. 2004. Политический миф: теоретические основания и современная политическая практика : дис. ... канд. полит. наук. Москва. 152 с.

Сендерович С. 1994. Ревизия юнговской теории архетипа // Логос. № 6. С. 144-163.

Стайн М. 2010. Юнговская карта души. Введение в аналитическую психологию. Москва : Когито-Центр. 256 с. (Юнгианская психология).

Фадеечева М.А. 2006. Образы врага в российской политической мифологии XXI века // Дискурс Пи: науч.-практ. альм. № 6. С. 11-14.

Цельковский А.А. 2019. Архетип героя в структуре политической мифологии // Миф в истории, политике, культуре : сб. материалов II Междунар. науч. междисциплин. конф. / под ред. О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь. С. 277-279.

Шомова С.А. 2016. От мистери до стрит-арта : Очерки об архетипа культуры в политической коммуникации. Москва : Изд-во Высш. шк. экономики. 264 с.

Щербинина Г.Н. 2002. Герой и антигерой в политике России. Москва : Изд-во «Весь мир». 116 с.

Юнг К.Г. 2010. Символическая жизнь / пер. с англ. В.В. Зеленского. 2-е изд. Москва : Когито-Центр. 326 с.

Юнг К.Г. 2020. К вопросу о подсознании // Человек и его символы / Юнг К.Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Москва : Медков С.Б. С. 14-104.

Archetype, 1990 // The New Encyclopedia Britannica. Chicago. Vol. 1. P. 529.

Carta St., Kiehl E. (eds.) 2021. Political Passions and Jungian Psychology Social and Political Activism in Analysis / Ed. by Stefano Carta, Emilija Kiehl. Routledge. 228 p.

Gewehr R.B., Palmeira A.B.P. 2019. Jung and politics: a reading of the political subject in Jungian thought // Pesquisas e Práticas Psicossociais. Vol. 14, № 4. São João del-Rei. e3432.

References

- Alschuler L.R. Jung and politics, P. Yang-Ayzendrat, T. Dawson (eds.) *Kembridzhskoe rukovodstvo po analiticheskoy psikhologii*, Moscow, Dobrosvet, KDU, 2000, pp. 417-436. (in Russ.).
- Archetype, *The New Encyclopedia Britannica*, Chicago, 1990, vol. 1, p. 529.
- Bolshakova A.Yu. Theory of Archetype and Conceptology, *Journal of Cultural Research*, 2012, no. 1(7), 8 p., available at: <http://cr-journal.ru/rus/journals/109.html&jid=9> (accessed June 02, 2022). (in Russ.).
- Campbell J. *Myths to Live*, St. Petersburg, Piter, 2018, 304 p. (in Russ.).
- Campbell J. *The Hero with a Thousand Faces*, St. Petersburg, Piter, 2018, 352 p. (in Russ.).
- Carta St., Kiehl E. (eds.) *Political Passions and Jungian Psychology Social and Political Activism in Analysis*, Routledge, 2021, 228 p.
- Fadeicheva M.A. Images of the Enemy in Russian Political Mythology of the XXI Century, *Discourse-P*, 2006, no. 6, pp. 11-14. (in Russ.).
- Gewehr R.B., Palmeira A.B.P. Jung and politics: a reading of the political subject in Jungian thought, *Pesquisas e Práticas Psicossociais*, 2019, vol. 14, no. 4, São João del-Rei, e3432.
- Gulyaikhin V.N. Archetypes of the political culture of Russian citizens, *Sotsiodinamika*, 2013, no. 1, pp. 153-170. DOI 10.7256/2306-0158.2013.1.352, available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=352 (accessed June 02, 2022). (in Russ.).
- Ivanova M.G. *Cultural archetypes as an object of historical and philosophical analysis: Abstr. of diss.*, Moscow, 2017, 32 p. (in Russ.).
- Jung C. *The symbolic life*, 2nd ed., Moscow, Kogito-Tsentr, 2010, 326 p. (in Russ.).
- Jung C. On the question of the subconscious, Yung K.G., fon Frants M.-L., Khenderson Dzh.L., Yakobi I., Yaffe A *Chelovek i ego simvol*, Moscow, Medkov S.B., 2020, pp. 14-104. (in Russ.).
- Kavtaradze S.D. *Ethnopolitical conflicts in the post-Soviet space*, Moscow, Ekzamen, 2005, 224 p. (in Russ.).
- Klintsov A.A. *The Discourse of political Archetypes in the International relations of the post-Soviet States of Central Asia: Abstr. of diss.*, Bishkek, 2009, 23 p. (in Russ.).
- Kolev A.I. *Political mythology : The Realization of Social Experience*, Moscow, Logos, 2003, 384 p. (in Russ.).
- Koptelova A.S. *The specifics of the "archetype of power" in the political history of Russia, Osnovnye problemy obshchestvennykh nauk : sb. nauch. tr. po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Volgograd, Innovatsionnyy tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki, 2014, pp. 49-51. (in Russ.).
- Koval' I.Yu. Archetype as World Perception Basis in Political Myth Creation, *Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice*, 2011, no. 6 (12), pt. 2, pp. 75-77. (in Russ.).
- Kravchenko I.I. Political mythology: Eternity and Modernity, *Voprosy filosofii*, 1999, no. 1, pp. 3-17. (in Russ.).
- Landerova A.A. Archetypes of the Russian Political Culture: Formation Origins, *Bulletin of the Volga region Institute of Administration*, 2015, no. 5 (50), pp. 101-106. (in Russ.).
- Malenko S.A. *Archetypal scenarios of social interaction: Abstr. of diss.*, Veliky Novgorod, 2010, 39 p. (in Russ.).
- Meletinskiy E.M. *About literary archetypes*, Moscow, Izdatel'stvo Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 1994, 136 p. (in Russ.).

Meletinskiy E.M. *The Poetics of myth*, 3rd ed., repr., Moscow, Vostochnaya literature, 2000, 407 p. (in Russ.).

Polosin V.S. *Dialectics of myth and political myth-making: Dissertation*, Moscow, 1998, 451 p. (in Russ.).

Pomigueva E.A. Archetypes of culture as the basis for forming the image of a modern politician, *Culture and Civilization*, 2020, Vol. 10, is. 5A, pp. 181-187. DOI 10.34670/AR.2020.29.35.024. (in Russ.).

Propp V.Ya. *Morphology of the tale*, Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus, 2021, 640 p. (in Russ.).

Ryumkova O.G. *Politicheskiy mif: teoreticheskie osnovaniya i sovremennaya politicheskaya praktika: Dissertation*, Moscow, 2004, 152 p. (in Russ.).

Senderovich S. Reviziya yungovoy teorii arkheta, *Logos*, 1994, no. 6, pp. 144-163. (in Russ.).

Shcherbinina G.N. *Hero and Anti-hero in Russian Politics*, Moscow, Izdatel'stvo «Ves' mir», 2002, 116 p. (in Russ.).

Shomova S.A. *From Mystery to Street Art : Essays on the Archetype of Culture in Political Communication*, Moscow, Izdatel'stvo Vysshey shkoly ekonomiki, 2016, 264 p. (in Russ.).

Stein M. *Jung's Map of the Soul*, Moscow, Kogito-Tsentr, 2010, 256 p. (in Russ.).

Tselykovsky A.A. The Hero Archetype in the Structure of Political Mythology, O.A. Gabrielyan, A.V. Stavitskiy, V.V. Khapaev, S.V. Yurchenko (eds.) *Mif v istorii, politike, kul'ture : sb. materialov II Mezhdunar. nauch. mezhdistsiplin. konf.*, Sevastopol, 2019, pp. 277-279. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Валерьевна Булипопова

кандидат политических наук, независимый
исследователь,
г. Тирасполь, Приднестровье/Молдова
E-mail: aerocat@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Bulipopova

Candidate of Political Science, independent
researcher,
Tiraspol, Transnistria/Moldova
E-mail: aerocat@inbox.ru

Сухобок Т.В. Влияние зарубежных учений о социальных правах на российскую политико-правовую мысль начала XX века. DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_91 // Антиноми. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 91–109.

УДК 342

DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_91

Влияние зарубежных учений о социальных правах на российскую политико-правовую мысль начала XX века

Татьяна Владимировна Сухобок

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

г. Калининград, Россия

E-mail: sukhobok94@mail.ru

*Поступила в редакцию 12.05.2022, поступила после рецензирования 28.07.2022,
принята к публикации 23.08.2022*

Статья посвящена изучению проблемы влияния зарубежных учений о социальных правах на российскую политико-правовую мысль начала XX в. Анализируется соотношение принципов правового и социального государства в концепциях российских дореволюционных юристов, исследуется дискуссия о праве на достойное существование в российской юридической науке начала XX в., выявляются предпосылки и специфика формирования социальных идей в отечественной правовой мысли начала XX в., а также особенности влияния на их возникновение западноевропейских учений о социальных правах. Применяя в ходе исследования сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы и методы юридической герменевтики, автор приходит к выводу о том, что российскими политико-правовыми взглядами начала XX в. были сформулированы оригинальные

© Сухобок Т.В., 2022

концепции социального правового государства и права человека на достойное существование, в центре которых выступал принцип социальной справедливости.

Ключевые слова: социальные права, концепции социальных прав, политико-правовая мысль, правовое и социальное государство, правовая реальность, общественное развитие, капитализм, юридическая наука

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке БФУ им. И. Канта в рамках научного проекта № 2358. (Соглашение о сотрудничестве по реализации проекта № 2358, договор № 2021-2652 на выполнение работ с исполнителем проекта.)

The Influence of Social Rights' Foreign Teachings on the Russian Political and Legal Thought at the Beginning of the 20th Century

Tatyana V. Sukhobok

Immanuel Kant Baltic Federal University

Kaliningrad, Russia

E-mail: sukhobok94@mail.ru

Received 12.05.2022, revised 28.07.2022, accepted 23.08.2022

Abstract. The majority of pre-revolutionary lawyers, despite the differences between them on the legal nature of social rights and the need for their recognition at the constitutional level, advocated an evolutionary path of social development. They considered the formation of capitalist relations as a natural and inevitable process that should be comprehended without falling into the extremes of utopian socialism. However, they noted the negative consequences of capitalism. In this regard, the study and analysis of the formation of social ideas in the legal thought of the beginning of twentieth century is of particular importance. In the article, the problem of the relationship between the principles of the rule of law and the social state in the concepts of Russian pre-revolutionary lawyers, the discussion in Russian legal science about the right to a worthy existence, and prerequisites and features of the formation of social ideas in the domestic legal thought in the context of influence of social rights' foreign doctrines are considered. The author studies this issue using comparative historical, comparative legal, formal legal methods, as well as legal hermeneutics. The analysis proves that in the Russian political and legal thought of the early twentieth century, original concepts of a social legal state and the right to a worthy existence were formed.

Keywords: social rights; concepts of social rights; political and legal thought; legal and social state; legal reality; community development; capitalism; legal science

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the I. Kant BFU within the framework of scientific project No. 2358. (Cooperation Agreement on the implementation of project No. 2358, Contract No. 2021-2652 for the execution of works with the project executor.)

For citation: Sukhobok T.V. The Influence of Social Rights' Foreign Teachings on the Russian Political and Legal Thought at the Beginning of the 20th Century, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 91-109. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_91.

Введение. Большинство российских дореволюционных юристов, несмотря на расхождения по вопросам о юридической природе социальных прав и необходимости их признания на конституционном уровне, выступали за эволюционный путь общественного развития. Они рассматривали становление капиталистических отношений как естественный и неизбежный процесс, который следует осмысливать, не впадая в крайности утопического социализма. Вместе с тем они отмечали негативные последствия капитализма. В настоящий момент произошедшие глубокие изменения социальной политики в нашей стране, ее все большая направленность на человека, и происходящие одновременно с этим, негативные процессы в области социальной политики государств западной Европы делают проблему изучения влияния зарубежных учений о социальных правах на российскую политико-правовую мысль начала XX века крайне актуальной и востребованной.

В Российской империи законодательное признание основных прав и свобод всех подданных произошло только в начале XX в., когда во многих европейских странах декларации и конституционные акты уже на протяжении десятилетий ограничивали государственную власть в интересах обеспечения свободы личности. Более того, соответствующие положения Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» и Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. воспринимались разными слоями общества как вынужденная реакция правительства на революционные выступления народных масс. Поэтому дореволюционный этап становления российского конституционализма сравнивается некоторыми исследователями с радикальными преобразованиями – поименованные *конституционными революциями* – в Персии (1905–1911) и Оттоманской империи (1908) (Moniz Bandeira 2017: 54; Sohrabi 1995: 1397-1399). Отставание от ряда передовых стран компенсировалось активным изучением их опыта российскими юристами, которые на данном материале разрабатывали оригинальные политико-правовые концепции. При этом они обращали внимание на то, что зарубежные коллеги часто занимали критические позиции по отношению к теориям правового государства XIX в. Причина заключалась в начавшемся тогда кризисе либеральной демократии, выдвинувшем на первый план задачу преодоления классовых противоречий, характерных для индустриального общества (Kurzman 2008: 304). Таким образом, российским дореволюционным юристам предстояло решить сложную задачу – в условиях формирования дуалистической монархии, после провозглашения личных и политических прав и свобод подданных, оценить перспективы новой модели социальной государственности и связанных с ней социальных прав.

Подчеркнем, что большинство дореволюционных юристов выступали за эволюционный путь общественного развития (Chamberlin 1967: 146-148;

Rosenberg 2019: 323-326; Shelokhaev 2004: 29; Treadgold 1951: 88; Tumanova 2016: 794-795). Вместе с тем они отмечали негативные последствия капитализма, особенно наглядно проявившиеся в специфическом социально-политическом контексте Российской империи начала XX в., но полагали, что их можно преодолеть посредством реформ, нацеленных на повышение благосостояния и уровня правовой культуры общества (Tissier 2007: 188; Walicki 1987: 342). Поэтому особое место в работах дореволюционных российских юристов, критически осмысливших, подобно зарубежным правоведом (Л. Дюги, Г. Еллинек, А. Менгер), опыт перехода обществ от феодализма к капитализму, а государств – от абсолютизма к конституционализму, отводится *социальному вопросу*.

Исследование влияния зарубежных учений о социальных правах на российскую политико-правовую мысль начала XX в. позволяет обнаружить преемственность в развитии идей, категорий и понятий. Например, анализ концептуальных и нормативных предпосылок социального государства в тот период предполагал определение понятия права на достойное существование. Одним из первых его разрабатывает австрийский юрист А. Менгер, который включает право на достойное существование в систему экономических прав, обеспечивающих защиту интересов трудящихся (Claeys 2015: 212). Он относит к ним права на полный продукт труда, существование и труд. Право на существование рассматривается как требование жизненно необходимых благ и услуг, удовлетворяемое государством исходя из имеющихся ресурсов, но в любом случае до удовлетворения менее насущных потребностей. Право на труд, по мнению А. Менгера, также является требованием, предъявляемым государству трудоспособным гражданином, который нуждается в «обычной работе» и «обычной поденной заработной плате» (Menger 1891: 128-130, здесь и далее перевод наш. – Т. С.). Такой подход получил широкую поддержку российских дореволюционных юристов, прежде всего представителей школы «возрожденного естественного права» (В.М. Гессен, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев), творчески переосмысливших его применительно к конкретным политическим и экономическим условиям Российской империи 1905–1917 гг.

В данной статье влияние зарубежных концепций социальных прав на формирование соответствующих политико-правовых учений в России начала XX в. рассматривается с двух позиций. Во-первых, анализируется проблема соотношения принципов правового государства и социального государства. Она включается в более широкую проблематику эволюции представлений о справедливости периода кризиса либеральной идеологии *laissez-faire* (то есть существенного ограничения государственного регулирования экономики) и перехода капиталистических обществ к империализму. Для этого периода, как утверждает А.М. Оноре, характерно смещение центра тяжести в понимании справедливости «с личных отношений к социальной справедливости» (Honore 1968: 74-75). Во-вторых, исследуются основные аргументы участников дискуссии, развернувшейся в российской дореволюционной юридической науке после перевода работ А. Менгера, посвященных праву на достойное существование: «Гражданское право

и неимущие классы населения», «Завоевание рабочим его прав. Право на полный продукт труда в историческом изложении», «Новое учение о государстве» и др. Подчеркнем, что в ходе этой дискуссии, одним из ярких эпизодов которой является спор П.И. Новгородцева и И.А. Покровского, актуализируются такие взаимосвязанные аспекты справедливости, как индивидуалистический и коллективистический, содержательный и формальный, морально-этический и юридический.

Проблема соотношения принципов правового и социального государства в концепциях российских дореволюционных юристов. Переход от абсолютизма к конституционной монархии, начавшийся в 1905–1906 гг., дореволюционные российские юристы оценивали по-разному. Некоторые, как Ф.Ф. Кокошкин, называли его освободительным движением и сравнивали с западноевропейской либеральной демократией. В то же время Б.А. Кистяковский обращал внимание на низкий уровень правовой культуры всех сословий, препятствовавший укоренению ценности прав человека. Если одни юристы отмечали прогресс в развитии политико-правовых институтов Российской империи начала XX в. (*формально-юридический подход*), то другие предупреждали о последствиях несоответствия менталитету основной массы населения учреждаемых сверху институтов (*социологический подход*). Так, Ф.Ф. Кокошкин полагал, что демократические реформы в России могут служить примером для Австрии, Китая, Персии, Турции и Черногории. Напротив, Б.А. Кистяковский констатировал, что даже образованная часть общества «не была знакома ни с имперским правом, которое она считала своим долгом ненавидеть, как и создавший его деспотизм, ни с идеей формальных свобод, презираемой интеллигенцией во имя реализма». На наш взгляд, более взвешанным следует признать социологический подход к оценке процесса формирования конституционного государства в Российской империи начала XX в., поскольку его представители учитывали конкретные исторические условия, в которых происходило развитие данного процесса, и общемировые тенденции кризиса либерализма. Обращение к фактам общественной жизни позволило им установить ограниченность либеральной концепции правового государства, отдающей приоритет индивидуальной свободе и формальному равенству в ущерб признанию юридической природы социальных прав.

Заметим, что либеральные концепции правового государства XIX в. основываются на постулатах первичности автономии личности и вторичности общего блага. Как утверждает немецкий историк права Э.Р. Хубер, «реальный сущностный признак правового государства эпохи буржуазного общества» состоит в защите личности и обеспечении ее «свободного, самостоятельного, осмысленного развития» (Huber 1965: 199). Поэтому Р. Гнейст, Х. фон Зигварт, Р. фон Моль, Ф. Шталь называют формальные ограничения государственного вмешательства в сферу осуществления гражданских прав и свобод одним из обязательных условий формирования правового государства. Положения их концепций отражают результат борьбы буржуазного общества с феодально-абсолютистской монархией, который заключается в формальном признании государством ценности жизни, свободы, частной

собственности и в целом – «свободной организации общественного бытия» (Huber 1965: 250-253). При этом в либеральных концепциях правового государства XIX в. центральное место занимает формальный, а не материальный аспект новых типов общественного и государственного устройства, что отчасти объясняется влиянием на взгляды юристов того времени моральной философии И. Канта.

Действительно, в «Метафизике нравов» право, определяется как «совокупность условий, при которых произволение (произвол. – Т. С.) одного [лица] совместим с произволением (произволом. – Т. С.) другого с точки зрения всеобщего закона свободы» (Кант 1994: 253). Иными словами, сфера индивидуальной свободы ограничивается правовыми рамками, касающимися только внешней стороны общественных отношений. В определении права, предлагаемом И. Кантом, не учитываются цели, которые преследуют индивиды, вступившие в «отношения двустороннего произволения», который И. Кант рассматривал с позиции формального подхода «исключительно как *свободный*» (Кант 1994: 253). По этой логике государство, подобно отношениям между индивидами, должно принять правовую форму, чтобы получили признание и защиту ценности буржуазного общества, а также обеспечивалась свободная организация общественного бытия. Таким образом, материальный аспект правового государства уходит на второй план, что, в свою очередь, обуславливает понимание прав человека преимущественно в их негативном значении, предполагающем обязанность органов государственной власти и должностных лиц воздерживаться от произвольного вмешательства в частную жизнь индивида.

Критикуя проводимое И. Кантом различие между правом и моралью, сторонники либеральных концепций правового государства XIX в. однако используют разработанный им формальный подход к определению и классификации основных прав личности. В соответствии с этим подходом они устанавливают тесную взаимосвязь между понятиями свободы, равенства и справедливости, но ограничиваются рассмотрением концептов *негативной* свободы, *формального* равенства и *рациональной* справедливости, основанной на общественном договоре. Подчеркнем, что рациональность справедливости, согласно либеральным мыслителям, вдохновленным кантовской философией права, предполагает возможность отказа индивида от участия в общественной жизни, если данное участие не соответствует его интересам. Следовательно, общество должно оправдывать свое существование в глазах рациональных индивидов, мотивируя их к включению в социальные практики посредством признания и защиты таких ценностей, как жизнь, свобода и частная собственность. Иными словами, общественный договор только тогда выполняет мотивирующую функцию, когда индивидуальные интересы ставятся выше общественных и обеспечиваются правовыми средствами, прежде всего гарантиями личной свободы, понимаемыми как гарантии от государственного произвола. Поэтому еще в конце XIX в. один из основоположников социологической теории права Н.М. Коркунов утверждал, что ограничение власти правом, прогрессирующее вместе с прогрессом общественной жизни, «есть несомненный исторический факт» (Коркунов 2010:

341). Однако уже к тому времени стали очевидны серьезные недостатки классических либеральных концепций правового государства и связанных с ними концепций прав и свобод личности.

Постулаты первичности индивидуальных интересов и вторичности общего блага, а также автономно-этическая теория рациональной справедливости, получая нормативное выражение, приводили к обострению классовых противоречий и росту эгоистических настроений в буржуазном обществе. Так, отражая результат его борьбы с абсолютизмом, либеральные концепции правового государства требовали ограничения государственного влияния на общественные отношения. Таким образом, свободные и рациональные индивиды оказывались предоставленными самим себе в условиях жесткой конкуренции со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во второй половине XIX в. Р. фон Иеринг предпринимает попытку выхода за узкие рамки автономно-этического учения о рациональной справедливости, которое свело проблему справедливости к отношениям между личностью и государством. Он противопоставляет «индивидуалистической теории собственности», отстаивающей «право абсолютного распоряжения» собственником принадлежащим ему имуществом, «общественную теорию собственности», включающую в себя принцип обоюдного удовлетворения интересов индивида и общества. При этом в иерархии ценностей, защищаемых правом, немецкий юрист ставит справедливость, выражающую общий интерес, выше свободы (Jhering 1913: 302).

Следует признать, что формально-юридический подход к определению и классификации индивидуальных прав и свобод все-таки оказал влияние на формирование взглядов Рудольфа фон Иеринга, что особенно заметно, когда понятия свободы и равенства интерпретируются им в качестве структурных элементов концепта справедливости (Hofmann 2009: 323-325). В то же время критика Р. фон Иерингом либеральных концепций правового государства, содержащих идеи приоритета частных интересов над общими, рациональной справедливости, формального равенства и государственного невмешательства в сферу свободы личности, получила признание дореволюционных российских юристов. Она послужила отправной точкой для социологической разработки концепции права с целью изучения социальной природы (Ю.С. Гамбаров, Н.А. Гредескул, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев). Так, Н.М. Коркунов, высоко оценивая концепцию, изложенную в работе Р. фон Иеринга «Борьба за право», подчеркивает необходимость выработки на ее основе нового подхода к изучению процесса развития права. Российский правовед отмечает, что в действительности право представляет собой «плод борьбы разнообразных общественных интересов», а не результат «естественного роста», как полагали представители исторической школы права (Коркунов 2010: 176). Однако при этом он отказывается признавать право «всцело продуктом сознательной деятельности, сознательной борьбы» (Коркунов 2010: 176), поскольку обычаи как источники права, возникая произвольно, только со временем становятся правовыми. Но даже с такой существенной оговоркой концепция происхождения и развития права Н.М. Коркунова во многом опирается на идеи

Р. фон Иеринга, которые позволяют обосновать по мнению Иеринга замену устаревших норм на сознательно выработанные и более соответствующие современным условиям жизни, а также более справедливыми юридическими нормами, открывая возможности для социальных реформ. Развивая эту мысль, С.А. Муромцев обращает особое внимание на то, что параллельно борьбе в сфере юридических норм (объективное право) «происходит борьба в сфере правовых отношений (субъективное право)», причем ее энергия «выражает силу интересов, лежащих в основе правовых отношений» (Муромцев 2004: 533). Поэтому, согласно автору фундаментальной работы «Определение и основное разделение права», ценность учения Р. фон Иеринга заключается прежде всего в том, что немецкий юрист правильно определяет «отношение, в котором состоит право к другим явлениям социальной жизни»: «право относится к потребностям этой жизни как средство к цели» (Муромцев 2004: 534). По сути, правовые нормы отражают борьбу интересов и являются результатом столкновения идей, в том числе представлений о справедливости, которые эволюционируют вместе с обществом.

Вместе с тем во второй половине XIX в. становится очевидным, что понятие правового государства не должно исчерпываться «формальными, техническими и институциональными характеристиками», поскольку свобода индивида «не является самоцелью» (Huber 1965: 269). Если формальная законность по-прежнему рассматривается многими юристами того времени как наиболее эффективная гарантия неприкосновенности жизни, свободы и собственности, то сами эти ценности уже воспринимаются в качестве вспомогательных для реализации в конкретных условиях высшей ценности – достоинства личности. Таким образом, критика Р. фон Иерингом рациональных концепций правового государства позволила установить их искусственный характер, оторванность от реальности, которую предстояло преодолеть социологической школе права. Но она ограничивается преимущественно формальным противопоставлением индивидуальных и общественных интересов и поиском компромисса между ними, упрощая проблематику защиты личности. Между тем в индустриальном обществе обнаруживаются препятствия для личностного развития, связанные не только с государственным вмешательством в сферу частной жизни индивида или ростом эгоистических настроений, но и с жесткой конкуренцией за ресурсы. Меняются представления юристов о справедливости, вследствие чего формируются новые концепции правового государства, принимающие во внимание недостатки рационалистического либерализма, к числу сторонников которого можно отнести, например, Б.Н. Чичерина (Hamburg 1992: 143-144). Согласно этим концепциям, активное участие государства в обеспечении «свободного, самостоятельного, осмысленного развития личности» рассматривается как важное условие становления правовой государственности, предоставляющей личности защиту от «обесценивания роли и достоинства индивидуального бытия» (Huber 1965: 271).

Одним из основоположников нового научного направления становится Г. Еллинек, разработавший оригинальное учение о субъективных публичных

правах. Он выделяет в структуре субъективного права *формальную* (воля) и *материальную* (интерес) стороны, по сути, объединяя подходы И. Канта и Р. фон Иеринга к определению центральных компонентов права. В результате субъективное право понимается им в качестве «признаваемой и защищаемой правовым порядком волевой мощи человека, которая направлена на благо или интерес» (Jellinek 2011: 266). При этом австро-немецкий юрист проводит различие между субъективными частными и публичными правами в зависимости от того, кому адресованы индивидуальные притязания: другим индивидам или государству. Во втором случае речь идет о предоставлении индивиду тех благ, которые он не может добыть самостоятельно. Подчеркнем, что, по мнению Г. Еллинека, только субъективные публичные права являются неотчуждаемыми и непередаваемыми, поскольку они основаны на взаимоотношениях личности и государства (Kelly 2004: 320-324; Lepsius 2019: 18-21). Примечательна их классификация, проводимая автором «Системы субъективных публичных прав», критерием которой служит динамический аспект указанных взаимоотношений: 1) права личности на свободу от произвола государственной власти; 2) права личности на положительные действия со стороны государства в ее интересах; 3) права личности на участие в управлении государством. К первой группе относятся, например, неприкосновенность личности и жилища, свободы передвижения, совести, слова, печати и собраний. Ко второй, – право на государственную защиту законных интересов личности, прежде всего судом. К третьей группе, – избирательные и иные политические права.

Опираясь на идеи Г. Еллинека, российские дореволюционные юристы разработали собственные классификации субъективных публичных прав. Так, Ф.В. Тарановский тоже подразделяет их на три группы: 1) права на участие во власти; 2) права на свободу от власти; 3) права на содействие власти. В первую группу он включает избирательные права граждан и права органов народного представительства, во вторую – гражданские права, признание и защита которых позволяют реализовать духовные и материальные интересы (например, свобода вероисповедания, неприкосновенность жилища). Особо следует выделить последнюю группу, поскольку к ней относятся права, непосредственно связанные с активизацией роли государства в социальной, экономической и культурной сферах жизни индустриального общества. Более того, Ф.В. Тарановский перечисляет субъективные публичные права именно в такой последовательности, отличающейся от классификации Г. Еллинека, но соответствующей этапам эволюции правового статуса личности (Тарановский 1923: 239). Тем не менее в обеих классификациях субъективные публичные права рассматриваются как *притязания* личности, то есть ее позитивные права, которым соответствуют обязанности государства предоставить конкретные блага, что сближает концепции Г. Еллинека и Ф.В. Тарановского с учением А. Менгера о праве на достойное существование. Однако, в отличие от А. Менгера, Ф.В. Тарановский сомневается в юридической природе данного права.

Основные аргументы Ф.В. Тарановского сводятся к следующему. Во-первых, он характеризует государственное управление конца XIX – начала XX в.

как развивающееся в духе социальной политики, что, в свою очередь, обусловливает расширение объема и содержания субъективных прав на содействие власти. Так, государством признаются права на защиту труда от эксплуатации работодателем, образование, признание бедных и т.д. Основная задача социальной политики, по мнению Ф.В. Тарановского, заключается в «устранении острых социальных конфликтов» и «поддержании элементов социально слабых при свободе конкуренции» (Тарановский 1923: 245). Применяя конкретные меры, нацеленные на предотвращение, устранение или смягчение негативных последствий развития капиталистического общества, государство адекватно реагирует на возникающие проблемы. Разумеется, от их успешного решения в конечном счете выигрывают индивиды, но отсюда не следует, что появляется новое субъективное публичное право. Корректнее рассматривать так называемое право на существование в качестве рефлекса односторонней обязанности, принимаемой на себя государством в постоянно изменяющихся социально-экономических и политических условиях.

Во-вторых, Ф.В. Тарановский обращает внимание на юридическую технику, применяемую при конституционном закреплении социальных прав. Показательно, что даже посвященные направлениям социальной политики государства положения ст. 163 Веймарской конституции 1919 г., подводившей своеобразный итог развитию учений о социальных правах конца XIX – начала XX в., носят явно декларативный характер. Несмотря на то, что законодатель провозглашает обязанность государства предоставить каждому немцу возможность добывать пропитание экономической деятельностью, а также, «если не существует возможности предоставить подходящую работу», гарантирует каждому гражданину необходимую поддержку, остается открытым вопрос о том, какой орган государственной власти должен обеспечить реализацию данных конституционных положений. Подобный аргумент встречается в работах либерального мыслителя прошлого века Ф. фон Хайека, который развивает концепцию общества как сложившегося стихийно рыночного порядка. Он утверждает, что социально-экономические права несовместимы со «старыми гражданскими правами», поскольку за их признанием должно следовать решение вопросов, связанных с обеспечением осуществления новых позитивных прав. В результате принятия политических решений членам общества «придется делать то, что им велят», и либеральное правовое государство перестанет существовать (Науек 2012: 220). Следовательно, альтернативой такому положению вещей может быть только *декларативное* конституционное признание права на достойное существование.

Вопрос об убедительности аргументов Ф.В. Тарановского необходимо рассматривать в контексте дискуссии о праве на достойное существование, которая развернулась в начале XX в. между представителями различных школ и направлений российской юридической науки. Однако перед ее анализом следует отметить, что в ходе дискуссии на концептуальном уровне обнаруживается сближение принципов правового и социального государства. Под влиянием критики либеральной концепции правовой

государственности рядом зарубежных ученых (Г. Еллинек, Р. фон Иеринг, А. Менгер) российские дореволюционные юристы изучают возможности нормативного выражения идеи реальной, а не рациональной справедливости. Она рассматривается ими в качестве *социальной справедливости*, которая обусловлена диалектической взаимосвязью интересов и всегда имеет конкретно-историческое содержание. Соответственно, учения о социальных правах разрабатываются российскими дореволюционными юристами в рамках комплексной концепции *социального правового государства*, ориентированной на реализацию в индустриальном обществе переходного типа. В частности, Б.А. Кистяковский, опираясь, как и Ф.В. Тарановский, на теорию Г. Еллинека, подразделяет субъективные права на следующие группы: 1) права, непосредственно связанные со свободой личности от государства (неприкосновенность личности, жилища, свобода совести и др.); 2) права на положительные услуги со стороны государства (права на труд, образование, судебную защиту и др.); 3) права на участие в управлении государством (активное и пассивное избирательные права, право петиций и др.). При этом, анализируя природу прав, отнесенных ко второй группе, Б.А. Кистяковский разрабатывает оригинальную концепцию социалистического государства как высшей стадии развития правового государства, на которой должно произойти расширение сферы индивидуальной свободы за счет добавления к перечню прав и свобод XVIII–XIX вв. новых гарантированных и обеспеченных государством возможностей для всестороннего развития личности. Они включаются в понятие права на достойное человеческое существование (Кистяковский 2010: 543–545). Таким образом, отталкиваясь от теорий ведущих зарубежных ученых второй половины XIX – начала XX в., преимущественно ориентировавшихся на действующее законодательство и критиковавших устаревший формально-юридический подход к описанию принципов правового государства, отечественные правоведы формулируют нормативные требования к условиям жизнедеятельности человека в эпоху перехода капиталистических обществ к империализму и намечают основные направления правовой политики государства в социальной сфере.

Дискуссия в российской юридической науке начала XX века о праве на достойное существование. Российские дореволюционные юристы, прежде всего представители двух научных школ – «возрожденного естественного права» и социологической, рассматривают право на достойное существование как выражение новой функции государства, направленной на регулирование материальных условий осуществления свободы личности. При этом они предполагают, что данная функция дополняет исторически и логически предшествовавшую ей функцию защиты индивидуальных прав и свобод. Например, по утверждению С.А. Котляревского, индивид, будущий гражданин государства, обладает естественным правом на удовлетворение государством его потребностей. Поэтому государство обязано создавать индивидам достойные условия жизни, поддерживая их в борьбе за существование. Вместе с тем С.А. Котляревский указывает на трудности, с которыми сталкиваются государства, включающие социальные права в декларации и

конституции или закрепляющие их на уровне так называемого рабочего законодательства. В качестве примера он приводит опыт провозглашения права на труд французским Национальным конвентом (1792–1795) и Второй республикой (1848–1852), подчеркивая, что при отсутствии «крайне сложной экономической организации», а также «известного уровня производительных сил страны» такое провозглашение «превращается в благое пожелание» (Котляревский 2004: 222). Согласно С.А. Котляревскому, «едва ли логично и практически полезно» расширять перечень содержащихся в законодательстве прав и свобод, добавляя к ним социальные права, несмотря на связь постулата социальной морали с идеей естественного права и близость многих принципов социализма целям либеральных деклараций (Котляревский 2004: 222).

По мнению Б.А. Кистяковского, работы которого получили признание зарубежных ученых первой половины прошлого века, в результате изъятия средств производства из гражданско-правового оборота и их превращения в общенародное достояние образуется группа прав на положительные услуги со стороны государства. Такие права включаются в структуру положительного публично-правового статуса личности и составляют субъективное публичное право на достойное существование. К ним относятся права на труд, развитие способностей и талантов, свободное распоряжение своими способностями к труду и т.д. Подчеркнем, что Б.А. Кистяковский рассматривает право на достойное существование в качестве выражения стремления к экономической свободе, посредством которой индивид может также обрести другие свободы – духовную и общественную. В полной мере эти устремления, согласно автору фундаментальной работы «Социальные науки и право», реализуются только при условии построения социалистического государства, понимаемого им как социальное правовое государство (Кистяковский 2010: 340).

Примечательно, что в более поздней концепции С.И. Гессена, основные положения которой представлены в его трудах, посвященных проблемам правового государства, социализма и социального права, содержание понятия права на достойное существование шире, чем у Б.А. Кистяковского и С.А. Котляревского. Гессен утверждает, что равенство в экономической области предполагает, помимо равноправия, право на поддержку государством, если конкуренция за ресурсы приводит к господству одних индивидов над другими. Следовательно, государство обязано нормативно закреплять и гарантировать права на образование, труд и вспоможение, а также обеспечивать правовой характер экономической конкуренции и ограничивать монополистическую деятельность (Walicki 1987: 306-308). Однако, в отличие от Б.А. Кистяковского и С.А. Котляревского, С.И. Гессен не включает право на достойное существование в систему субъективных публичных прав, поскольку оно не относится к позитивным правам, как, например, право на судебную защиту. Автор работы «Правовое государство и социализм», признавая тесную взаимосвязь права на достойное существование и экономических отношений (что сближает его концепцию с теорией социального правового государства Б.А. Кистяковского), в конечном счете рас-

смачивает понятие права на достойное существование как собирательное, обозначающее множество притязаний, направленных на получение индивидом материальных благ.

Разумеется, не все российские дореволюционные юристы признавали научный характер понятия права на достойное существование. Объяснение такому подходу можно найти в «Общей теории права» Г.Ф. Шершеневича, который ссылается на учения ряда зарубежных юристов, отрицающих само существование субъективного права. Так, Л. Дюги заявляет о необходимости устранить из юридической науки и практики «метафизическое представление о субъективном праве» (Duguit 1908: 124). Впрочем, в своем фундаментальном учебнике конституционного права он проводит различие между объективным и субъективным правом, подчеркивая, что последнее представляет собой возможность получения индивидом общественного признания «желаемого результата, если преследуемая цель и мотив поведения признаются законными объективным правом» (Duguit 2007: 305). Поэтому следует согласиться с мнением Г.Ф. Шершеневича о том, что и подобное отрицание субъективного права является лишь критикой терминологии. Вместе с тем адепты юридического позитивизма в российской науке конца XIX – начала XX в. в целом скептически относятся к признанию юридической природы субъективных прав, особенно публичных. Например, Г.Ф. Шершеневич, вопреки представлениям сторонников естественно-правовых учений, полагает, что логически и исторически объективное право предшествует субъективному праву, которое он определяет как власть, обеспеченную и ограниченную объективным правом. При этом даже такое узкое толкование понятия «субъективное право» он ограничивает сферой регулирования частноправовых отношений, поскольку государство, преследуя собственные интересы, не может юридически ограничить себя. Таким образом, с точки зрения позитивистских концепций субъективные публичные права должны рассматриваться только в качестве «рефлексивного действия выполняемых агентом власти обязанностей» (Шершеневич 2016: 535).

Однако при подробном рассмотрении идей цитируемого Г.Ф. Шершеневичем Л. Дюги можно заметить, что они оказали значительное влияние на развитие представлений российских дореволюционных ученых о правовом регулировании социально-экономических отношений. Так, по мнению М.М. Ковалевского, французский юрист, переосмысливая концепции О. Конта и Э. Дюркгейма в духе новой теории солидаризма, стремится «показать, что нет коллективного интереса, противоположного индивидуальному», и предлагает понятие свободы, «которая является не субъективным правом, но следствием налагаемой на каждого человека обязанности развивать возможно полнее свою индивидуальность». При этом под индивидуальностью понимается физическая, интеллектуальная и моральная деятельность индивида, позволяющая ему «возможно лучше способствовать общественной солидарности» (Ковалевский 1991: 279). Исходя из задачи создания необходимых условий для развития индивидуальности и укрепления солидарности, Л. Дюги полагает, что государство должно обеспечить

каждому минимальный уровень бесплатного образования, а также гарантировать право на труд и предоставить средства для существования нетрудоспособным лицам. В то же время декан юридического факультета Университета Бордо выступает против чрезмерного регулирования государством социально-экономической жизни, поскольку реализация «коллективистских доктрин» может привести к возникновению «чудовищной власти» и уничтожению индивидуальной свободы (Duguit 1908: 40-41). Такая теория социальной политики государства, избегающая крайностей либерализма и социализма, оказалась востребованной многими российскими учеными в межреволюционный период 1905–1917 гг., поскольку именно солидаризм позволял соединить в одной концепции борьбу за существование, взаимопомощь, активное участие каждого в общественной жизни, не преследуя при этом целей уравнительного социализма и не сводя понятие достойного существования человека исключительно к материальным благам, то есть сохраняя нравственную основу общества.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет дискуссия о нормативном закреплении права на достойное существование, развернувшаяся между двумя представителями либерального направления российской дореволюционной юридической науки – философом права П.И. Новгородцевым и цивилистом И.А. Покровским. По мнению П.И. Новгородцева, не следует сводить право на достойное существование к положительному содержанию человеческого идеала – его правильнее рассматривать как «отрицание тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни» (Новгородцев 1911: 4). Кроме того, это право представляет собой новое измерение свободы личности и определяет способ регулирования материальных условий, необходимых для ее достижения. Понимая свободу в более широком смысле, чем в формально-юридическом и отрицательном, П.И. Новгородцев полагает, что в условиях индустриального общества от государства требуется не только устранить препятствия на пути развития свободы личности, но и обеспечить материальные возможности для ее проявления.

Возражая ему, И.А. Покровский приходит к выводу о том, что право на достойное существование представляет собой, по сути, право на выживание, которое предусматривает обязанность государства спасти от голодной смерти всех нуждающихся. Поэтому он предлагает использовать более адекватный анализируемому понятию термин «право на существование», которым нагляднее обозначается необходимость обеспечения определенных условий и потребностей, а именно: «minimum того, что государство... должно обеспечить человеку» (Новгородцев 1911: 35). При таком подходе, согласно И.А. Покровскому, право на существование действительно становится позитивным, поскольку будучи оплаченным обществом наделяет индивида правомочием требовать от государства поддержки в трудной жизненной ситуации. Подчеркнем, что если П.И. Новгородцев рассматривает право на труд фактически как разновидность права на достойное существование, то И.А. Покровский разделяет эти права и связывает положения так называемого рабочего законодательства, включающего в себя

законы о социальном страховании работников и профессиональных союзах, только с правом на труд. Наконец, в концепции П.И. Новгородцева право на достойное существование представляет собой нравственный и юридический принцип, из которого следует необходимость фабричного законодательства и признания социальных прав, тогда как в концепции И.А. Покровского данное право рассматривается независимо от его этического компонента и трактуется как индивидуальное притязание, чисто субъективное право.

На наш взгляд, на концепцию П.И. Новгородцева оказали влияние теории этического минимума Г. Еллинека и В.С. Соловьева. Австро-немецкий юрист в работе «Социально-этическое значение права, неправды, наказания» одним из первых характеризует право как этический минимум, указывая, что оно объективно представляет собой «условия сохранения общества», а субъективно – «минимум нравственной жизнедеятельности и нравственного настроения, требующийся от членов общества» (Kersten 2021: 273). Что касается В.С. Соловьева, то он рассматривает право на достойное существование в контексте религиозно-нравственного учения как естественное, безусловное и неотчуждаемое право личности. Однако следует подчеркнуть, что понятие достойного существования, по мнению российского философа, нетождественно минимальному добру. Речь идет о принципе, который выводится В.С. Соловьевым из общего блага, включающего в себя удовлетворение личных потребностей в должных пределах (Соловьев 2012: 310). Практическим аспектом идеи права на достойное существование в его концепции становится требование проведения социально-экономических реформ, а теоретическим – определение человека в духе моральной философии И. Канта как предмета общей деятельности, но не средства достижения общего блага. В соответствии с таким подходом общество обязано признать и обеспечить право каждого индивида на достойное существование, которое позволит ему удовлетворить материальные потребности и духовно совершенствоваться.

Заключение. Таким образом, в российской политико-правовой мысли начала XX в. формируются оригинальные концепции социального правового государства и права на достойное существование. Представители различных научных школ критически исследуют либеральные учения XIX в. о правах и свободах личности, правовой государственности, пределах осуществления государственной власти, а также о соотношении частных и общих интересов. Ориентиром для них служат работы их современников (Л. Дюги, Г. Еллинек, Р. фон Иеринг, А. Менгер и др.), определявших и классифицировавших права нового поколения – социальные права. Кроме того, российские дореволюционные юристы обращают пристальное внимание на интенсивное развитие так называемого рабочего законодательства и первые опыты закрепления социальных прав на конституционном уровне, по-разному оценивая юридическую технику, применяемую законодателем. Общим для всех концепций социальных прав российских дореволюционных юристов, на наш взгляд, является стремление реализовать принцип социальной, то есть реальной справедливости.

В комплексную концепцию социального права и государства ответственными дореволюционными юристами были включены разработанные ими положения об учениях о социальных правах. Либеральные учения о правах и свободах личности, соотношении частных и личных интересов и государственной власти, предшествующего столетия подвергались резкой критике со стороны представителей различных научных школ. Стремление к реализации принципа социальной справедливости, стало общей идеей и стремлением для всех российских дореволюционных юристов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кант И. 1994. Метафизика нравов / пер. С.Я. Шейнман-Топштейн, Ц.Г. Арзаканьян // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. Москва : Чоро. Т. 6. С. 224-567.

Кистяковский Б.А. 2010. Избранное. В 2 ч. Ч. 1. Москва: РОССПЭН, 374 с. (Б-ка отечеств. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX в.).

Ковалевский М.М. 1991. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности // Вехи; Интеллигенция в России : сб. статей. 1909–1910 / сост., коммент. Н. Казаковой. Москва : Мол. гвардия. С. 269-294.

Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский. Москва : РОССПЭН, 2010. 520 с. (Б-ка отечеств. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX в.).

Котляревский С.А. 2004. Конституционное государство; Юридические предпосылки русских основных законов / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова ; МГУ им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак. Москва. 392 с.

Муромцев С.А. 2004. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. Москва : ЦентрЮрИнфоР. 765 с.

Новгородцев П.И. 1911. О праве на существование : Социально-филос. этюды П.И. Новгородцева, проф. Моск. ун-та и И.А. Покровского, проф. С.-Петербур. ун-та. Санкт-Петербург ; Москва : Т-во М.О. Вольф. 48 с.

Соловьев В.С. 2012. Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. Москва : Ин-т рус. цивилизации : Алгоритм. 656 с.

Тарановский Ф.В. 1923. Энциклопедия права. 2-е изд., испр. и доп. [Берлин] : Слово. 439 с.

Шершеневич Г.Ф. 2016. Избранное. В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / вступ. слово, сост. П.В. Крашенинников. Москва : Статут. 752 с. (Юристы, изменившие право, государство и о-во).

Chamberlin W.H. 1967. The short life of Russian liberalism // The Russian review. Vol. 26, iss. 2. P. 144-152.

Claeys G. 2015. Socialism and the language of rights: the origins and implications of economic rights // Revisiting the origins of human rights / Ed. by P. Slotte, M. Halme-Tuomisaari. Cambridge : Cambridge Univ. Press. P. 206-236.

Duguit L. 1908. Le droit social, le droit individuel et la transformation de l'État: Conférences faites à l'école des hautes études sociales. Paris : Éd. Félix Alcan. 154 p.

Duguit L. 2007. Manuel de droit constitutionnel. Paris : Éditions Panthéon-Assas. 605 p.

Hamburg G.M. 1992. Boris Chicherin & Early Russian liberalism, 1828–1866. Stanford : Stanford Univ. Press. 443 p.

Hayek F.A. 2012. Law, legislation and liberty: a new statement of the liberal principles of justice and political economy. London : Routledge. 584 p.

- Hofmann H. 2009. From Jhering to Radbruch: On the Logic of Traditional Legal Concepts to the Social Theories of Law to the Renewal of Legal Idealism : Ch. 8 // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence / Ed. by E. Pattaro, D. Canale, P. Grossi, H. Hofmann, P. Riley. Dordrecht : Springer. P. 301-354. DOI 10.1007/978-90-481-2964-5_8.
- Honoré A.M. 1968. Social justice // Essays in legal philosophy / Ed. by R.S. Summers. Berkeley ; Los Angeles : Univ. of California Press. P. 61-94.
- Huber E.R. 1965. Nationalstaat und verfassungsstaat. Studien zur geschichte der modernen staatsidee. Stuttgart : Kohlhammer. 293 p.
- Jellinek G. 2011. System der subjektiven öffentlichen rechte. Tübingen : Mohr Siebeck. 366 p.
- Jhering R. von 1913. Law as a means to an end. Boston : The Boston Book Company. 483 p.
- Kelly D. 2004. Revisiting the rights of man: Georg Jellinek on rights and the State // Law and history review. Vol. 22, iss. 3. P. 493-529.
- Kersten J. 2021. The normative power of the factual: Georg Jellinek's phenomenological theory of reflective legal positivism // The Cambridge companion to legal positivism / Ed. by T. Spaak, P. Mindus. Cambridge : Cambridge Univ. Press. P. 248-271. DOI 10.1017/9781108636377.011.
- Kurzman Ch. 2008. Democracy denied, 1905–1915. Intellectuals and the fate of democracy. Cambridge : Harvard Univ. Press. 404 p.
- Lepsius O. 2019. Georg Jellinek's Theory of the Two Sides of the State // The normative force of the factual: legal philosophy between is and ought / Ed. by F. Schauer, C. Bezemek and N.B. Ladavac. Springer. P. 5-28.
- Menger A. 1891. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung. Stuttgart : J.G. Cotta. 178 p.
- Moniz Bandeira E. 2017. China and the political upheavals in Russia, the Ottoman Empire, and Persia: non-western influences on constitutional thinking in late imperial China, 1893–1911 // The Journal of Transcultural studies. Vol. 8, iss. 2. P. 40-78. DOI 10.17885/heiup.ts.2017.2.23701.
- Rosenberg W.G. 2019. Liberals in the Russian revolution: the constitutional democratic party, 1917–1921. Princeton : Princeton Univ. Press. 560 p.
- Shelokhaev V.V. 2004. The liberal reform model in early twentieth-century Russia // Russian studies in history. Vol. 42, iss. 4. P. 29-37. DOI 10.1080/10611983.2004.11060996.
- Sohrabi N. 1995. Historicizing revolutions: constitutional revolutions in Ottoman Empire, Iran, and Russia, 1905–1908 // American journal of sociology. Vol. 100, iss. 6. P. 1383–1447.
- Tissier M. 2007. Malaise dans la culture juridique libérale en Russie après 1905: “pédagogie des libertés” et éducation au droit // Cahiers du Monde russe. Vol. 48, iss. 2-3. P. 185-208. DOI 10.4000/monderusse.8995.
- Treadgold D.W. 1951. The constitutional democrats and the Russian liberal tradition // American Slavic and East European review. Vol. 10, iss. 2. P. 85-94. DOI 10.2307/2491544.
- Tumanova A. 2016. The liberal doctrine of civil rights in late imperial Russia // Cahiers du Monde russe. Vol. 57, iss. 4. P. 791-818. DOI 10.4000/monderusse.9990.
- Walicki A. 1987. Legal philosophies of Russian liberalism. New York : Clarendon Press of Oxford Univ. Press, 477 p.

References

- Chamberlin W.H. The short life of Russian liberalism, *The Russian review*, 1967, vol. 26, iss. 2, pp. 144-152.

Claeys G. Socialism and the language of rights: the origins and implications of economic rights, *P. Slotte, M. Halme-Tuomisaari (eds.) Revisiting the origins of human rights*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2015, pp. 206-236.

Duguit L. *Social law, individual law and the transformation of the state: Lectures given at the School of advanced social studies*, Paris, Éd. Félix Alcan, 1908, 154 p. (in French).

Duguit L. *Handbook of constitutional law*, Paris, Éditions Panthéon-Assas, 2007, 605 p. (in French).

Hamburg G.M. *Boris Chicherin & Early Russian liberalism, 1828–1866*, Stanford, Stanford Univ. Press, 1992, 443 p.

Hayek F.A. *Law, legislation and liberty: a new statement of the liberal principles of justice and political economy*, London, Routledge, 2012, 584 p.

Hofmann H. From Jhering to Radbruch: On the Logic of Traditional Legal Concepts to the Social Theories of Law to the Renewal of Legal Idealism : Ch. 8, *E. Pattaro, D. Canale, P. Grossi, H. Hofmann, P. Riley (eds.) A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence*, Dordrecht, Springer, 2009, pp. 301-354. DOI 10.1007/978-90-481-2964-5_8.

Honoré A.M. Social justice, *R.S. Summers (ed.) Essays in legal philosophy*, Berkeley, Los Angeles, Univ. of California Press, 1968, pp. 61-94.

Huber E.R. *Nation-state and constitutional state. Studies on the history of the modern idea of the state*, Stuttgart, Kohlhammer, 1965, 293 p. (in German).

Jellinek G. *System of subjective public rights*, Tübingen, Mohr Siebeck, 2011, 366 p. (in German).

Jhering R. von. *Law as a means to an end*, Boston, The Boston Book Company, 1913, 483 p.

Kant I. *Metaphysics of Morals, Kant I. Sobranie sochineniy : v 8 t.*, Moscow, Choro, 1994, vol. 6, pp. 224-567. (in Russ.).

Kistyakovskiy B.A. *Selected works, in 2 pt. Pt. 1*, Moscow, ROSSPEN, 2010, 374 p. (in Russ.).

Kovalevskiy M.M. *Vzaimootnoshenie svobody i obshchestvennoy solidarnosti, N. Kazakova (comp.) Vekhi; Intelligentiya v Rossii : sb. statey. 1909–1910*, Moscow, Molodaya gvardiya, 1991, pp. 269-294. (in Russ.).

Korkunov N.M. *Lectures on the general theory of law*, Moscow, ROSSPEN, 2010, 520 p. (in Russ.).

Kotlyarevskiy S.A. *Constitutional state; Legal prerequisites of Russian basic laws*, Moscow, MGU im. M.V. Lomonosova, 2004, 392 p. (in Russ.).

Kelly D. Revisiting the rights of man: Georg Jellinek on rights and the State, *Law and history review*, 2004, vol. 22, iss. 3, pp. 493-529.

Kersten J. The normative power of the factual: Georg Jellinek's phenomenological theory of reflective legal positivism, *T. Spaak, P. Mindus (eds.) The Cambridge companion to legal positivism*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2021, pp. 248-271. DOI 10.1017/9781108636377.011.

Kurzman Ch. *Democracy denied, 1905–1915. Intellectuals and the fate of democracy*, Cambridge, Harvard Univ. Press, 2008, 404 p.

Lepsius O. Georg Jellinek's Theory of the Two Sides of the State, *F. Schauer, C. Bezemek, N.B. Ladavac (eds.) The normative force of the factual: legal philosophy between is and ought*, Springer, 2019, pp. 5-28.

Menger A. *The right to the full income from work in historical presentation*, Stuttgart, J.G. Cotta, 1891, 178 p. (in German).

Moniz Bandeira E. China and the political upheavals in Russia, the Ottoman Empire, and Persia: non-western influences on constitutional thinking in late imperial China,

1893–1911, *The Journal of Transcultural studies*, 2017, vol. 8, iss. 2, pp. 40-78. DOI 10.17885/heiup.ts.2017.2.23701.

Muromtsev S.A. *Selected works on Roman and civil law*, Moscow, TsentrYurInfoR, 2004, 765 p. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *On the right to exist : Socio-philosophical Studies by P.I. Novgorodtsev and I.A. Pokrovsky*, St. Petersburg, Moscow, Tovarishchestvo M.O. Vol'f, 1911, 48 p. (in Russ.).

Rosenberg W.G. *Liberals in the Russian revolution: the constitutional democratic party, 1917–1921*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2019, 560 p.

Shelokhaev V.V. The liberal reform model in early twentieth-century Russia, *Russian studies in history*, 2004, vol. 42, iss. 4, pp. 29-37. DOI 10.1080/10611983.2004.11060996.

Shershenevich G.F. *Selected works, in 6 vol., Vol. 4*, Moscow, Statut, 2016, 752 p. (in Russ.).

Sohrabi N. Historicizing revolutions: constitutional revolutions in Ottoman Empire, Iran, and Russia, 1905–1908, *American journal of sociology*, 1995, vol. 100, iss. 6, pp. 1383–1447.

Solovyov V.S. *Justification of goodness*, Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, Algoritm, 2012, 656 p. (in Russ.).

Taranovsky F.V. *Encyclopedia of Law*, 2nd ed., corr. and augm., Berlin, Slovo, 1923, 439 p. (in Russ.).

Tissier M. Malaise in the liberal legal culture in Russia after 1905: “pedagogy of freedoms” and education in law, *Cahiers du Monde russe*, 2007, vol. 48, iss. 2-3, pp. 185–208. DOI 10.4000/monderusse.8995.

Treadgold D.W. The constitutional democrats and the Russian liberal tradition, *American Slavic and East European review*, 1951, vol. 10, iss. 2, pp. 85-94. DOI 10.2307/2491544.

Tumanova A. The liberal doctrine of civil rights in late imperial Russia, *Cahiers du Monde russe*, 2016, vol. 57, iss. 4, pp. 791-818. DOI 10.4000/monderusse.9990.

Walicki A. *Legal philosophies of Russian liberalism*, New York, Clarendon Press of Oxford Univ. Press, 1987, 477 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Владимировна Сухобок

Аспирант кафедры теории и истории права и государства; истории учений о праве и государстве Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, г. Калининград, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7484-8157>;
ResearcherID: AGQ-6034-2022;
E-mail: sukhobok94@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Sukhobok

Postgraduate student of the Department of Theory and History of Law and State; History of the Teachings of Law and State of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7484-8157>;
ResearcherID: AGQ-6034-2022;
E-mail: sukhobok94@mail.ru

Болдырев О.Ю., Чихладзе Л.Т. Экономический суверенитет государства: ценность, вызовы, правовые механизмы защиты. DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_110 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 110–127.

УДК 341:342:339:32

DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_110

Экономический суверенитет государства: ценность, вызовы, правовые механизмы защиты

Болдырев Олег Юрьевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Финансовый университет при Правительстве РФ
г. Москва, Россия
E-mail: oleg211291@bk.ru

Чихладзе Леван Теймуразович

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
г. Москва, Россия
E-mail: levanbook@gmail.com

*Поступила в редакцию 15.08.2022, поступила после рецензирования 28.09.2022,
принята к публикации 01.11.2022*

Суверенитет рассматривается как один из признаков государства, однако глобализация и интеграционные процессы бросают вызов государственному суверенитету (особенно, его экономической составляющей – экономическому суверенитету). Многие государства, являясь суверенными де-юре, не обладают полнотой суверенитета де-факто. Для России эта проблема также актуальна: сохраняется высокая зависимость от импорта высокотехнологичной продукции, от иностранных комплекующих, иностранных стандартов, иностранных программных продуктов и платежных систем. Несмотря на то, что провозглашены меры, направленные на решение этих проблем, их результативность вызывает вопросы. Так, проводимая финансово-экономическая политика и некоторые изменения российского законодательства (в частности, налогового), как представляется, не только не содействуют подлинному импортозамещению, но и создают для него сложности. И хотя политики, экономисты и философы спорят, сохраняется ли в современном мире ценность государственного суверенитета, для юристов ответ очевиден: суверенитет – один из ключевых принципов и международного права, и конституционного права большинства государств. Правда, юристы иногда «не замечают» угроз суверенитету, считая, что суверенитет – понятие формальное, а не фактическое, а передача части

© Болдырев О.Ю., Чихладзе Л.Т., 2022

полномочий государства межгосударственным объединениям не следует понимать, как отчуждение части суверенитета. Думается, что такой подход лишь камуфлирует проблему, а не содействует ее решению – тем более, что зарубежный опыт свидетельствует о возможности использования различной терминологии («передача полномочий», «передача суверенных прав», «ограничение суверенитета» и т.д.) для сходных явлений. В статье обращается внимание на некоторые угрозы экономическому суверенитету, с которыми столкнулась Россия, и которые связаны с государственным долгом, различными международными обязательствами. Новые санкции в связи с изменением геополитической ситуации в 2022 г. актуализируют эту проблематику: зависимость от импорта критически значимой продукции, от зарубежного программного обеспечения; вопрос отключения России от системы SWIFT; прекращение действия в России платежных систем Visa и Mastercard; замораживание российских резервов и т.д. Авторами статьи делается вывод, что хотя одним из аргументов в пользу проведения конституционной реформы 2020 г. служила защита государственного суверенитета, ряд проблем в этой части остаются нерешенными, в том числе, не введены конституционные ограничения внешних заимствований; не установлены усложненные процедуры принятия тех международных обязательств, которые могут повлечь ущемление экономического суверенитета государства; не использованы иные механизмы обеспечения государственного суверенитета, которые уже апробированы за рубежом. Поэтому сохраняется актуальность дальнейшего конституционного реформирования в части обеспечения экономического и в целом государственного суверенитета.

Ключевые слова: суверенитет, экономический суверенитет, глобализация, интеграция, импортозамещение, конституционная реформа 2020 г., временное применение международных договоров

Economic Sovereignty of a State: Value, Challenges, Legal Mechanisms for Protection

Oleg Yu. Boldyrev

Lomonosov Moscow State University,
Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia
E-mail: oleg211291@bk.ru

Levan T. Chikhladze

RUDN University,
Moscow, Russia
E-mail: levanbook@gmail.com

Received 15.08.2022, revised 28.09.2022, accepted 01.11.2022

Abstract. Sovereignty is seen as one of the hallmarks of a state, however globalization and integration processes challenge state sovereignty. First of all, they challenge the economic component of state sovereignty – the so-called economic sovereignty. Many states, while de jure sovereign, do not have full sovereignty de facto. This problem is also relevant for Russia: it remains highly dependent on imports of high-tech products, on foreign

components, foreign standards, foreign software products and payment systems. Although measures to address these problems were proclaimed, their effectiveness is doubtful. It seems that the ongoing financial and economic policy and some changes in Russian legislation (in particular, tax legislation) don't contribute to genuine import substitution. Moreover they create difficulties for it. Of course, political scientists, economists and philosophers argue whether the value of state sovereignty is preserved in the modern world. But for lawyers the answer is obvious: sovereignty is one of the key principles of both international law and the constitutional law of most states. However, lawyers sometimes "do not notice" the threats to sovereignty, believing that sovereignty is a formal concept, not an actual one. According to many lawyers, the transfer of the powers of the state to supranational unions is not a limitation of sovereignty. It seems that such an approach only camouflages the problem, and does not contribute to its solution. Moreover, foreign experience indicates the possibility of using different terminology ("transfer of powers", "transfer of sovereign rights", "restriction of sovereignty", etc.) for similar phenomena. The article draws attention to some of the threats to economic sovereignty that Russia has faced, and which are associated with public debt, various international obligations. New sanctions in connection with a change in the geopolitical situation in 2022 actualize this issue: dependence on imports of critically important products, on foreign software; disconnection Russia from the SWIFT system; termination of Visa and Mastercard payment systems in Russia; freezing of Russian reserves, etc. The authors of the article conclude that although one of the arguments in favor of the constitutional reform of 2020 was the protection of state sovereignty, a number of problems in this part remain unresolved. No constitutional restrictions on external borrowing have been introduced. Complicated procedures for the conclusion of those international agreements that may lead to limitation of the economic sovereignty of the state have not been established; other mechanisms for ensuring state sovereignty, which have already been tested in foreign experience, have not been used. Therefore, the relevance of further constitutional reform in terms of ensuring economic sovereignty remains

Keywords: sovereignty; economic sovereignty; globalization; integration; import substitution; constitutional reform 2020; provisional application of international treaties

For citation: Boldyrev O.Yu., Chikhladze L.T. Economic Sovereignty of a State: Value, Challenges, Legal Mechanisms for Protection, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 110-127. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_110.

В начале XX в. Н.И. Палиенко писал, что «суверенитет является не только исторической категорией, но и ныне... является тем необходимым критерием, который даст возможность отличить государство от других публично-правовых союзов... <...> Пока на земле будут существовать общественные союзы, власть и право, будет существовать и суверенитет» (Палиенко 2014: 354-355).

Но следствием глобализационных и интеграционных процессов конца XX – начала XXI в. стала десуверенизация государств. Очевидны расхождения между сферами ведения государств и полномочиями их органов, закрепленными конституционно, с одной стороны, и реально контролируемые ими – в условиях ограничений, наложенных международными обязательствами, – с другой.

Особенно уязвимой оказывается экономическая составляющая государственного суверенитета (экономический суверенитет), что наглядно продемонстрировал мировой финансовый кризис (Сильвестров 2016: 86). Более того, именно экономические механизмы сегодня «позволяют достигать тех целей по установлению “трансграничного контроля”... который ранее обеспечивался лишь силовыми методами» (Ершов 2005: 4). Показательно развитие такого направления, как «геоэкономика», которую американские авторы называют «войной иными средствами» (см.: Блэквилл, Харрис 2017). В результате исследователи констатируют: «В мире нет таких стран, которые обладают абсолютным суверенитетом, поскольку их экономическая деятельность неизбежно испытывает всевозможного рода ограничения» (Белов 2018: 181).

Является ли Россия суверенным государством не де-юре, а де-факто? Данные последних лет подтверждают сохранение чрезвычайной зависимости России от импорта высокотехнологичной продукции (например, пандемия COVID-19 продемонстрировала, что даже субстанции многих лекарств, относящихся к жизненно важным, – импортные)¹, от иностранных комплектующих (актуальные примеры – самолет Sukhoi Superjet 100, навигационная спутниковая система ГЛОНАСС и др.) и стандартов (последнее обуславливает долгосрочную зависимость), иностранных программных продуктов и платежных систем².

Новые геополитические условия, в которых в 2022 г. оказалась Россия (независимо от оценок ее внешнеполитических действий), актуализируют проблему обеспечения экономического суверенитета (и тесно связанную с ней проблематику экономической безопасности государства), делая ее не только одной из ключевых проблем экономической (и в целом государственной) политики, но и одной из основополагающих проблем различных отраслей права, межотраслевых сфер законодательства и конституционного права, задающего вектор их развития (см.: Болдырев 2022).

Результативность мер, направленных на решение проблемы создания собственных платежных систем, заслуживает отдельного рассмотрения (в 2022 г. данная проблематика была актуализирована в связи с вопросом отключения России от системы SWIFT, прекращения действия в России платежных систем Visa и Mastercard). Аналогично обстоит дело и с мерами, направленными на так называемое импортозамещение, имеющее важное значение в обеспечении экономического суверенитета государства (см.: Болдырев 2022). Не только проводимая на протяжении многих

¹ Подобная зависимость фиксировалась и до пандемии (см., напр.: Зависимость российской промышленности от импорта превысила 90% // WorldCrisis. 2018. 8 февр. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2952449> (дата обращения: 14.02.2021)), но пандемия COVID-19, а затем и события 2022 г. вновь подтвердили зависимость России от импорта высокотехнологичной продукции.

² Подробнее о том, насколько Россия соответствует принципам, провозглашенным в Конституции 1993 г. (включая принцип государственного суверенитета), см.: (Болдырев 2020а).

лет финансово-экономическая политика, в результате которой, к примеру, усложнялся доступ предприятий реального сектора экономики к «длинным» дешевым кредитам (Глазьев 2018), но и некоторые изменения в российском законодательстве не могли не вызывать серьезных опасений. Актуальный пример – произведенные изменениями в Налоговый кодекс РФ (далее – НК РФ), внесенными Федеральным законом от 03.08.2018 № 303-ФЗ¹, повышение НДС в 2018 г. На данной проблеме акцентирует внимание научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ член-корреспондент РАН Д.Е. Сорокин: «Кто мог подумать, что технологический и социальный прорыв (обещанный в майском указе президента РФ 2018 г. – *Авт.*) начнется с повышения пенсионного возраста и налогов?» (Сорокин 2020: 123). Показательно, что сама процедура взимания НДС в России вынуждает предприятия реального сектора обращаться к займам для его уплаты. Так, по ст. 167 НК РФ² моментом определения налоговой базы по общему правилу служит «наиболее ранняя из следующих дат» (п. 1 ст. 167 гл. 21 НК РФ) день отгрузки (передачи) товаров и т.д. или день оплаты. Но практика показывает: чем более высокотехнологичной является продукция, тем длиннее технологический цикл и тем позже приходит оплата, соответственно, у предприятий реального сектора экономики возникает обязанность по уплате налога до получения оплаты, из-за чего они попадают в кредитную кабалу.

Другой пример: в соответствии с изменениями, внесенными в ст. 150 НК РФ Федеральным законом от 29.09.2019 № 324-ФЗ³, «не подлежит налогообложению (освобождается от налогообложения) ввоз на территорию Российской Федерации и иные территории, находящиеся под ее юрисдикцией», «гражданских воздушных судов»⁴, «авиационных двигателей, запасных частей и комплектующих изделий, предназначенных для строительства, ремонта и (или) модернизации на территории Российской Федерации гражданских воздушных судов, а также печатных изданий, опытных образцов и (или) их составных частей, необходимых для разработки, создания и (или) испытания гражданских воздушных судов и (или) авиационных двигателей» (п. 22 ст. 150 НК РФ). Возникает вопрос: содейству-

¹ Федеральный закон от 03.08.2018 № 303-ФЗ (ред. от 30.10.2018) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32, ч. 1. Ст. 5096.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.

³ Федеральный закон от 29.09.2019 № 324-ФЗ «О внесении изменений в статью 24.2 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44697> (дата обращения: 12.06.2021).

⁴ Ограничение – всего лишь оговорка «при условии представления в таможенный орган копии свидетельства о государственной регистрации гражданского воздушного судна в Государственном реестре гражданских воздушных судов Российской Федерации» (п. 20 ст. 150 НК РФ). – *Авт.*

ют ли такие изменения в законодательстве импортозамещению в такой стратегической сфере, как авиационная промышленность, или же, напротив, ухудшают положение отечественных производителей и привязывают российскую авиацию к импорту?

Распространена точка зрения, что эти вопросы не имеют отношения к конституционно-правовому пониманию категории «суверенитет». Но в итоге юристы не слышат тревожных звонков, на которые обращали внимание экономисты: «...сколько бы мы ни гордились своей независимостью, на самом деле наша экономика абсолютно зависит от любого движения...» (Сильвестров 2019: 6). Изменение геополитической ситуации в 2022 г. вновь высветило проблему несамодостаточности российского производства (так, выяснилось, что ключевые элементы «российских» процессоров «Эльбрус» и «Байкал» производились тайваньской компанией TSMC¹ и т.д.).

При этом если политологи, экономисты и философы расходятся во мнениях о том, является экономический (и в целом государственный) суверенитет ценностью или рудиментом, то для юристов ценность суверенитета более очевидна. В международном праве принцип (уважения) государственного суверенитета не только отражается в принципах суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела другого государства, территориальной целостности государств (ст. 2, 78 Устава ООН, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г., Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.), но и рассматривается как основополагающий принцип общего международного права (Бекашев 2008: 916). Конституции большинства государств в прямой или косвенной форме закрепляют суверенитет. Конституционный суд России отмечал, что суверенитет «представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус»².

Постепенно правовое закрепление в качестве особой ценности получает и принцип экономического суверенитета как в международном (см.: Блищенко, Дория 2000), так и в конституционном праве (см.: Болдырев 2018), в частности в практике Конституционного суда РФ³. Данный

¹ TSMC лишила Россию отечественных чипов «Эльбрус», 27.02.2022. URL: <https://www.vesti.ru/hitech/article/2682688> (дата обращения: 12.06.2021).

² См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 25. Ст. 2728.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2004 г. № 8-П по делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 18. Ст. 1833.

принцип не противопоставляется государственному суверенитету, а выступает одной «из сторон более общего понятия государственного суверенитета» (Чиркин 2019: 7), причем в современном мире – одной из важнейших его сторон.

Кроме того, сохранение экономического суверенитета выступает предпосылкой самой возможности всестороннего обеспечения ряда других конституционных принципов и ценностей, в том числе таких как «социальное государство» (ст. 7 Конституции РФ) и «безопасность государства» (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Так, суверенитет «дает возможность, при правильной экономической политике, обеспечивать национальную экономическую безопасность. <...> ...чем больший суверенитет, тем более оно (государство. – *Авт.*) способно предпринять действия на пользу национальной экономике» (Белов 2018: 182). Действительно, хотя среди экономистов идут дискуссии о мерах по обеспечению экономической безопасности, о роли государства в экономике и конкретных направлениях социально-экономической политики, но возможность их выбора и использования определяется тем, сохраняется ли в руках государства сам суверенный спектр данных мер и форм экономической политики, то есть, иными словами, сохраняется ли его экономический суверенитет.

Несмотря на то что угрозы суверенитету государств бросают вызов основам международного права и конституционного строя (исследователи признают, что «большинство государств мира, формально имея суверенитет, не обладают им в полной степени реально, так как на них распространяется... экономическая... воля и даже экспансия более сильных государств» (Пастухова 2013: 65), многие российские правоведы стараются не замечать данную проблему, считая, что суверенитет – абстрактное понятие, принятие международных обязательств – это реализация, а не ограничение суверенитета, суверенитет неотчуждаем, а межгосударственным объединениям по ст. 79 Конституции РФ могут передаваться лишь полномочия, а не суверенитет. На наш взгляд, в данном случае ссылками на международно-правовые и конституционные акты юристы лишь камуфлируют проблему (см.: Болдырев 2018).

В то же время еще И.Д. Левин писал: «О суверенитете уже не приходится говорить там, где под покровом формальной независимости скрывается полная экономическая, политическая и военная зависимость... В этом случае суверенитет отсутствует не только в политическом, но и в юридическом смысле, как бы ни звучала соответствующая статья международного договора. <...> Судить о наличии или отсутствии суверенитета лишь по словесной терминологии, употребляемой в международном договоре или конституции, – даже если эта терминология полностью противоречит действительному положению вещей... было бы несостоятельно ни с политической, ни с юридической точки зрения» (Левин 2003: 47).

Следует подчеркнуть, что различается и терминология, используемая в конституциях и решениях органов конституционного контроля: говорится о возможности передачи международным организациям/объединениям

полномочий, либо суверенных полномочий, либо суверенных прав, либо суверенитета. В Конституции Италии содержится положение о допустимости ограничения суверенитета, а в решении Конституционного суда Чешской Республики от 26 ноября 2008 г. фактически подтверждается передача части суверенитета на наднациональный уровень (хотя и аргументируется обоснованность этого)¹.

Сегодня некоторые правоведы все-таки признают и применительно к России, что «передача части полномочий государства – это, по сути, уступка части суверенитета» (Ковлер 2016: 83)², и отмечают проблему «ограничения государственного суверенитета в экономической сфере в связи с участием Российской Федерации в межгосударственных объединениях» и передачей им его части своих полномочий (Гаджиев 2009: 276).

Далее мы охарактеризуем некоторые угрозы экономическому суверенитету, с которыми столкнулась Россия. Следует указать, что данные угрозы обычно рассматриваются по отдельности, в разном контексте, вместе с тем, на наш взгляд, они являются различными аспектами одной проблематики (см.: Болдырев 2018).

1. Государственный долг как угроза суверенитету государства

В экономической и политологической литературе государственный долг рассматривается как инструмент экономической зависимости и иностранного контроля над экономикой государства (см., напр.: Ждановская 2018). Так, финансовая помощь со стороны МВФ ряду государств «обуславливалась принятием последними далеко не самой рациональной, а порой и просто губительной политики» (Богомолов 2007: 37-38)³.

Россия в 1990-е гг. столкнулась с закредитованностью по линии международных финансовых организаций. Причем условиями предоставления России кредитов МВФ и Всемирного банка служили информирование кредиторов «о финансово-хозяйственном состоянии многих объектов (в том числе стратегических) российской промышленности» (Отчет Счетной палаты... 2000а: 37), обязательные к исполнению рекомендации «по приватизации конкретных объединений» (Отчет Счетной палаты... 2000b: 147) и т.д. В Постановлении Государственной думы от 19.06.1998 № 2644-IIIД констатировалось: размер государственного внешнего долга РФ стал представлять прямую угрозу экономическому и политическому суверенитету государства.

¹ Judgment by the Czech Constitutional Court on the Treaty of Lisbon (26 November 2008). URL: https://www.cvce.eu/en/obj/judgment_by_the_czech_constitutional_court_on_the_treaty_of_lisbon_26_november_2008-en-38994b57-d591-424a-953b-ff03e4c5c1b1.html (дата обращения: 12.03.2020).

² При этом А. Ковлер считает, что это делается «ради высокой цели, каковой является защита основных прав и свобод человека» (Ковлер 2016: 83).

³ О разрушительной в отношении суверенных национальных экономик политике МВФ и Всемирного банка писал и бывший главный экономист Всемирного банка, лауреат Премии Шведского национального банка по экономическим наукам памяти А. Нобеля Дж. Стиглиц (см., напр.: Стиглиц 2003).

В 2000-е гг. проблема трансформировалась из категории внешнего государственного долга в задолженность перед иностранными кредиторами российских корпораций и регионов¹, причем заимствования привлекались под больший процент, чем тот, под который российские резервы размещались в иностранных финансовых учреждениях.

Зарубежный опыт свидетельствует о возможности установления конституционных лимитов государственного долга в процентах от ВВП: такие положения содержатся, например, в п. 5 ст. 216 Конституции Польши 1997 г.; п. 2 ст. 37 Конституции Венгрии 2012 г. (причем п. 4 ст. 36 данной конституции устанавливает, что парламент может принять только такой закон о центральном бюджете, который не приводит к увеличению уровня государственного долга²).

2. Международные обязательства как угроза экономическому суверенитету государства

Соглашения о внешних заимствованиях – частный случай международных обязательств, накладывающих ограничения на экономический суверенитет государства. Речь идет о международных обязательствах в широком смысле слова: это и международные договоры, и различные инвестиционные и концессионные соглашения и т.п. В соответствии с этими обязательствами может осуществляться передача части государственных полномочий в экономической сфере межгосударственным объединениям (в ст. 79 Конституции России – как и в ряде других конституций – устанавливается как такая возможность, так и некоторые ограничения), а также де-факто может ограничиваться полнота суверенитета государства в определении своей экономической политики и распоряжении своими ресурсами в рамках «гарантий прав инвесторов» (см.: Фархутдинов 2008: 5-20).

Россия неоднократно сталкивалась с этими вызовами суверенитету. Так, принятый Государственной думой РФ 14.06.1995 Федеральный закон «О соглашениях о разделе продукции» (был в таком виде отклонен Советом Федерации) фактически предоставлял возможность передачи права регулирования потоков сырья на мировые рынки в руки частных компаний, лишая Россию права ограничивать поставки сырья (см., в частности, п. 2 ст. 9 законопроекта). При этом срок действия соглашений в законопроекте не ограничивался, а по ст. 17 внесение изменений в соглашение

¹ См., напр.: Заключение Счетной палаты Российской Федерации по Отчету Правительства Российской Федерации о реализации плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г. за 2015 г. и информации Центрального банка Российской Федерации по вопросам, предусмотренным статьей 3 Федерального закона от 20 апреля 2015 г. № 87-ФЗ, включая результаты проверки и анализа хода реализации плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г. URL: http://audit.gov.ru/activities/control/anti-crisis-measures.php?clear_cache=Y (дата обращения: 04.08.2021).

² Конституция (Основной закон) Венгрии (25 апреля 2011 г.). URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=298> (дата обращения: 12.04.2021).

допускалось лишь по взаимному согласию сторон (государство фактически лишалось возможности вернуть себе утраченные полномочия). Законопроект допускал возможность отказа в соглашениях от иммунитета государства (абз. 1 п. 2 ст. 20 и ст. 23); возможность выведения спорных вопросов из российской юрисдикции и отклонения от российского законодательства (абз. 2 п. 3 ст. 1; п. 2 ст. 7, ст. 22) (см.: Болдырев 2007). Эти угрозы подтверждаются и Отчетом Счетной палаты РФ по результатам проверки реализации Соглашений о разделе продукции на Сахалине (Отчет Счетной палаты... 2000с).

Следующим вызовом для России стало подписание Договора к Энергетической хартии (далее – ДЭХ). Хотя Хартия признает в ст. 18 суверенитет над природными ресурсами, но фактически ограничивает его понимание лишь правом собственности на ресурсы (в соответствии же с Резолюцией 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1962 г. в суверенные права включаются разведка и эксплуатация, распоряжение природными ресурсами; право устанавливать правила для иностранных инвесторов, право на экспроприацию и реквизицию, если они мотивируются общественной пользой, – с выплатой компенсаций) (Ергобек 2016: 246). Счетная палата РФ дала отрицательное заключение на ДЭХ¹, и договор не был ратифицирован Россией. Но допустимость «временного применения» нератифицированных международных договоров позволила применить положения ДЭХ международному арбитражу в Гааге, вынесшему в 2014 г. против России решение по делам бывших акционеров компании «ЮКОС» на сумму около 50 млрд долл. США. Оно было оспорено в Окружном суде Гааги, который использовал в своем решении экспертные заключения ряда юристов, включая профессора С.А. Авакьяна, указывавшего, что исходя из Конституции и законодательства России нератифицированный международный договор не может породить юридические последствия, так как это нарушает принцип разделения властей². В 2020 г. апелляционный суд вновь пересмотрел дело в пользу бывших акционеров компании «ЮКОС», и хотя 5 ноября 2021 г. Верховный суд Нидерландов снова отменил решение в пользу бывших акционеров компании «ЮКОС»³,

¹ Данное заключение было подготовлено Счетной палатой Российской Федерации в соответствии с Постановлением ГД РФ (см.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 февраля 1997 г. № 1173-III ГД «О подготовке Счетной палатой РФ заключения по Европейской Энергетической Хартии, Договору к Энергетической Хартии и Протоколу к Энергетической Хартии по вопросам энергетической эффективности и соответствующим экологическим аспектам в связи с намечаемой их ратификацией Государственной Думой» (URL: <https://www.lawmix.ru/expertlaw/231297> (дата обращения: 12.04.2021)).

² См. пп. 5.61, 5.79, 5.81, 5.87, 5.88, 5.93, 5.94 Решения Окружного суда Гааги от 20 апреля 2016 г. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw7255.pdf> (дата обращения: 16.06.2021).

³ С текстом решения можно ознакомиться по ссылке: URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:HR:2021:1645&showbutton=true&keyword=ECLI%3aNL%3aHR%3a2021%3a1645> (дата обращения: 12.11.2021).

однако аргумент России о неподсудности данного дела международному арбитражу в Гааге был отклонен¹.

В 2012–2013 гг. Конституционный суд РФ дважды рассматривал вопрос о конституционности присоединения России к ВТО². Хотя Конституционный суд не признал присоединение к ВТО ограничением государственного суверенитета, в юридической науке представлена и иная позиция, которая, в частности, отражена в монографии «Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты» одного из авторов этой статьи (Болдырев 2018; см. также: Грачев 2014: 55–62).

Конечно, с формально-юридической точки зрения столь же правомерным является вопрос и о сохранении полноты экономического суверенитета России в рамках интеграции на постсоветском пространстве (Таможенный союз ЕврАзЭС, а с 2015 г. – ЕАЭС). Но с политической точки зрения ситуация представляется иной: в данном случае (в отличие от присоединения к ВТО) Россия сама была одним из архитекторов соответствующих межгосударственных объединений и участвовала в «определении правил игры».

Ряд иных вызовов и угроз экономическому суверенитету государства, с которыми пришлось столкнуться России, были систематизированы в монографии «Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты» одного из авторов этой статьи (Болдырев 2018). Вместе с тем возникает вопрос: использует ли Конституция РФ с учетом изменений, внесенных Законом о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон о поправке к Конституции РФ 2020 г.), апробированный в мировом опыте инструментарий обеспечения и защиты экономического суверенитета (Болдырев 2020b)?

1. Вопрос защиты России от долговой зависимости на конституционном уровне остается нерешенным, как и в целом вопрос обеспечения финансового суверенитета. Среди основных угроз – денежно-кредитная политика, рассматриваемая экспертами как несовместимая «с независимым

¹ Подробнее об этом см.: (Болдырев 2021).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации – Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // Российская газета от 20 июля 2012 г. № 165; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 1055-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности Федерального закона “О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года”». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70320168/> (дата обращения: 12.11.2021).

политическим курсом и национальной безопасностью России» (Глазьев 2015: 34-35), многолетнее размещение российских резервов в финансовых инструментах западных государств, квалифицирующееся некоторыми экономистами как «льготное кредитование стратегических конкурентов России» (Сильвестров 2016: 84), и т.д. В 2022 г. Россия столкнулась с замораживанием своих резервов¹, хотя ряд экономистов на протяжении многих лет предупреждали о рискованности резервирования финансовых ресурсов в кредитно-финансовых учреждениях и финансовых инструментах других, в том числе недружественных, государств без гарантий сохранности этих средств и их возвращения².

2. Хотя и Закон о поправке к Конституции РФ 2020 г. (внесший изменения в ст. 79 Конституции, в соответствии с которыми решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации, в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению, а также изменения в ст. 125 Конституции РФ, наделяющие Конституционный суд РФ полномочием разрешать вопрос о возможности исполнения решений иностранных и международных судов и арбитражей), и Определение Конституционного суда РФ от 24.12.2020 № 2867-О-Р³ (в котором указана недопустимость временного применения положений нератифицированного международного договора РФ, предусматривающих разрешение международным арбитражем споров между Российской Федерацией и иностранными инвесторами) как будто направлены на защиту «внешнего» аспекта суверенитета России, однако подобная защита представляется недостаточной. Так, остается неясность в вопросе о том, допускается ли временное применение иных (кроме предусматривающих разрешение международным арбитражем споров между Российской Федерацией и иностранными инвесторами) положений нератифицированных международных договоров, которые могут нести не меньшую угрозу для суверенитета России, как, например, много лет «временно применявшееся» Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств (Вылегжанин 2010). Не произошло и установления предусмотренных в

¹ См., напр.: Минфин заявил о заморозке \$300 млрд золотовалютных резервов из-за санкций, 13.03.2022. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/03/2022/622dd6ee9a7947081b63341c> (дата обращения: 30.03.2022).

² Например, эту проблему отмечал заведующий кафедрой политической экономики и истории экономической науки РЭА им. Г.В. Плеханова доктор экономических наук Р.С. Дзарасов. См.: *Ваньков В.* Деньги есть, но мы их не увидим. В условиях бюджетного дефицита власти хотят сделать экономику еще более экономной, 11.09.2015. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/131578/> (дата обращения: 03.07.2021).

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 867-О-Р «О разьяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 г. № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012280019> (дата обращения: 03.07.2021).

конституциях ряда государств усложненных процедур принятия решений о передаче государственных полномочий межгосударственным объединениям и принятия иных международных обязательств, способных повлечь за собой ограничение экономического суверенитета государства (что также могло быть достигнуто путем внесения дополнений в ст. 79 Конституции РФ)¹.

Выводы

В современном мире одним из ключевых элементов государственного суверенитета становится экономический суверенитет. В то же время именно этот элемент государственного суверенитета подвергается наибольшей «эрозии», причем зачастую при формально-юридическом (с точки зрения международного и конституционного права) сохранении государственного суверенитета.

Россия неоднократно сталкивалась с вызовами своему экономическому суверенитету. Несмотря на то, что конституционная реформа 2020 г. проводилась под лозунгом обеспечения государственного суверенитета², экономический суверенитет России остался во многом незащищенным. В частности, не был использован зарубежный опыт конституционного установления лимитов внешних заимствований, не были установлены усложненные процедуры принятия тех международных обязательств, которые способны повлечь за собой ущемление экономического суверенитета государства.

Соответственно, сохраняется (а с учетом новой геополитической ситуации – и актуализируется) целесообразность дальнейшего конституционного реформирования в части обеспечения экономического суверенитета как одного из важнейших аспектов государственного суверенитета в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бекашев К.А. 2008. Принцип уважения государственного суверенитета – основополагающий принцип общего международного права // *Lex russica* (Русский закон). Т. 67, № 4. С. 913-928.

Белов В.Б. (ред.) 2018. Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран : [монография] / [В.Б. Белов, В.В. Журкин, О.Ю. Потёмкина и др.] ; отв. ред. В. Б. Белов]. Москва : Ин-т Европы РАН : Весь Мир. 204 с.

Блищенко И.П., Дория Ж. 2000. Понятие экономического суверенитета государства // *Правоведение*. № 1(228). С. 200-217.

¹Подробнее об этом см.: (Болдырев 2018).

²Иные аспекты конституционной реформы, в том числе сомнительные с точки зрения обеспечения системы сдержек и противовесов, в данной статье не рассматриваются.

Блэквилл Р., Харрис Дж.М. 2017. Война иными средствами. Геоэкономика и искусство управления государством / пер. с англ. В. Желнинова. Москва : AST. 480 с. (Геополитика).

Богомолов О.Т. 2007. Мировая экономика в век глобализации : учебник. Москва : Экономика. 362 с. (Высш. образование).

Болдырев О.Ю. 2018. Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты: монография / науч. ред. С.А. Авакьян. Москва : Проспект. 408 с.

Болдырев О.Ю. 2020а. Конституционная реформа в России: актуальность, реализация, перспективы. Ч. 1. Государство по Конституции 1993 года: на бумаге и в жизни // Конституционное и муниципальное право. № 9. С. 3-8. DOI 10.18572/1812-3767-2020-9-3-8.

Болдырев О.Ю. 2020б. Экономический суверенитет и экономическая безопасность государства как объекты конституционно-экономического исследования // Экономическая конституция цифровой эпохи : ежегодник. Вып. 1 / РАН ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения ; отв. ред. Андреева Г.Н. Москва. С. 112-130. DOI 10.31249/ексе/2020.00.06.

Болдырев О.Ю. 2021. Экономический суверенитет России и толкование категории «международный договор Российской Федерации» в контексте Определения Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2020 года № 2867-О-Р // Конституционное и муниципальное право. № 6. С. 23-27. DOI 10.18572/1812-3767-2021-6-23-27.

Болдырев О.Ю. 2022. Импортозамещение, экономический суверенитет и экономическая политика государства в условиях санкций и геополитического противостояния: взгляд с позиций конституционного права // Конституционное и муниципальное право. № 9. С. 52-59. DOI 10.18572/1812-3767-2022-9-52-59.

Болдырев Ю.Ю. 2007. Главный урок постсоветской истории СРП – необходимость национального контроля нефтегазового сервиса // Российский экономический журнал. № 1-2. С. 108-111.

Вылегжанин А.Н. 2010. 20 лет «временного применения» Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств // Вестник МГИМО-Университета. № 1(10). С. 104-113. DOI 10.24833/2071-8160-2010-1-10-104-113.

Гаджиев Г.А. (ред.) 2009. Очерки конституционной экономики. 23 октября 2009 года / [Зорькин В.Д., Гаджиев Г.А., Баренбойм П.Д. и др.] ; отв. ред. Г.А. Гаджиев. Москва : Юстиц-информ. 280 с.

Глазьев С.Ю. 2015. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития : докл. Москва : Ин-т экон. стратегий : Рус. биогр. ин-т. 60 с.

Глазьев С.Ю. 2018. Потенциальные возможности роста российской экономики и денежно-кредитная политика Банка России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11, № 5. С. 30-48. DOI 10.15838/esc.2018.5.59.2.

Грачев Н.И. 2014. Экономическая стратегия, членство в ВТО и государственный суверенитет России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. № 4(25). С. 55-62.

Ергобек Ч.К. 2016. Принцип суверенитета над природными ресурсами в международном торговом праве // Международное торговое право в государствах Кавказа, Центральной Азии и в России: между региональной интеграцией и глобализацией / под ред. А. Трунка, А.Ч. Алиева, М.П. Трунк-Фёдоровой. Москва : Статут. С. 246-252.

Ершов М.В. 2005. Экономический суверенитет России в глобальной экономике. Москва : Экономика. 283 с.

Ждановская А.А. 2018. Внешний долг как форма экономической зависимости // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 173-187.

Ковлер А.И. 2016. Государственный суверенитет и «суверенитет прав человека» // Труды Института государства и права РАН. № 2. С. 81-88.

Левин И.Д. 2003. Суверенитет / предисл. С.А. Авакьяна. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс. 373 с.

Отчет Счетной палаты по результатам проверки реализации Соглашений о разделе продукции на Сахалине, утв. Постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 25 февраля 2000 г. № 6 (198) // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2000с. № 8(32).

Отчет Счетной палаты РФ «О результатах проверки Российского центра приватизации в части законности и эффективности использования займов, предоставленных международными финансовыми организациями на содействие осуществлению приватизации и поддержку предприятий» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2000а. № 2(26).

Отчет Счетной палаты РФ о результатах проверки целесообразности и эффективности расходования средств федерального бюджета и внешних заимствований на реструктуризацию угольной отрасли России в 1998–1999 годах // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2000b. № 4(28).

Палиенко Н.И. 2014. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение // Хрестоматия по конституционному праву : учеб. пособие / сост. Н.А. Богданова, Д.Г. Шустров. Санкт-Петербург : АЛЕФ-Пресс. Т. 2: Конституционные основы устройства государства и общества. Конституционные основы правового положения личности. С. 351-357.

Пастухова Н.Б. 2013. Государственный суверенитет: история и современность. Москва : Аспект Пресс. 365 с.

Сильвестров С.Н. 2016. Глобализация и глобальное регулирование: новейшие тенденции и вызовы для российской экономической политики // Российский экономический журнал. № 3. С. 62-91.

Сильвестров С.Н. 2019. Противодействие вызовам развития международной валютно-финансовой системы // Развитие и безопасность. № 2. С. 4-12. DOI 10.46960/74159_2019_2_4.

Сорокин Д.Е. 2020. Главная задача государства – обеспечение приоритетного развития технологий и социальной справедливости // Вопросы политической экономики. № 1(21). С. 120-129.

Стиглиц Дж.Ю. 2003. Глобализация: тревожные тенденции / пер. с англ. Г.Г. Пирогова. Москва : Мысль : Нац. обществ.-науч. фонд (1-я Обр. тип.). 302 с.

Фархутдинов И.З. 2008. Иностраннные инвестиции: вызов экономическому суверенитету // Московский журнал международного права. № 3(71). С. 5-20.

Чиркин В.Е. 2019. Интеграционные межгосударственные процессы, конституции и государственный суверенитет // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 3(76). С. 5-19. DOI 10.12737/jflcl.2019.3.1.

References

Bekyashev K.A. The Principle of Respect for the National Sovereignty is the Basic Principle of the General International Law, *Lex russica (The Russian Law)*, 2008, vol. 67, no 4, pp. 913-928. (in Russ.).

Belov V.B., Zhurkin V.V., Potemkina O.Yu. et al. (eds.) *Protection of state sovereignty – the experience of the European Union and European countries: monograph*, Moscow, Institut Evropy RAN, Ves' Mir, 2018, 204 p. (in Russ.).

Blitchenko N.P., Doria J. The Concept of State Economic Sovereignty, *Pravovedenie*, 2000, no. 1(228), pp. 200-217. (in Russ.).

Blackwill R.D., Harris J.M. *War by other means. Geoeconomics and the Art of Government*, Moscow, AST, 2017, 480 p. (in Russ.).

Bogomolov O.T. *The world economy in the age of globalization*, Moscow, Ekonomika, 2007, 362 p. (in Russ.).

Boldyrev O.Yu. *Economic sovereignty of the state and constitutional and legal mechanisms of its protection: monograph*, Moscow, Prospekt, 2018, 408 p. (in Russ.).

Boldyrev O.Yu. The Constitutional Reform in Russia: Relevancy, Implementation, Prospects. Pt. 1. The State Under the Constitution of 1993: On Paper and in Reality, *Constitutional and Municipal Law*, 2020, no. 9, pp. 3-8. DOI 10.18572/1812-3767-2020-9-3-8. (in Russ.).

Boldyrev O.Yu. Economic Sovereignty and Economic Security of the State as the Subject of the Constitutional and Economic Research, *Ekonomicheskaya konstitutsiya tsifrovoy epokhi : ezhegodnik*, Moscow, INION RAN, 2020, iss. 1, pp. 112-130. DOI 10.31249/ekce/2020.00.06. (in Russ.).

Boldyrev O.Yu. The Economic Sovereignty of Russia and the Interpretation of the International Treaty of the Russian Federation Category Within the Framework of Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2867-O-P of December 24, 2020, *Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 6, pp. 23-27. DOI 10.18572/1812-3767-2021-6-23-27. (in Russ.).

Boldyrev O.Yu. Import Substitution, Economic Sovereignty and the Economic Policy of the State in the Conditions of Sanctions and the Geopolitical Standoff: A View from the Constitutional Law Standpoint, *Constitutional and Municipal Law*, 2022, no. 9, pp. 52-59. DOI 10.18572/1812-3767-2022-9-52-59. (in Russ.).

Boldyrev Yu.Yu. The main lesson of the post-Soviet history of the PSA is the need for national control of the oil and gas service, *Russian Economic Journal*, 2007, no. 1-2, pp. 108-111. (in Russ.).

Vylegzhanin A.N. 20 years of provisional application of the Agreement between the USA and the USSR on the Maritime Boundary, *MGIMO Review of International Relations*, 2010, no. 1(10), pp. 104-113. DOI 10.24833/2071-8160-2010-1-10-104-113. (in Russ.).

Gadzhiev G.A. (ed.) *Essays on Constitutional Economics. 23 oktyabrya 2009 goda*, Moscow, Yustits-inform, 2009, 280 p. (in Russ.).

Glazyev S.Yu. *On urgent measures to strengthen Russia's economic security and put the Russian economy on the trajectory of advanced development: Report*, Moscow, Institut ekonomicheskikh strategiy, Russkiy biograficheskiy institute, 2015, 60 p. (in Russ.).

Glazyev S.Yu. Potential Opportunities for the Growth of the Russian Economy and the Monetary Policy of the Bank of Russia, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 30-48. DOI 10.15838/esc.2018.5.59.2. (in Russ.).

Grachev N.I. Economic Strategy, Membership in the WTO, and the State Sovereignty Of Russia, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*, 2014, no. 4(25), pp. 55-62. (in Russ.).

Ergobek Ch.K. The principle of sovereignty over natural resources in international trade law, A. Trunk, A.Ch. Aliev, M.P. Trunk-Fedorova (eds.) *Mezhdunarodnoe torgovoe pravo v gosudarstvakh Kavkaza, Tsentral'noy Azii i v Rossii: mezhdunarodnoy integratsiyey i globalizatsiyey*, Moscow, Statut, 2016, pp. 246-252. (in Russ.).

Ershov M.V. *Russia's economic sovereignty in the global economy*, Moscow, Ekonomika, 2005, 283 p. (in Russ.).

Zhdanovskaya A.A. External Debt as a Form of Economic Dependence, *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2018, no. 2, pp. 173-187. (in Russ.).

Kovler A.I. State Sovereignty and “Sovereignty of Human Rights”, *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2016, no. 2, pp. 81-88. (in Russ.).

Levin I.D. *Sovereignty*, St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2003, 373 p. (in Russ.).

Report of the Accounting Chamber on the results of the audit of the implementation of Production sharing Agreements on Sakhalin, *Byulleten' Schetnoy palaty Rossiyskoy Federatsii*, 2000, no. 8(32). (in Russ.).

Report of the Accounting Chamber of the Russian Federation “On the results of the audit of the Russian Center for Privatization in terms of the legality and effectiveness of the use of loans provided by international financial organizations to facilitate the implementation of privatization and support enterprises”, *Byulleten' Schetnoy palaty Rossiyskoy Federatsii*, 2000, no. 2(26). (in Russ.).

Report of the Accounts Chamber of the Russian Federation on the results of the audit of the expediency and efficiency of spending federal budget funds and external borrowings on the restructuring of the Russian coal industry in 1998–1999, *Byulleten' Schetnoy palaty Rossiyskoy Federatsii*, 2000, no. 4(28). (in Russ.).

Palienko N.I. Suverenitet. Istoricheskoe razvitiye idei suvereniteta i ee pravovoe znachenie, N.A. Bogdanova, D.G. Shustrov (comp.) *Khrestomatiya po konstitutsionnomu pravu : ucheb. posobie*, St. Petersburg, ALEF-Press, 2014, vol. 2, pp. 351-357. (in Russ.).

Pastukhova N.B. *State sovereignty: history and modernity*, Moscow, Aspekt Press, 2013, 365 p. (in Russ.).

Silvestrov S. Globalization and Global Regulation: Trends and Challenges for Economic Policy in Russia, *Russian Economic Journal*, 2016, no. 3, pp. 62-91. (in Russ.).

Silvestrov S.N. Countering Development Challenges of the International Monetary and Financial System, *Razvitiye i bezopasnost'*, 2019, no. 2, pp. 4-12. DOI 10.46960/74159_2019_2_4. (in Russ.).

Sorokin D.E. The Key Task of the State is to Ensure That Technological Progress and Social Justice Are Development Priorities, *Problems in Political Economy*, 2020, no. 1(21), pp. 120-129. (in Russ.).

Stiglitz J.E. *Globalization and Its Discontents*, Moscow, Mysl', Natsional'nyy obshchestvenno-nauchnyy fond (1-ya Obr. tip.), 2003, 302 p. (in Russ.).

Farkhutdinov I.Z. Foreign Investment: A Challenge for the State Sovereignty, *Moscow Journal of International Law*, 2008, no. 3(71), pp. 5-20. (in Russ.).

Chirkin V.E. Integrational Interstate Processes, Constitutions and State Sovereignty, *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, no. 3(76), pp. 5-19. DOI 10.12737/jflcl.2019.3.1. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Олег Юрьевич Болдырев

кандидат юридических наук, ассистент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7030-1501>;
ResearcherID: AAD-5639-2019;
SPIN-код: 9185-8333;
E-mail: oleg211291@bk.ru

Леван Теймуразович Чихладзе

доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой муниципального права Юридического института РУДН, и. о. зав. кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8807-2572>;
ResearcherID: A-7214-2017;
ScopusID: 57193356969;
SPIN-код: 9107-0406;
E-mail: levanbook@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg Yu. Boldyrev

Candidate of Law Sciences, Assistant at the Department of Constitutional and Municipal Law Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Leading Researcher at the Institute for Economic Policy and Economic Security Problems of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7030-1501>;
ResearcherID: AAD-5639-2019;
SPIN-код: 9185-8333;
E-mail: oleg211291@bk.ru

Levan T. Chikhladze

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Municipal Law Law Institute of RUDN University, and about. Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law Moscow State Regional University, Moscow, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8807-2572>;
ResearcherID: A-7214-2017;
ScopusID: 57193356969;
SPIN-код: 9107-0406;
E-mail: levanbook@gmail.com

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 40–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант («»). Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая

должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в круглых скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: (Булгаков 1994: 203-204).

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian or English.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of science and education of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 40000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indention, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in round brackets (). In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: (Jameson 2009: 167).

11. After-text bibliography includes the List of sources and References.

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 22

Выпуск 4

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *М.И. Лаевская*
Корректор *Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 16.01.2023 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 10,3 Уч.-изд. л. 9,3
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.